B138
6.1

Книгоиздательство „СОТРУДНИЧЕСТВО“.

В138/19

Соціализація земли.

Сборникъ статей.

Выпускъ первый.

Л. Шишко. Что такое соціализація земли.
Л. Закъ. Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе.
С. Закъ. Соціализація земли и поземельная рента.
П. Вихляевъ. Соціализація земли и прогрессъ сельскаго хозяйства.

Цѣна 80 коп.

Д. О. Р. Книгохранилище Отд. № 1201
Инв. № 3013.

МОСКВА—1907 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
698965

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ. Телеф. 18-35 и 53-95.
1907.

Что такое соціализація земли.

I.

Соціализація земли есть та ближайшая экономическая мѣра, то первоначальное экономическое преобразованіе существующаго общественнаго строя, которое связано съ осуществленіемъ основныхъ соціалистическихъ требованій, но которое вытекаетъ при этомъ изъ общей постановки рабочаго вопроса въ данной странѣ, т.-е. изъ тѣхъ конкретныхъ условій, среди которыхъ развивается въ ней соціалистическое движеніе.

Такъ какъ всякое соціалистическое движеніе проявляется, на извѣстныхъ ступеняхъ своего развитія, въ формѣ массового рабочаго движенія, при чемъ непосредственнымъ стимуломъ этого массового рабочаго движенія является тяжелое экономическое положеніе рабочихъ массъ,—то главнѣйшимъ составнымъ элементомъ той конкретной обстановки, тѣхъ конкретныхъ условій, среди которыхъ развивается данное соціалистическое движеніе, является это именно тяжелое экономическое положеніе данныхъ рабочихъ массъ; при чемъ всѣ особенности этого тяжелаго экономическаго положенія трудящихся массъ, всѣ основныя черты этой рабочей—если такъ можно выразиться—экономики должны непосредственно отразиться на характерѣ самого рабочаго и соціалистическаго движенія, независимо или, лучше сказать, въ дополненіе къ тѣмъ общимъ чертамъ и свойствамъ этого движенія, которыя опредѣляются общими для всѣхъ странъ условіями его развитія.

Мы знаемъ, что этими общими условіями развитія всякаго соціалистическаго движенія являются общія, такъ сказать, родовыя отличительныя свойства капиталистическаго строя: отлученіе трудящихся массъ отъ необходимыхъ для нихъ средствъ производства и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ буржуазнаго класса, при соотвѣтствующемъ этому экономическому процессу политическомъ

преобразованіи феодальнаго, чисто-дворянскаго государства въ капиталистическое, съ большей или меньшей примѣсью въ немъ пережитковъ дворянско-монархическаго строя.

Но, помимо этихъ общихъ всѣмъ капиталистическимъ странамъ результатовъ ихъ предшествующаго экономическаго и политическаго развитія, помимо этихъ общихъ условій возникновенія и развитія въ нихъ рабочаго и соціалистическаго движенія,— существуютъ еще особыя, видовыя черты даннаго капиталистическаго строя и даннаго экономическаго положенія трудящихся массъ въ той или другой странѣ, отражающіяся на характерѣ ея рабочаго движенія и на общей постановкѣ въ ней рабочаго вопроса. По существу своему экономическое положеніе рабочихъ массъ, конечно, одинаково во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, и вездѣ оно обусловливаетъ собою неизбѣжность болѣе или менѣе усиленной эксплоатаціи ихъ труда въ пользу господствующихъ классовъ; но тѣ формы, въ которыхъ производится эта эксплоатація, та конкретная экономическая обстановка, среди которой она осуществляется, вовсе не вездѣ одинакова, а, напротивъ того, бываетъ очень различна, въ зависимости отъ основныхъ условій экономическаго развитія данной страны.

Главнѣйшее различіе, наблюдаемое въ этомъ отношеніи между различными капиталистическими странами, можетъ быть сведено къ степени поглощенія въ нихъ сельско-хозяйственной промышленности фабрично-заводскою и—что для насъ особенно важно въ данномъ случаѣ—къ относительнымъ размѣрамъ, къ относительной численности въ нихъ трудового крестьянскаго населенія. Такъ какъ въ однѣхъ странахъ эти относительные размѣры выражаются цыфрою 10% всего населенія, въ другихъ странахъ цыфрами 35% или 40%, а въ третьихъ—цыфрою 80%, то эта очень существенная фактическая сторона даннаго экономическаго положенія оказываетъ, какъ мы видимъ, свое рѣшающее вліяніе на преобладающій характеръ экономической эксплоатаціи данныхъ рабочихъ массъ, а слѣдовательно—и на особый характеръ развивающагося въ ней рабочаго движенія, на особую постановку въ ней всего рабочаго вопроса.

Ибо рабочее, а слѣдовательно, и соціалистическое движеніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть представлены въ томъ или другомъ общемъ, отвлеченномъ, схематическомъ видѣ, одинако-

давать и закладывать свою рабочую силу на условіяхъ пищевой аренды и отработочной системы,—вполнѣ точно опредѣляется его общее экономическое положеніе, при чемъ опредѣляется оно, какъ мы видимъ, въ смыслѣ самой безпощадной капиталистической эксплоатаціи крестьянскаго труда. Извѣстно, что разореніе и экономическая гибель мелкаго крестьянскаго хозяйства всегда признавались совершенно неизбѣжными также и съ точки зрѣнія той теоріи, которая причисляетъ мелкое крестьянство не къ категоріи рабочаго класса, а къ мелкой буржуазіи; представители этой послѣдней категоріи, какъ, напримѣръ, мелкіе лавочники или мелкіе мастера, также неизбѣжно должны разоряться въ конецъ и впадать въ безысходную нищету, но они должны разориться и впадать въ эту нищету не въ качествѣ продавцовъ или закладывателей своей рабочей силы, а въ качествѣ неудачныхъ конкурентовъ болѣе крупныхъ торговцевъ и болѣе крупныхъ промышленниковъ. По отношенію къ трудовому крестьянству выходитъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ другое: на аренѣ существующихъ капиталистическихъ отношеній оно выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ не въ роли предпринимателя и продавца производимаго имъ хлѣба, а въ роли поставщика дешевой рабочей силы.

Такимъ образомъ, для всякаго, кто не хочетъ ограничиваться чисто внѣшней аналогіей, чисто внѣшнимъ признакомъ экономическаго положенія нашего трудового крестьянина, а обращаетъ вниманіе на дѣйствительный источникъ его доходовъ, на тотъ способъ, какимъ дѣйствительно добываются имъ его средства существованія, тотъ долженъ будетъ признать, что его безысходная нужда и его полная экономическая зависимость обусловлены эксплоатаціей его, какъ представителя рабочаго класса.

Но такъ какъ, несмотря на свою принадлежность къ этой общей категоріи, обнимающей всѣ трудовыя народныя массы въ капиталистическихъ странахъ, трудовое крестьянство представляетъ, тѣмъ не менѣе, особое подраздѣленіе этой категоріи, одну изъ тѣхъ двухъ главныхъ отраслей, на которыя она распадается въ странахъ, сохранившихъ мелкое сельское хозяйство,—то спрашивается: въ чемъ же собственно заключается та особенность экономическаго положенія трудовыхъ крестьянскихъ массъ, которою оно отличается отъ экономическаго положенія фабрично-заводскаго пролетаріата и которая, какъ мы видѣли выше, должна

оказывать свое рѣшающее вліяніе на ихъ ближайшія программныя требованія, а, слѣдовательно, и на конкретную форму развивающагося среди нихъ соціалистическаго движенія?

Такою отличительною чертою экономическаго положенія трудового крестьянина является, безъ всякаго сомнѣнія, его положеніе фиктивнаго землевладѣльца. Легко видѣть, что это именно положеніе фиктивнаго землевладѣльца и служитъ тѣмъ главнымъ экономическимъ факторомъ, которымъ обусловлена вся данная обстановка его труда. Это фиктивное землевладѣніе привязываетъ его къ данной именно отрасли производительнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ его въ извѣстныя капиталистическія отношенія къ землевладѣльцу, причемъ ставитъ его въ эти отношенія на особенно невыгодныхъ для него условіяхъ, такъ какъ даетъ возможность покупателю его рабочей силы понизить его заработную плату далеко за предѣлы необходимаго минимума. Что же касается самой фиктивности этого землевладѣнія, то она очевидно обусловлена его недостаточными размѣрами, такъ какъ, благодаря именно недостаточности своего землевладѣнія, трудовое крестьянство вынуждено прибѣгать къ арендѣ помѣщичьей земли подъ страхомъ голодной смерти и къ закладыванію своей рабочей силы на условіяхъ безвыходной экономической кабалы.

Такимъ образомъ, сущность даннаго экономическаго положенія трудового крестьянства, дѣлающая его неизбѣжно объектомъ самой безпощадной капиталистической эксплоатаціи, сводится, въ концѣ концовъ, къ его м а л о з е м е л ь ю.

Правильность этой чисто-фактической характеристики даннаго экономическаго положенія нашего трудового крестьянства, т.-е. основная зависимость его—помимо экономической закабаленности—и безысходность его нужды не отъ его недостаточныхъ агрономическихъ познаній, не отъ отсутствія въ немъ извѣстныхъ культурныхъ навыковъ и пр., а именно отъ недостатка у него земли, какъ необходимаго ему орудія производства, опять таки подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ серьезныхъ русскихъ экономистовъ. Какъ бы кто изъ нихъ ни смотрѣлъ на классовое положеніе, занимаемое мелкимъ крестьянствомъ, и въ какой бы формѣ ни рисовался данному экономисту тотъ или другой возможный выходъ изъ него, но всѣ они безусловно сходятся въ томъ утвержденіи, что причиной настоящаго безы-

сходнаго экономическаго положенія этихъ голодающихъ и безжалостно эксплоатируемыхъ крестьянскихъ массъ является ихъ малоземелье.

Этого факта не хочетъ и не можетъ, въ концѣ концовъ, отрицать даже такой убѣжденный и горячій сторонникъ умѣренно-либеральной программы поднятія крестьянскаго благосостоянія путемъ введенія раціональной земледѣльческой культуры, какъ А. И. Чупровъ:

„Прибавьте земли этимъ захудалымъ хозяйствамъ, — пишетъ онъ, — и имъ засвѣтитъ лучъ надежды, у нихъ загорится энергія, и ихъ земельные участки, нынѣ или вовсе забрасываемые, или подвергаемые самой жалкой обработкѣ, станутъ воздѣлываться не хуже прочихъ и не будутъ отставать отъ нихъ въ дѣлѣ улучшеній“ [1]).

Другой крупный представитель буржуазной демократической или во всякомъ случаѣ не соціалистической школы русскихъ экономистовъ, проф. Мануиловъ, не менѣе категорически высказывается въ томъ же самомъ смыслѣ; онъ полагаетъ, что „обязательный выкупъ части владѣльческихъ земель для дополнительнаго надѣленія ими малоземельныхъ крестьянъ, дѣйствительно, безусловно необходимъ и вполнѣ оправдывается требованіями общественнаго интереса и государственной необходимости“ [2]).

Намъ легко было бы привести такого же рода категорическія заявленія Герценштейна и другихъ либеральныхъ экономистовъ, не говоря уже о проф. Косинскомъ, который рѣшительнѣе всѣхъ ихъ ставитъ вопросъ о безусловной необходимости обязательнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель въ пользу трудового крестьянства, какъ единственной ближайшей мѣры спасенія его отъ безысходной экономической кабалы. Но дальнѣйшее приведеніе этого рода цитатъ мы считаемъ въ настоящемъ случаѣ безполезнымъ, такъ какъ данное объясненіе безвыходности экономическаго положенія нашего трудового крестьянства можно считать общепризнаннымъ.

Итакъ, фактическая сторона этого вопроса установлена у насъ совершенно незыблемо. Малоземелье—вотъ та основная экономическая причина, которая держитъ трудовыя крестьянскія массы

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1906 г. № 74.
[2]) См. сборникъ „Аграрный вопросъ“.

въ Россіи, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ положеніи эксплоатируемыхъ продавцовъ своей собственной рабочей силы, какъ единственнаго источника ихъ существованія,—подобно тому, какъ неимѣніе въ рукахъ тѣхъ средствъ производства, которыя необходимы для занятія обрабатывающей промышленностью, держитъ въ такомъ же точно положеніи фабрично-заводскія рабочія массы.

Но мы уже видѣли, что, несмотря на эту тождественность основной черты экономическаго положенія всего рабочаго класса, конкретныя условія, въ которыхъ происходитъ капиталистическая эксплоатація трудовыхъ массъ деревни, значительно отличаются отъ условій капиталистической эксплоатаціи фабрично-заводского пролетаріата, при чемъ это отличіе зависитъ уже отъ особыхъ свойствъ, характеризующихъ область всей сельскохозяйственной капиталистической промышленности по сравненію съ областью фабрично-заводскаго капиталистическаго производства.

Эксплоатація фабрично-заводского пролетаріата происходитъ, какъ извѣстно, въ обстановкѣ успѣшно-развивающейся крупной капиталистической промышленности или, по крайней мѣрѣ, на этой именно экономической почвѣ она происходила до сихъ поръ, при чемъ съ поразительною быстротою возростала въ своихъ количественныхъ размѣрахъ. Это былъ какъ бы огромный развивающійся капиталистическій организмъ, который захватывалъ въ свои городскіе промышленные округа все новыя и новыя рабочія массы, въ значительной степени притягивая ихъ къ себѣ, привязывая ихъ, такъ сказать, матеріально и даже духовно къ условіямъ своего капиталистическаго развитія. Новая и цвѣтущая жизнь промышленныхъ городовъ, накопляющіяся въ нихъ богатства и возвышающійся въ нихъ уровень культуры,—все это составляло положительныя стороны капитализма и сообщало извѣстный творческій размахъ всему капиталистическому движенію, открывало передъ нимъ еще неизвѣданныя и даже какъ бы безпредѣльныя перспективы. Развитіе фабрично-заводской промышленности, по существу своему, не было заключено ни въ какія опредѣленныя границы; практически оно было безпредѣльно по своимъ размѣрамъ и въ теченіе извѣстнаго историческаго періода казалось настоящимъ властелиномъ всего міра, руководящимъ факторомъ всей міровой исторіи. И не только казалось, но и на самомъ дѣлѣ достигало такихъ чудовищныхъ размѣровъ,

сопровождалось такими небывалыми успѣхами въ созданіи и накопленіи богатствъ, было связано съ такимъ возрастаніемъ политическаго и соціальнаго могущества господствующихъ классовъ, что являлось какою-то непреодолимою стихійною силою, которая, казалось, могла погибнуть лишь отъ чрезмѣрнаго роста своихъ собственныхъ стихійныхъ элементовъ.

Что же касается какъ экономическаго, такъ и соціальнаго положенія рабочихъ массъ, втягиваемыхъ въ сферу этого капиталистическаго развитія, то оно характеризовалось прежде всего тѣмъ, что и передъ нимъ, передъ этимъ тяжелымъ и по существу своему безысходнымъ положеніемъ отлученнаго отъ средствъ производства пролетарія, также открывались своего рода заманчивыя и даже грандіозныя перспективы. Это положеніе не было неподвижнымъ и безнадежно упершимся въ глухую стѣну: стремительное и какъ бы безпредѣльное движеніе впередъ крупной капиталистической промышленности увлекало также и его за собою, ставило передъ нимъ вполнѣ осуществимыя ближайшія цѣли, достиженіе которыхъ предполагало значительное повышеніе экономическаго уровня жизни рабочихъ массъ,—что уже само по себѣ представляло для нихъ очень могущественный непосредственный жизненный стимулъ; и наконецъ—что еще болѣе важно—оно значительно повышало соціальное положеніе городского пролетаріата, увеличивало его политическую силу, способствовало его политической организаціи и рисовало передъ нимъ увлекательную картину ожидающей его диктатуры, обусловленной не чѣмъ инымъ, какъ именно дальнѣйшимъ столь же успѣшнымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства и крупной капиталистической промышленности.

При такихъ условіяхъ развитія городского рабочаго движенія, не было ничего удивительнаго, что оно органически связывало себя съ той экономической обстановкой, среди которой происходило, т.-е. съ успѣхами капиталистическаго развитія, съ интересами самого капитализма; оно неудержимо, со всею тою силою, какая была присуща стихійному росту крупнаго капиталистическаго производства — тамъ, гдѣ имѣлись для того необходимыя экономическія и историческія данныя,—было увлекаемо на путь ближайшихъ минимальныхъ требованій городской рабочей программы и становилось, до поры до времени

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

на почву извѣстнаго компромисса съ буржуазіей, на почву оборонительно-выжидательной тактики, на ту теоретическую точку зрѣнія, съ высоты которой Бебель говорилъ на Бреславскомъ партейтагѣ, что высшимъ критеріемъ при оцѣнкѣ всякаго рѣшенія со стороны соціалистической рабочей партіи являлось въ его глазахъ требованіе, чтобы это рѣшеніе не нарушало интересовъ капиталистическаго развитія.

Было бы удивительнымъ, если бы это происходило иначе, и если бы рабочее движеніе промышленно-развитыхъ странъ не носило на себѣ явныхъ слѣдовъ той экономической обстановки, того капиталистическаго расцвѣта, среди которыхъ оно развивалось, если бы оно оказалось не затронутымъ вліяніемъ такого могущественнаго экономическаго фактора, какимъ является, при извѣстныхъ условіяхъ, ростъ фабрично-заводского капитализма. Вотъ почему было бы страннымъ приписывать господствующее направленіе такихъ громадныхъ массовыхъ рабочихъ движеній, какъ рабочія движенія Англіи или Германіи, вліянію и отвѣтственности тѣхъ или другихъ экономическихъ теорій или тѣхъ или другихъ соціалистическихъ вождей. Ясное дѣло, что эти теоріи и эти вожди сами находились и еще находятся до сихъ поръ подъ непреодолимымъ вліяніемъ данныхъ экономическихъ условій; они ни въ какомъ случаѣ не могли бы абстрагировать руководимаго массового рабочаго движенія отъ окружающей его экономической обстановки, характеризовавшейся необычайно быстрымъ ростомъ крупной капиталистической промышленности, и направить его по какому-нибудь иному руслу. Вотъ почему, съ другой стороны, тѣ теоріи рабочаго и соціалистическаго движенія, которыя возникли подъ явнымъ давленіемъ данной экономической и соціальной обстановки, не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ возводимы въ общія отвлеченныя схемы и переносимы на совсѣмъ иную экономическую почву.

Такой вполнѣ отличной отъ только что очерченныхъ нами условій городского рабочаго движенія—является та экономическая почва, на которой развивается соціалистическое движеніе среди трудовыхъ крестьянскихъ массъ. Въ противоположность быстро мѣняющейся, прогрессирующей, торжествующей картинѣ городского капитализма, сельскохозяйственная капиталистическая промышленность представляетъ собою, какъ извѣстно, довольно печальную фигуру. Всѣ надежды на ея быстрое развитіе и на ея

блестящія побѣды надъ мелкимъ земледѣльческимъ производствомъ оказались несоотвѣтствующими дѣйствительности. Правда, разрушительная ея роль по отношенію къ старымъ формамъ деревенской экономики была несомнѣнно очень велика; она очень быстро и успѣшно уничтожила всѣ традиціонныя экономическія отношенія деревни и совершенно подорвала то хозяйственное равновѣсіе, которое поддерживалось въ ней кое-какъ въ узкихъ границахъ натуральнаго способа производства; она внесла во всѣ уголки и щели деревенской жизни новыя капиталистическія требованія, новые усовершенствованные способы эксплоатаціи и вывела разоренную и оголенную ею голодную крестьянскую деревню на міровой капиталистическій рынокъ.

Но что касается положительныхъ, творческихъ сторонъ капиталистическаго развитія, что касается тѣхъ грандіозныхъ перспективъ, какія оно развернуло, какъ передъ буржуазіей, такъ и передъ рабочимъ классомъ, въ области фабрично-заводской промышленности,—то въ этомъ отношеніи сельское хозяйство развивалось уже „не по тому же шаблону, по которому совершается развитіе городской индустріи“, какъ говоритъ Каутскій, а „подчиняется своимъ собственнымъ законамъ“. Вмѣсто стремительнаго движенія впередъ, оно, напротивъ того, обнаруживаетъ здѣсь большую наклонность къ застою, къ установленію какого-то равновѣсія между старыми и новыми формами сельскохозяйственнаго производства, между общею площадью крупныхъ сельскихъ хозяйствъ въ данной капиталистической странѣ и площадью мелкаго крестьянскаго производства: „Если мы не можемъ ожидать рѣшительныхъ успѣховъ крупнаго капиталистическаго производства въ земледѣліи, то также мало можемъ разсчитывать на значительные успѣхи въ немъ мелкаго крестьянскаго хозяйства“—вотъ въ какихъ нерѣшительныхъ, балансирующихъ терминахъ подводитъ Каутскій итоги капиталистическому движенію въ области сельской промышленности, за послѣднія десятилѣтія, въ своей извѣстной статьѣ Socialismus und Landwirtschaft; въ такихъ же двустороннихъ, взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга выраженіяхъ, онъ говоритъ объ этомъ и въ своей книгѣ по „Аграрному вопросу“: „Подобно тому, какъ и вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, обратный процессъ также ставитъ самъ себѣ предѣлы“. Или: „При господствѣ капиталистическаго способа производства мы также

мало можемъ ожидать исчезновенія крупнаго сельскаго, какъ и исчезновенія мелкаго сельскаго хозяйства“ [1]) и т. д.

Такимъ образомъ, успѣхи капитализма въ области сельской промышленности сводятся, главнымъ образомъ, къ болѣе или менѣе полному разрушенію прежняго экономическаго строя деревни и характеризуются скорѣе пониженіемъ, чѣмъ повышеніемъ экономическаго могущества господствующихъ въ ней классовъ.

Описывая положеніе сельскаго хозяйства въ Германіи, напримѣръ, въ періодъ уже блестящаго расцвѣта въ ней крупной капиталистической промышленности (около 1890 года), Фольмаръ выражается на этотъ счетъ довольно рѣшительно: „Сельское хозяйство, дѣйствительно, переживаетъ тяжелый кризисъ“,—говоритъ онъ.—„То утвержденіе, что сельскохозяйственная нужда—не что иное, какъ басни нѣмецкихъ юнкеровъ и тянущихся за ними хвостомъ ненасытныхъ крестьянъ,—есть пошло-либеральная болтовня, достойная партіи, которая никогда не была способна понять соціальныхъ явленій“ [2]). Затѣмъ онъ приводитъ сравнительныя цыфры задолженности прусской земли въ 42 административныхъ округахъ, откуда видно, что задолженность мелкаго землевладѣнія равнялась тамъ 24% всей стоимости земли, задолженность средняго землевладѣнія — 27,9%, а задолженность крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія—53,8%. Эта довольно-таки пессимистическая характеристика капиталистическаго сельскохозяйствованія въ Германіи подтверждается также и Каутскимъ, который прямо говоритъ, что „аграрный кризисъ распространяется на всѣ товаропроизводящіе классы въ сельскомъ хозяйствѣ; онъ не останавливается и передъ среднимъ крестьянствомъ“ [3]).

Извѣстно, что этотъ аграрный кризисъ въ Европѣ является не временнымъ, а хроническимъ фактомъ, обусловленнымъ самою сущностью капиталистическаго способа производства: его полной зависимостью отъ условій всемірнаго рынка. Такъ какъ степень производительности труда въ области сельской промышленности обусловливается въ меньшей мѣрѣ усовершенствованіемъ техники и культуры, чѣмъ естественнымъ плодородіемъ

---

[1]) Нѣмецкое изданіе 1899 г., стр. 160—1.

[2]) См. рѣчь Фольмара на Франкфуртскомъ партейтагѣ.

[3]) „Аграрный вопросъ“, нѣм. изд. 1899 г., стр. 231 (курсивъ нашъ).

почвы, то, несмотря ни на какіе успѣхи агрономической химіи и земледѣльческаго машиностроенія, необозримыя равнины Австраліи или Аргентины подавляютъ своимъ плодородіемъ самыя усовершенствованныя европейскія сельскохозяйственныя предпріятія,— даже при своей отдаленности отъ европейскихъ рынковъ. Можно даже сказать, что развитіе техники противодѣйствуетъ здѣсь успѣхамъ капитализма, такъ какъ способствуетъ быстротѣ и удешевленію перевозки заокеанскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на европейскіе рынки. Вотъ, собственно, почему Каутскому и приходится заявить, что „въ предѣлахъ нашего историческаго кругозора у насъ нѣтъ никакого основанія ожидать быстраго исчезновенія мелкаго сельскаго хозяйства въ Европѣ". Оказывается, что бороться сколько-нибудь успѣшно съ заокеанской конкуренціей по производству хлѣбныхъ злаковъ европейскіе землевладѣльцы могутъ не на почвѣ усовершенствованной техники, а лишь на почвѣ дешеваго крестьянскаго труда, на почвѣ пониженія сельскохозяйственной рабочей платы за предѣлы того минимума, который опредѣляется стоимостью необходимыхъ средствъ существованія; поставщикомъ же такой внѣпредѣльной, сверхъ-дешевой рабочей силы и является не кто иной, какъ именно трудовое крестьянство, сидящее на клочкахъ земли, которые фактически экспропріируются у него крупными землевладѣльцами, какъ это уже много разъ доказывалось Пѣшехоновымъ, Коссинскимъ и другими экономистами. Всякій крестьянинъ, не обладающій количествомъ земли, опредѣляемымъ потребительной нормой, и вынужденный, вслѣдствіе этого, прибѣгать къ внѣнадѣльной арендѣ или постороннимъ заработкамъ, неизбѣжно подвергается при этомъ такой экспропріаціи; въ силу необходимости получить „добавочную пищу" для своей семьи, онъ неизбѣжно лишается *всего* количества своего прибавочнаго продукта и даже болѣе того — неизбѣжно переходитъ за предѣлы минимальной рабочей платы, обрекая себя на вѣчную голодовку.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что слабые успѣхи капитализма въ области земледѣлія не открываютъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ массъ *никакой перспективы возможныхъ непосредственныхъ экономическихъ улучшеній*. Желѣзный законъ Лассаля дѣйствуетъ здѣсь во всей своей силѣ. Такъ какъ для землевладѣльческаго класса въ Европѣ осуществленіе его собственническихъ правъ, т.-е. стремленіе къ

богатству и роскоши, происходитъ не въ условіяхъ быстраго развитія производства и быстраго возрастанія абсолютной цыфры дохода, какъ это было у владѣльцевъ торгово-промышленнаго капитала, которые легко могли, вслѣдствіе этого, значительно понизить норму своей прибыли—а, напротивъ того, въ условіяхъ хроническаго аграрнаго кризиса и сравнительно очень тѣсныхъ рамокъ самаго производства, ограниченнаго размѣрами земельной площади,—то для нихъ, для этихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, возможность быть богатыми и жить въ роскоши всецѣло построена на недоѣданіи, на голоданіи и нищетѣ эксплоатируемыхъ ими трудовыхъ крестьянскихъ массъ, въ самомъ буквальномъ значеніи этихъ словъ. Здѣсь эксплоатація труда принимаетъ неизбѣжно ту жестокую и безпощадную форму, какую она носила въ области фабрично-заводской промышленности лишь въ періодъ первоначальнаго накопленія, когда рыцари этого накопленія еще не успѣли достаточно разжиться, не успѣли вдоволь насытиться своими растущими милліонами, довести до небывалыхъ размѣровъ роскошь своей капиталистической культуры, и только затѣмъ уже получить возможность серьезно задуматься надъ болѣе или менѣе гуманными формами накопленія своихъ богатствъ.

Въ области сельскохозяйственной промышленности этотъ хищническій періодъ первоначальнаго накопленія неизбѣжно принимаетъ хроническую форму, вмѣстѣ съ хроническимъ характеромъ самого аграрнаго кризиса; въ этомъ, собственно, и выражается конкретно, по отношенію къ положенію рабочихъ массъ деревни, то состояніе з а с т о я въ побѣдахъ крупнаго сельскаго производства „въ предѣлахъ нашего историческаго кругозора“, о которомъ говоритъ Каутскій, — то состояніе равновѣсія между крупнымъ помѣщичьимъ и мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, которое установилось въ этой области. Застой и равновѣсіе означаютъ здѣсь неизмѣнность нищенскаго положенія трудового деревенскаго населенія, при условіяхъ сохраненія капиталистическихъ основъ сельскохозяйственнаго производства. Разница въ этомъ отношеніи между экономическимъ положеніемъ фабрично-заводского пролетаріата и трудовыхъ деревенскихъ массъ громадна. Чтобы уяснить себѣ эту разницу, стоитъ только представить себѣ, въ какомъ положеніи оказались бы многомилліонныя массы западно-европейскаго городского пролетаріата, если бы развитію крупной фабрично-заводской промышленности были также поло-

жены извѣстные предѣлы успѣшной конкуренціей мелкой индустріи или какой-нибудь монополіей на средства производства. Ясное дѣло, что вся сила сплоченности и организованности этихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ массъ безнадежно разбивалась бы въ такомъ случаѣ о непреодолимую экономическую преграду, если бы онѣ захотѣли удержать свое движеніе въ предѣлахъ минимальной соціалдемократической программы, не нарушающей условій капиталистическаго развитія; при чемъ, впрочемъ, самыя слова капиталистическое развитіе должны были бы быть исключены тогда изъ этой программы и замѣнены словами: установившагося равновѣсія между крупной и мелкой промышленностью, или же просто словами: хроническаго промышленнаго кризиса.

Такимъ образомъ, даже съ соціалдемократической точки зрѣнія и даже по отношенію къ сельскохозяйственному пролетаріату, признаніе того факта, что эксплоатація земледѣльческаго труда капиталомъ въ Европѣ происходитъ при условіяхъ хроническаго аграрнаго кризиса, при условіяхъ угнетеннаго хозяйственнаго положенія „всѣхъ товаро-производящихъ классовъ“ въ земледѣліи, уже само по себѣ устраняетъ всякую возможность поставить рабочее движеніе въ деревнѣ на почву экономическихъ улучшеній въ рамкахъ капиталистическаго строя, уже само по себѣ устраняетъ изъ соціалистической программы ту промежуточную подготовительную стадію, въ теченіе которой это рабочее движеніе должно было бы принципіально воздерживаться отъ всѣхъ требованій, нарушающихъ интересы капиталистическаго развитія. Тамъ, гдѣ это развитіе задерживается даннымъ состояніемъ всемірнаго рынка—этой послѣдней инстанціи товарнаго способа производства—тамъ смѣшно было бы разсчитывать на помощь ему со стороны рабочаго движенія, такъ же какъ послѣднему, по меньшей мѣрѣ, безполезно хлопотать объ успѣхахъ капиталистическаго развитія тамъ, гдѣ оно обезпечено стихійными экономическими факторами.

Въ области сельскохозяйственнаго производства общія условія капиталистической эксплоатаціи труда таковы, что они совершенно закрываютъ для рабочихъ массъ возможность сколько-нибудь серьезнаго повышенія экономическаго уровня ихъ жизни; тѣ „особые законы“ капиталистическаго развитія, о которыхъ говоритъ Каутскій, держатъ рабочія массы въ этой области въ

условіяхъ безысходной нищеты, на уровнѣ рабочей платы ниже минимальной, и ставятъ рабочій вопросъ въ деревнѣ на совсѣмъ иную почву, нѣмъ въ городахъ.

И это основное различіе экономическихъ условій касается одинаково, какъ трудовыхъ крестьянскихъ массъ, такъ и сельскохозяйственнаго пролетаріата. Ихъ основная солидарность, какъ членовъ одного рабочаго класса, вполнѣ подтверждается въ этомъ случаѣ, несмотря на внѣшнюю разницу въ ихъ трудовой обстановкѣ. Извѣстно, что русскіе соціалдемократы хотятъ какъ бы уравновѣсить свое отрицательное отношеніе къ соціалистическимъ требованіямъ по отношенію къ крестьянскому движенію тѣмъ, что по отношенію къ сельскохозяйственному пролетаріату они уже выставляютъ свою соціалдемократическую программу. Но интересно знать, въ чемъ именно можетъ заключаться эта соціалдемократическая программа, на какихъ опредѣленныхъ экономическихъ требованіяхъ она можетъ быть построена? Спрашивается, могутъ ли они построить ее на почвѣ той же переходной стадіи успѣшнаго развитія капитализма, на какой построена ихъ городская соціалдемократическая программа? Могутъ ли они внести въ нее тѣ минимальныя требованія, касающіяся, главнымъ образомъ, увеличенія заработка и сокращенія рабочаго времени, которыми исчерпывается все экономическое содержаніе послѣдней, но которыя, какъ мы видѣли, совершенно неприложимы къ области сельскохозяйственнаго производства. Вѣдь, совершенно ясно, что пока поставщиками рабочей силы въ этой области будутъ не только сельскохозяйственные пролетаріи, но и трудовое крестьянство, вынужденное отдавать землевладѣльцу весь свой прибавочный продуктъ и часть своей минимальной заработной платы, то экономическій уровень сельскихъ пролетаріевъ не можетъ подняться выше той ультра-минимальной нормы, какая устанавливается по отношенію къ трудовому крестьянству. Между тѣмъ, мы уже знаемъ, что на исчезновеніе этого послѣдняго нѣтъ никакихъ надеждъ въ періодъ капиталистическаго развитія. Мало того, что оно не исчезаетъ и не можетъ исчезнуть—вопреки первоначальнымъ тезисамъ соціалдемократической программы—подъ вліяніемъ самопроизвольно дѣйствующихъ экономическихъ силъ, но оно еще искусственно насаждается и умножается заботами самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Извѣстно, что, по от-

ношенію къ Германіи, на этотъ фактъ ссылается самъ Каутскій, цитирующій въ „Аграрномъ вопросѣ“ статью Зернига о такъ называемыхъ рентныхъ имѣніяхъ; а что касается Россіи, гдѣ уже, кажется, трудно было бы пожаловаться на недостатокъ мелкаго крестьянства, то въ ней также быстро распространяется въ южныхъ степяхъ искуственное насажденіе этого крестьянства посредствомъ сдачи безземельнымъ батракамъ нѣсколькихъ десятинъ земли, вмѣстѣ съ избою и необходимымъ инвентаремъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ помѣщенной недавно статьи о „Скопщинѣ“ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ [1]). Да, наконецъ, тезисъ относительно того, что „сама концентрація капитала порождаетъ потребность въ возрастаніи мелкихъ хозяйствъ и способствуетъ ихъ возникновенію“, и что она „не уничтожаетъ мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ вмѣсто старыхъ новыя“ — сдѣлался теперь такимъ же ходячимъ мѣстомъ въ соціалдемократической научной литературѣ, какимъ еще недавно былъ прямо-противоположный тезисъ о неминуемомъ исчезновеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Но если сельскохозяйственный пролетаріатъ будетъ всегда по необходимости неразрывно связанъ съ трудовымъ крестьянствомъ въ своемъ положеніи поставщика ультра-дешевой рабочей силы,

---

1) 1906 г., № 69: П. К. „Аграрный вопросъ. Скопщина“. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этой любопытной статьи: „Наиболѣе характерной особенностью большинства хозяйствъ южно-русской степи являются своеобразныя формы арендныхъ отношеній, извѣстныхъ подъ общимъ терминомъ с к о п щ и н ы“. При помощи этой скопщины совершается „прикрѣпленіе къ землѣ массы лишившихся почему-либо своихъ надѣловъ или вовсе безземельныхъ крестьянъ центральныхъ районовъ, пришедшихъ на югъ въ поискахъ батрачества“. Въ большинствѣ случаевъ это происходитъ такъ: „помѣщикъ даетъ скопщикамъ, иначе—десятинщикамъ, домъ со всѣми хозяйственными постройками за 10—15 р. въ годъ, колодезь и право выпаса овецъ по 2 р., а крупнаго рогатаго скота по 4 р. въ годъ за голову, и, наконецъ, землю подъ посѣвъ въ количествѣ сообразно съ численностью скопщиннаго населенія, примѣрно отъ 15 до 30 десят. на душу“. Плата за пользованіе землею производится зерномъ, копнами хлѣба, откуда и самый терминъ с к о п щ и к ъ. „При незначительной стоимости инвентаря и построекъ, чистая доходность сельскохозяйственныхъ предпріятій въ громадномъ большинствѣ случаевъ колеблется отъ 5% до 8%, считая стоимость земли въ 75 р. за десятину; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что до 90% всѣхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, напримѣръ, Евпаторійскаго уѣзда эксплоатируются при помощи скопщины“.

то спрашивается: какъ онъ можетъ быть оторванъ отъ него въ своихъ ближайшихъ экономическихъ требованіяхъ, какъ онъ можетъ освободиться отъ той же самой экономической обстановки, которая давитъ одинаково какъ на него, такъ и на все малоземельное трудовое крестьянство? Если, спасая старыя слова, можно говорить объ отдѣльной соціалдемократической программѣ въ пользу сельскохозяйственнаго пролетаріата въ Россіи, то гораздо труднѣе отвѣтить на вопросъ: какое опредѣленное, конкретное содержаніе будетъ имѣть эта программа, вокругъ какихъ опредѣленныхъ экономическихъ требованій будутъ группироваться сельскохозяйственныя пролетарскія массы въ своемъ оторванномъ отъ трудового крестьянства рабочемъ движеніи?

Онѣ могутъ, конечно, выставить на своемъ знамени тѣ общія политическія требованія рабочаго класса, которыя составляютъ его спеціальное орудіе въ борьбѣ съ капиталистами: свободу сходокъ, союзовъ и стачекъ; положимъ даже, что онѣ добьются всего этого; но что же дальше? какія ближайшія экономическія завоеванія онѣ поставятъ цѣлью своихъ рабочихъ организацій, своихъ обособленныхъ отъ крестьянства союзовъ и стачекъ. Повышеніе рабочей платы и уменьшеніе рабочаго дня? Но развѣ малоземельные крестьяне не обрабатываютъ вмѣстѣ съ ними помѣщичьихъ земель? Развѣ помѣщики не могутъ замѣнить своихъ наемныхъ батраковъ голодающимъ крестьянствомъ, перевести свое хозяйство на мелкую аренду и на сдачу земли подъ обработки? Ясное дѣло, что поскольку союзы и стачки противъ помѣщиковъ могутъ играть какую-нибудь роль въ сельскохозяйственномъ рабочемъ движеніи, то, для успѣха ихъ, въ нихъ должно принимать участіе, наравнѣ съ сельскимъ пролетаріатомъ, также и трудовое крестьянство; обособленіе здѣсь чисто-батрацкаго движенія отъ крестьянскаго, когда при этомъ еще число экономій, ведущихъ батрацкое хозяйство, составляетъ ничтожный процентъ по сравненію съ господствующей системой мелкой аренды и отработокъ,—является явною несообразностью, и всѣ разговоры русскихъ соціалдемократовъ объ особой пролетарской экономической программѣ въ русской деревнѣ лишены, поэтому, всякаго опредѣленнаго смысла.

Всѣ продавцы своей рабочей силы въ области сельской промышленности, всѣ поставщики дешеваго труда, эксплоатируемые земледѣльческимъ капиталомъ, необходимо связаны между собою

во всѣхъ своихъ экономическихъ судьбахъ этимъ именно главнымъ отличительнымъ признакомъ ихъ экономическаго положенія, и на этомъ именно отличительномъ признакѣ, присущемъ одинаково, какъ сельскому пролетаріату, такъ и трудовому крестьянству, построена ихъ общая принадлежность къ рабочему классу. Въ силу именно общности своего положенія продавцовъ своей рабочей силы, они и противопоставляются противоположностью своихъ экономическихъ интересовъ всему классу помѣщиковъ и эксплоататоровъ труда въ земледѣліи.

Но мы уже видѣли, что по отношенію къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ массамъ, въ странахъ земледѣльческаго типа, эта общая черта, свойственная экономическому положенію всѣхъ трудящихся массъ, дополняется еще тою особенностью, что въ данномъ случаѣ эксплоатація труда совершается въ совершенно особой экономической обстановкѣ: она происходитъ при такихъ условіяхъ капиталистическаго господства, которыя не допускаютъ сколько-нибудь замѣтнаго непосредственнаго улучшенія экономическаго положенія рабочихъ массъ въ рамкахъ капиталистическаго строя. Въ отличіе отъ экономическаго положенія фабрично-заводскаго пролетаріата въ странахъ индустріальнаго типа,—для экономическаго положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ массъ не открывается, въ такомъ случаѣ, никакихъ возможныхъ перспективъ, никакой возможности сколько-нибудь значительныхъ перемѣнъ и улучшеній, которыя могли бы произойти на почвѣ успѣшнаго развитія капиталистическаго способа производства. Вмѣсто быстраго роста крупной промышленности и накопленія національныхъ богатствъ, мы находимъ здѣсь: промышленный застой и борьбу съ хроническими хлѣбными кризисами—на сторонѣ капиталистическаго класса и полную безысходность экономической кабалы—на сторонѣ рабочихъ массъ. Отсюда вытекаетъ, какъ мы уже говорили, неизбѣжность особой постановки рабочаго вопроса въ данной промышленной области и особаго характера минимальной экономической программы для соціалистической партіи.

Необходимо замѣтить, что этотъ особый характеръ даннаго экономическаго положенія рабочихъ массъ отразился совершенно, можно сказать, необычайнымъ образомъ даже на тѣхъ экономическихъ программахъ, съ которыми должны были выступить въ данномъ случаѣ буржуазно-демократическія партіи. Несмотря на

все присущее имъ стремленіе къ экономическимъ компромиссамъ и къ поддержанію основъ существующаго экономическаго порядка, онѣ должны были, тѣмъ не менѣе, въ лицѣ своихъ наиболѣе серьезныхъ экономистовъ и политическихъ дѣятелей, при обсужденіи ими вопроса о необходимомъ улучшеніи экономическаго положенія деревенскихъ рабочихъ массъ, указывать, какъ мы уже видѣли, какъ на ближайшую и главнѣйшую причину безысходной деревенской нищеты, не на что иное, какъ на малоземелье, т.-е. на отсутствіе достаточныхъ собственныхъ средствъ производства въ рукахъ данныхъ рабочихъ массъ, а какъ на единственно-возможное средство спасенія для нихъ—на болѣе или менѣе значительное отчужденіе земель, находящихся теперь въ рукахъ крупныхъ частныхъ собственниковъ. Никто изъ нихъ не счелъ возможнымъ помочь дѣлу, въ данномъ случаѣ, путемъ тѣхъ мѣръ, какія предлагаются обыкновенно сторонниками буржуазнаго лагеря съ цѣлью поднятія экономическаго положенія рабочихъ массъ, т.-е. улучшеній въ рабочемъ законодательствѣ, учрежденія пенсіонныхъ кассъ и т. д.; всѣ они, не признавая, конечно, неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій своего вывода, пришли въ данномъ случаѣ къ заключенію о необходимости болѣе или менѣе рѣшительнаго посягательства на самый принципъ частной собственности на землю, какъ единственно-возможной ближайшей мѣры улучшенія экономическаго положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ массъ.

Экономистамъ и политическимъ дѣятелямъ буржуазно-демократической школы присуще, какъ извѣстно, игнорировать принципіальную сторону экономическихъ вопросовъ. Но если мы обратимъ вниманіе на эту именно принципіальную сторону предлагаемаго ими разрѣшенія аграрно-рабочаго кризиса, то мы увидимъ, что въ немъ несомнѣнно заключается явный революціонный смыслъ, состоящій въ полномъ отрицаніи какихъ-либо иныхъ путей выхода изъ даннаго экономическаго положенія, кромѣ перераспредѣленія земли, кромѣ нарушенія капиталистической монополіи на владѣніе данными средствами производства. Легко видѣть, что по существу своему это рѣшеніе носитъ чистореволюціонный характеръ—не по методу своего осуществленія, но по своему экономическому содержанію. Передъ нами, на аренѣ капиталистическаго землепользованія, въ области капиталистическихъ земельныхъ отношеній, находятся два обычныхъ анта-

гониста: помѣщики и мелкіе крестьяне или батраки, покупатели и продавцы рабочей силы; и вотъ предлагается мѣра, идущая не со стороны соціалистическаго лагеря, а со стороны буржуазной демократіи, мѣра, имѣющая въ виду не коренное преобразованіе существующаго экономическаго строя, а лишь ближайшее, непосредственное улучшеніе крайне-тяжелаго экономическаго положенія данныхъ рабочихъ массъ; мѣра, вытекающая изъ обычнаго стремленія либеральной буржуазіи сгладить палліативными путями рѣзкость экономическихъ противорѣчій;—и, тѣмъ не менѣе, эта буржуазно-демократическая мѣра явно вторгается въ область существующихъ имущественныхъ отношеній и явно стремится ограничить размѣры капиталистической собственности, нарушить монополію капиталистическаго класса на владѣніе данными средствами производства.

Въ примѣненіи къ фабрично-заводской промышленной области, аналогичный этому способъ сглаживанія экономическихъ противорѣчій заключался бы въ экспропріаціи части фабрикъ и заводовъ или въ какихъ-нибудь другихъ принудительныхъ мѣрахъ, которыя стремились бы къ ограниченію существующей монополіи капиталистовъ—промышленниковъ на обладаніе скопляющимися въ ихъ рукахъ средствами производства.

Таково фактическое положеніе вещей въ вопросѣ о данномъ экономическомъ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ массъ. Безвыходность этого положенія съ точки зрѣнія неприкосновенности капиталистическихъ основъ существующаго экономическаго строя подтверждается даже представителями буржуазно-демократическаго лагеря: даже они не могли ничего другого придумать для измѣненія бѣдственнаго положенія этихъ рабочихъ массъ, кромѣ частичной экспропріаціи частновладѣльческихъ земель,—стремясь, впрочемъ, по возможности обезцѣнить эту мѣру удержаніемъ въ принципѣ крупнаго землевладѣнія и частной собственности на землю.

Но теперь спрашивается: какъ же долженъ быть поставленъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія не буржуазно-демократической, а соціалистической программы? Если не отрицать самой возможности соціалистическаго рабочаго движенія въ современной русской деревнѣ—какъ это дѣлаетъ русская соціалдемократическая партія, стремящаяся удержать современное крестьянское движеніе въ Россіи на чисто-политической почвѣ и довольствующаяся,

въ качествѣ соціалистической партіи, выставленіемъ лишь своей чисто-фиктивной минимальной программы, предназначенной спеціально для сельскаго пролетаріата,—то спрашивается: каковы же должны быть тѣ экономическія требованія соціалистическаго характера, на которыхъ могло бы быть построено современное движеніе трудовыхъ массъ русской деревни?

III.

Такъ какъ всѣ экономическія перемѣны въ положеніи этихъ трудовыхъ массъ,—какія только представляются практически осуществимыми въ настоящее время, съ точки зрѣнія, какъ буржуазно-демократическаго, такъ и соціалистическаго лагеря,—могутъ быть сведены, какъ мы уже видѣли, къ одному и тому же неизбѣжному требованію: передачи въ руки этихъ трудовыхъ массъ болѣе или менѣе значительной части частновладѣльческихъ земель, съ помощью принудительнаго отчужденія ихъ,—то ясное дѣло, что всѣ принципіальныя разногласія между буржуазно-демократической и соціалистической аграрными программами, исходной точкой которыхъ одинаково должно служить требованіе увеличенія размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, могутъ касаться, въ данномъ случаѣ, лишь вопроса о способахъ пользованія тѣми землями, которыя будутъ такъ или иначе изъяты изъ рукъ крупныхъ собственниковъ и переданы въ крестьянскія руки.

Но легко видѣть, что всѣ эти способы пользованія могутъ быть сведены, въ свою очередь, лишь къ двумъ главнымъ формамъ землепользованія, если только мы будемъ разсматривать землепользованіе со стороны дѣйствительнаго улучшенія экономическаго положенія трудовыхъ массъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ: или это будетъ частное пользованіе землею, или же это будетъ общественное пользованіе землею, какъ общимъ достояніемъ всего народа, гарантирующимъ каждому изъ его членовъ, желающихъ работать, возможность приложенія своего труда. Легко видѣть, что никакихъ другихъ способовъ пользованія землею, кромѣ этихъ двухъ основныхъ, не существуетъ, если только—повторяемъ—мы будемъ разсматривать вопросъ о землепользованіи не съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ формальныхъ различій, а съ

точки зрѣнія его дѣйствительнаго вліянія на экономическое положеніе трудовыхъ массъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ.

До самаго послѣдняго времени, вопросъ о землѣ съ его соціальной стороны разсматривался обыкновенно лишь по отношенію къ вопросу о частномъ или общественномъ владѣніи землею, лишь по отношенію къ вопросу о правѣ частной собственности на землю, причемъ право частной собственности на землю, какъ основной устой капиталистическаго строя, противопоставлялось праву общественной собственности на землю, какъ основному принципу соціалистическаго строя; но легко видѣть, что принципъ общественной собственности на землю, самъ по себѣ, еще недостаточно опредѣляетъ фактическое положеніе рабочихъ массъ въ области земельныхъ отношеній, такъ какъ, даже и съ устраненіемъ частной собственности на землю, это положеніе можетъ остаться въ неизмѣнномъ видѣ, если только будетъ сохраненъ принципъ частнаго пользованія землею, если только этотъ принципъ частнаго пользованія землею не будетъ замѣненъ принципомъ общественнаго пользованія ею, не въ смыслѣ коллективнаго способа обработки, а въ смыслѣ проведенія взгляда на землю, какъ на общее достояніе всего трудящагося народа.

Если мы представимъ себѣ, что всѣ частновладѣльческія земли были бы экспропріированы государствомъ или просто были бы выкуплены имъ, какъ выкупаются теперь государствомъ желѣзныя дороги у частныхъ компаній; если мы представимъ себѣ, словомъ, что въ данной странѣ была бы произведена такъ называемая націонализація земли въ ея самомъ полномъ видѣ,—то спрашивается: достаточно ли было бы одной этой націонализаціи земли, осуществленіе которой предполагало бы полное устраненіе права частной собственности на землю, чтобы фактическое положеніе вещей по отношенію къ рабочему классу сколько-нибудь измѣнилось въ области земельныхъ отношеній? Ясное дѣло, что это вполнѣ зависѣло бы отъ того, на какомъ основаніи было бы организовано тогда государствомъ дальнѣйшее пользованіе націонализованною землею. Если бы оно было организовано на основахъ обычной аренды, съ правомъ для каждаго арендовать за заранѣе установленную плату или за плату, опредѣляемую предпринимательской конкурренціей, какое-угодно количество земли,—то ясное дѣло, что при такомъ

способѣ пользованія національзованной землей сохранились бы въ полной неприкосновенности всѣ теперешнія капиталистическія земельныя отношенія—съ тою только разницей, что распоряженіе земельной рентой, поступающей теперь въ пользу земледѣльческаго класса, перешло бы тогда въ руки государства; можно даже сказать, что это было бы полное торжество именно капиталистическаго принципа въ области земельныхъ отношеній, при полномъ устраненіи всѣхъ пережитковъ феодальнаго строя.

Если бы даже мы представили себѣ, что новое земельное устройство было бы организовано на основахъ первоначальнаго распредѣленія всѣхъ земель по рукамъ мелкихъ арендаторовъ, съ цѣлью самаго полнаго демократизированія землепользованія и доставленія возможности всѣмъ желающимъ въ данное время заниматься земледѣліемъ,—то и въ такомъ случаѣ этотъ первоначальный сильный толчокъ въ сторону измѣненія существующихъ капиталистическихъ земельныхъ отношеній не имѣлъ бы никакого рѣшающаго значенія, если бы въ государствѣ былъ сохраненъ основной капиталистическій принципъ индивидуальнаго права пользованія землею, какъ средствомъ производства, безотносительно къ коллективному праву на нее всего рабочаго народа, какъ на свое общее достояніе. Легко видѣть, что и въ этомъ случаѣ въ область земельныхъ отношеній не было бы внесено никакого новаго соціальнаго принципа, не было бы установлено никакой новой общественной нормы, которая могла бы помѣшать процессу концентрированія земель въ рукахъ болѣе крупныхъ арендаторовъ, и, слѣдовательно, возстановленію безземелья и связанной съ нимъ эксплоатаціи трудовыхъ массъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ. И въ этомъ случаѣ вся разница между національзаціей земли—съ сохраненіемъ прежняго принципа индивидуальнаго, а не общественнаго пользованія ею—и простымъ передѣломъ земли между всѣми желающими обрабатывать ее, на правахъ частной собственности, состояла бы лишь въ томъ, что земельная рента могла бы быть присвоена здѣсь государству, тогда какъ при простомъ передѣлѣ она оставалась бы въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Но въ обоихъ случаяхъ сохранялись бы въ неизмѣнномъ видѣ всѣ прежнія основы капиталистическаго пользованія землей съ ихъ неизбѣжнымъ конечнымъ результатомъ по отношенію къ трудовымъ массамъ.

Вотъ почему мы и видимъ, что наша буржуазная демократія, не измѣняя своего основного буржуазно-демократическаго облика, не переступая того порога, который отдѣляетъ ее отъ соціализма, и наша соціалдемократія, не измѣняя своего соціалдемократическаго облика и не отступаясь отъ своего тезиса о необходимости капиталистическаго развитія для Россіи,—такъ легко соглашаются теперь на экспропріацію земель, на обязательное отчужденіе ихъ у ея теперешнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ; онѣ хорошо понимаютъ, что оставляя въ неприкосновенности прежній принципъ частнаго пользованія землей не какъ общимъ достояніемъ всего народа, а какъ индивидуальнымъ средствомъ производства, онѣ, и при полномъ устраненіи принципа частной собственности на землю, нисколько не стремятся къ измѣненію капиталистическихъ земельныхъ отношеній, а стремятся провести такую мѣру, которая, напротивъ того, быть можетъ, будетъ содѣйствовать даже торжеству капитализма въ области сельскохозяйственнаго производства.

Въ первой и второй еженедѣльныхъ книжкахъ „Народнаго Вѣстника“ за 1906 годъ В. М. Черновъ развивалъ въ своей статьѣ „Къ аграрному вопросу“ чрезвычайно важную идею о необходимости полнаго измѣненія самаго юридическаго опредѣленія права собственности на средства производства съ точки зрѣнія соціалистической программы. Оказывается, что одного устраненія права частной собственности, одного превращенія частной собственности въ общественную, государственную собственность, при томъ же самомъ юридическомъ пониманіи самаго права собственности, какъ абсолютнаго права, неограниченнаго никакими нормами по отношенію къ пользованію даннымъ предметомъ, а лишь только съ перемѣной носителя этого неограниченнаго права—отдѣльнаго частнаго лица на коллективное юридическое лицо,—еще далеко недостаточно для установленія новыхъ экономическихъ отношеній, противоположныхъ капиталистическимъ. Для этого необходимо, чтобы въ прежнее юридическое опредѣленіе права общественной собственности, построеннаго на фикціи коллективнаго юридическаго лица—общества, или государства,—была внесена поправка, обезпечивающая за каждымъ отдѣльнымъ членомъ общества фактическую возможность осуществить свое предполагаемое единичное право, входящее въ составъ даннаго коллективнаго права собственности;—

необходимо, словомъ, чтобы въ понятіе объ общественной собственности былъ внесенъ субъективный элементъ права каждой отдѣльной личности на пользованіе своею долею общаго достоянія,—субъективный элементъ, ограничивающій право пользованія всѣхъ остальныхъ членовъ общества въ количественномъ отношеніи, въ смыслѣ необходимаго уравнительнаго распредѣленія.

Вотъ этотъ именно субъективный элементъ обобществленія данныхъ средствъ производства, который вовсе не гарантируется однимъ устраненіемъ права частной собственности, а который можетъ быть обезпеченъ лишь при данной системѣ пользованія, лишь при уравнительномъ распредѣленіи этихъ средствъ производства въ самомъ процессѣ производства, и составляетъ тотъ новый принципіальный элементъ въ данномъ соціальномъ преобразованіи, который одинъ только и можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія земельныхъ отношеній, въ смыслѣ дѣйствительнаго измѣненія экономическаго положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ массъ.

Извѣстно, что, съ точки зрѣнія соціалдемократической программы, это сочетаніе обобществленія права собственности на средства производства съ уравнительнымъ пользованіемъ ими всѣми членами общества—достигается системой крупной промышленности, фактическимъ устраненіемъ еще при капиталистическомъ строѣ, путемъ развитія крупнаго капиталистическаго производства, всякой раздробленности въ способѣ пользованія тѣми или другими промышленными орудіями, матеріалами и вспомогательными средствами. Простой переходъ, въ такомъ случаѣ, крупныхъ фабрикъ и заводовъ съ ихъ огромными машинами изъ сферы частной въ сферу общественной собственности уже самъ по себѣ вполнѣ опредѣляетъ дальнѣйшій способъ пользованія ими; это пользованіе не можетъ быть никакимъ другимъ, какъ общественнымъ; никакого другого распредѣленія этихъ средствъ производства, кромѣ уравнительнаго, въ предѣлахъ трудовой нормы, быть не можетъ при томъ условіи, что самый предметъ пользованія, въ видѣ какой-нибудь огромной машины или общаго фабричнаго зданія, не допускаетъ возможности неуравнительнаго распредѣленія его между трудящимися; при такомъ условіи, моментъ обобществленія права собственности совпадаетъ съ моментомъ обобществленія права пользованія.

Но мы уже видѣли, что по отношенію къ области сельскохозяйственнаго производства—вопросъ ставится здѣсь совершенно иначе, въ силу особыхъ условій капиталистическаго развитія въ этой области. Моментъ устраненія частной собственности на землю, моментъ обобществленія права собственности на землю отдѣляется здѣсь отъ момента обобществленія права пользованія ею, въ смыслѣ установленія самою капиталистическою практикою коллективнаго способа обработки. Этотъ, такъ сказать, механическій элементъ въ процессѣ соціалистической трансформаціи общества отсутствуетъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ капиталистическое развитіе не устраняетъ здѣсь, какъ мы видѣли, системы мелкихъ земельныхъ хозяйствъ; поэтому является необходимость сознательнаго вмѣшательства въ дѣло пользованія землей даже и при переходѣ ея въ общественную собственность; является необходимость прямого политическаго воздѣйствія, въ данномъ случаѣ, съ цѣлью установленія извѣстныхъ общественныхъ нормъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и въ области не земледѣльческой промышленности это техническое содѣйствіе соціализму, это механическое обобществленіе способа пользованія данными средствами производства, въ рамкахъ самого капиталистическаго строя, вовсе не необходимо и вовсе не всегда является предрѣшеннымъ самымъ ходомъ капиталистическаго развитія. Мы уже видѣли, что, по словамъ Каутскаго, „сама концентрація капитала порождаетъ потребность въ возрастаніи мелкихъ хозяйствъ и способствуетъ ихъ возникновенію“; значитъ, и въ не земледѣльческихъ отрасляхъ промышленности неизбѣжно долженъ будетъ возникнуть, при устраненіи принципа частной собственности, вопросъ о способахъ пользованія тѣми средствами производства, которыя останутся и должны будутъ остаться и впредь въ раздробленномъ, мелкомъ пользованіи въ процессѣ производства.

Да, наконецъ, форма современнаго крупнаго производства, съ его огромными паровыми машинами и сосредоточеніемъ тысячъ рабочихъ станковъ въ одномъ фабричномъ зданіи, вовсе не есть необходимая и единственно-возможная форма развитого технически производства; при дальнѣйшемъ развитіи техники, производство снова можетъ получить возможность выбиться изъ этой во многихъ отношеніяхъ неудобной и нежелательной формы обществен-

наго сотрудничества—еще раньше, чѣмъ общество перейдетъ къ полному коммунизму въ сферѣ распредѣленія продуктовъ общаго труда. Извѣстно, что и теперь уже форма крупныхъ фабрикъ и заводовъ начинаетъ терять свое исключительное право на существованіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Гренобльскомъ промышленномъ округѣ, сила пара замѣняется дешевой электрической силой, получаемой посредствомъ утилизаціи паденія воды,—при чемъ эта дешевая электрическая сила легко можетъ передаваться на большія разстоянія и распредѣляться по небольшимъ мастерскимъ, по отдѣльнымъ рабочимъ семьямъ. Ясное дѣло, что при обобществленіи всѣхъ такого рода средствъ производства, пользованіе которыми не необходимо должно быть коллективнымъ (причемъ устраняется самъ собою вопросъ объ уравнительномъ ихъ распредѣленіи), а можетъ быть также и раздробленнымъ,—неизбѣжно долженъ будетъ возникнуть вопросъ о ихъ количественномъ распредѣленіи между всѣми членами данной отрасли труда. При раздробленности пользованія данными единицами такого рода средствъ производства, возникаетъ возможность ихъ скопленія въ отдѣльныхъ рукахъ, а слѣдовательно, и необходимость установленія извѣстныхъ общественныхъ нормъ въ дѣлѣ пользованія такими средствами производства,—даже и при уничтоженіи права частной собственности на нихъ, при переходѣ ихъ въ сферу общественной собственности. Иначе мы пришли бы къ заключенію о необходимости установленія обязательнаго концентрированія всякаго производства въ крупныхъ общественныхъ мастерскихъ, къ обязательному удержанію современной казарменно-капиталистической формы крупнаго производства.

Легко видѣть, что при устраненіи обязательности этой казарменно-капиталистической формы крупнаго производства (тамъ, гдѣ она не является технической необходимостью), при стремленіи къ возможной раздробленности и индивидуализаціи производства, въ смыслѣ его болѣе гигіенической и привлекательной обстановки, нельзя будетъ избѣгнуть вопроса о количественномъ распредѣленіи данныхъ общественныхъ средствъ производства, т.-е. вопроса объ ихъ уравнительномъ распредѣленіи—и даже къ вопросу о запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ скопленію ихъ въ однѣхъ рукахъ.

Положимъ, напримѣръ, что, благодаря замѣнѣ паровой силы электрическою, легко передаваемой на большія разстоянія, все

ткацкое производство перейдетъ отъ системы огромныхъ фабрикъ къ системѣ отдѣльныхъ ткацкихъ станковъ, распредѣленныхъ по разбросаннымъ на большомъ пространствѣ рабочимъ коттеджамъ. Ясное дѣло, что при этомъ неизбѣжно долженъ будетъ возникнуть вопросъ о распредѣленіи общественной электрической энергіи, общественныхъ ткацкихъ станковъ, а также и всего общественнаго ткацкаго матеріала между всѣми желающими заниматься ткацкимъ производствомъ. А если только мы не предположимъ, что этой электрической энергіи, этихъ ткацкихъ станковъ и этого ткацкаго матеріала (хлопка, шерсти и т. д.), при самыхъ же первыхъ шагахъ новаго экономическаго устройства, въ рукахъ у общества будетъ находиться въ совершенно неограниченномъ количествѣ,—то неизбѣжно долженъ будетъ возникнуть вопросъ также и объ уравнительномъ распредѣленіи этой энергіи, этихъ станковъ и этого матеріала и о запретительныхъ мѣрахъ противъ скопленія ихъ въ однѣхъ рукахъ съ цѣлью предпринимательской выгоды,—вплоть до того момента, когда самое пользованіе продуктами національнаго производства будетъ организовано на вполнѣ коммунистическихъ началахъ.

Легко видѣть, что, въ примѣненіи къ области всей обрабатывающей промышленности, этотъ вопросъ о необходимости уравнительнаго пользованія средствами производства, при предположеніи о происшедшемъ уже обобществленіи ихъ, не разсматривался до сихъ поръ въ соціалистической литературѣ только потому, что мы слишкомъ привыкли сливать въ нашемъ представленіи переходъ къ соціалистическому способу производства съ господствующей въ настоящее время формой крупнаго капиталистическаго производства, при его какъ бы неизбѣжной организаціи всего сотрудничества въ области промышленнаго труда въ формѣ огромныхъ заводовъ и фабрикъ. Но мы уже видѣли, что эта форма вовсе не есть единственно возможная, и вовсе не связана неразрывно съ прогрессомъ самой техники. При другой формѣ не централизованнаго, а раздробленнаго способа пользованія обобществленными средствами производства, установленіе извѣстныхъ общественныхъ нормъ, гарантирующихъ уравнительность этого пользованія, является необходимымъ.

Такимъ образомъ, это именно уравнительное пользованіе общественными средствами производства, а вовсе не одно устраненіе частной собственности на нихъ и замѣна ея общественной

собственностью,—составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ соціалистическаго преобразованія экономическихъ отношеній въ теченіе всего переходнаго фазиса этой трансформаціи, въ переходный періодъ отъ момента существующей капиталистической общественной организаціи до установленія полнаго коммунизма. Только этотъ принципъ уравнительнаго пользованія можетъ внести въ общественную жизнь дѣйствительно новое правовое начало, гарантирующее каждаго отъ эксплоатаціи его труда путемъ той или другой монополіи на средства производства,—поскольку это не будетъ гарантировано чисто механическимъ путемъ при простомъ переходѣ извѣстныхъ средствъ производства въ общественную собственность.

Вотъ почему требованіе уравнительнаго пользованія землею, неотдѣлимое отъ требованія перехода ея въ общественную собственность, составляетъ важное принципіальное требованіе, связанное съ самыми основами будущаго соціалистическаго строя. Фактическое проведеніе этого требованія въ жизнь при посредствѣ сознательнаго общественнаго вмѣшательства въ сферу земельныхъ отношеній, при посредствѣ установленія, путемъ народнаго законодательства, новыхъ юридическихъ нормъ въ этой области,—будетъ огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ борьбы съ капитализмомъ, въ дѣлѣ соціалистическаго преобразованія существующихъ капиталистическихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ, вопросъ о коллективной обработкѣ земли уже теряетъ то свое первостепенное принципіальное значеніе, какое онъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, если бы мы неразрывно связывали соціалистическое преобразованіе производства съ его предварительнымъ техническимъ обобществленіемъ, чисто механическимъ путемъ, путемъ концентраціи капитала и вытѣсненія мелкаго сельскаго хозяйства крупнымъ. Разъ мы отказываемся отъ этой теоріи соціализма, какъ не подтверждаемой экономической дѣйствительностью, разъ, слѣдовательно, мы признаемъ, что при дѣйствительномъ ходѣ капиталистическаго развитія всегда останется значительная часть средствъ производства, не охваченныхъ крупной капиталистической промышленностью, въ формѣ мелкаго раздробленнаго пользованія,—то тѣмъ самымъ мы признаемъ также необходимость сознательнаго общественнаго вмѣшательства не только въ сферу права владѣнія этими средствами производства, съ цѣлью замѣны частной

собственности общественной, но также и въ сферу права пользованія ими, съ цѣлью проведенія здѣсь принципа уравнительнаго пользованія. При проведеніи же въ жизнь этого основного принципа новаго земельнаго устройства вопросъ о коллективной или раздробленной обработкѣ уравнительно распредѣленной земли—является уже скорѣе вопросомъ техническихъ и хозяйственныхъ выгодъ, чѣмъ первостепеннымъ принципіальнымъ вопросомъ. Это не значитъ, конечно, чтобы этотъ вопросъ не имѣлъ своей огромной общественной важности; но, при осуществленіи принципа уравнительнаго пользованія, разрѣшеніе его уже обезпечивается самою экономическою выгодой для трудящихся массъ, въ смыслѣ перехода отъ раздробленной обработки земли къ коллективной—въ предѣлахъ этой выгодности, конечно.

Но, съ другой стороны, безъ предварительнаго проведенія въ жизнь принципа уравнительнаго пользованія національзованной землею, такъ же, какъ и всѣми другими средствами производства, пользованіе которыми не можетъ быть обобществлено самымъ процессомъ капиталистическаго развитія,—не можетъ быть гарантировано даже устраненіе капиталистической эксплоатаціи въ данной области труда, а потому не можетъ быть гарантированъ, конечно, и переходъ въ ней къ коллективной формѣ производства. Пока сохранится возможность скопленія данныхъ единицъ производительныхъ средствъ въ отдѣльныхъ рукахъ, возможность монополизированія этихъ средствъ, въ ущербъ остальнымъ членамъ общества, до тѣхъ поръ будутъ дѣйствовать экономическія соображенія, препятствующія переходу къ коллективной обработкѣ земли или къ коллективнымъ мастерскимъ другого рода, даже если бы такой переходъ былъ выгоденъ съ точки зрѣнія повышенія производительности труда.

Такимъ образомъ, когда мы отказываемся отъ теоріи чисто-механическаго перехода къ общественному пользованію средствами производства, путемъ вытѣсненія самою промышленною техникою всѣхъ формъ мелкаго, раздробленнаго пользованія ими,—а отказаться отъ этой теоріи насъ заставляетъ сама экономическая дѣйствительность, не подтвердившая первоначальной гипотезы исчезновенія мелкихъ хозяйствъ,—то тѣмъ самымъ мы уже признаемъ недостаточность одного устраненія права частной собственности на средства производства для коренного измѣненія

и новой организаціи экономическихъ отношеній, а должны признать, кромѣ того, необходимость установленія извѣстныхъ законодательныхъ нормъ и въ области п о л ь з о в а н і я этими средствами производства, т.-е. признать необходимость проведенія принципа у р а в н и т е л ь н а г о п о л ь з о в а н і я.

Отсюда видно, что тѣ великіе законодательные акты, путемъ которыхъ народныя массы своимъ сознательнымъ вмѣшательствомъ въ экономическую жизнь создадутъ новыя формы соціальнаго строя, должны будутъ заключаться не только въ отмѣнѣ права частной собственности на средства производства и въ замѣнѣ его правомъ общественной собственности на нихъ, но также и въ установленіи обязательнаго уравнительнаго пользованія ими.

Вотъ почему осуществленіе этихъ двухъ великихъ законодательныхъ актовъ въ аграрной области, въ области земельныхъ отношеній, вовсе не является частичной половинчатой мѣрой, какою-то слабой попыткой, не имѣющей еще никакого рѣшающаго значенія въ процессѣ соціалистической трансформаціи общества, — въ силу именно того, что проведеніе этой мѣры еще не опредѣляло бы собою способа о б р а б о т к и з е м л и, еще не было бы переходомъ къ коллективной ея обработкѣ, еще не вносило бы ничего новаго въ сферу самой техники производства. Мы уже видѣли, что это — совершенно ошибочное мнѣніе, такъ какъ переходъ отъ принципа индивидуальнаго къ принципу коллективнаго, у р а в н и т е л ь н а г о пользованія даннымъ средствомъ производства касался бы самымъ непосредственнымъ образомъ именно области производства, и касался бы ея именно съ ея наиболѣе важной стороны — со стороны положенія въ немъ рабочихъ массъ, — если бы даже самъ по себѣ этотъ переходъ еще ничего не измѣнялъ непосредственно въ технической организаціи производства. Переходъ отъ системы частнаго къ системѣ общественнаго пользованія землей, отъ системы ничѣмъ не регулированнаго, монопольнаго распредѣленія ея къ системѣ у р а в н и т е л ь н а г о распредѣленія — необходимо вноситъ тотъ новый элементъ общественности и справедливости въ область земледѣльческаго труда, который будетъ вліять самымъ рѣшающимъ образомъ на положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ массъ, гарантируя ихъ отъ эксплоатаціи въ самомъ процессѣ сельскохозяйственнаго производства. При этомъ мы видѣли, что, за отсутствіемъ въ данной промыш-

ленной области, чисто-техническихъ путей, стихійныхъ экономическихъ факторовъ, которые приводили бы производство къ формамъ, устраняющимъ возможность не уравнительнаго пользованія землей,—этотъ новый элементъ общественности и справедливости только одинъ и можетъ устранить возможность производственной эксплоатаціи рабочихъ массъ въ данной области, даже при полной отмѣнѣ права частной собственности на землю.

Такимъ образомъ, переходъ земли изъ частныхъ рукъ въ общественную собственность на основахъ уравнительнаго пользованія ею всѣми желающими заниматься земледѣліемъ, при установленіи максимальной трудовой нормы землепользованія, представляетъ собою не только слабую и нерѣшительную попытку соціалистическаго характера, но огромной важности соціальный переворотъ, огромный шагъ впередъ по пути къ осуществленію соціалистическаго общественнаго строя.

Всѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ этой мѣры съ соціалистической точки зрѣнія, могутъ быть направлены не противъ того, что она не вноситъ ничего новаго и рѣшающаго въ сферу самого производства и положенія въ немъ рабочихъ массъ, а лишь противъ того ея несовершенства, что она не охватываетъ собою одновременно всѣхъ отраслей производства, не является общимъ соціалистическимъ переворотомъ, не перестраиваетъ на новыхъ началахъ одновременно всей экономической жизни данной страны.

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается ея дѣйствительная неполнота и половинчатость. Она, дѣйствительно, не представляетъ собою осуществленія единовременнаго и полнаго соціалистическаго переворота. Но спрашивается: составляетъ ли это ея недостатокъ или же это является неизбѣжною и нормальною формою даннаго общественнаго переустройства? Въ первомъ случаѣ, надо было бы доказать, что именно единовременный и полный соціалистическій переворотъ, соціальное переустройство въ формѣ именно единаго грандіознаго Zusammenbruch'а и составляетъ единственно возможную, твердо-установленную теоретически, нормальную форму даннаго общественнаго переустройства.

Но такъ какъ ничего подобнаго не доказано экономической наукой, такъ какъ, напротивъ того, является гораздо болѣе вѣроятнымъ и научно-обоснованнымъ представленіе о данной общественной трансформаціи, не какъ о единомъ революціон-

номъ моментѣ, а какъ объ извѣстномъ революціонномъ процессѣ, требующемъ болѣе или менѣе длиннаго промежутка времени для того, чтобы охватить всѣ стороны экономической жизни,—то это возраженіе противъ неполноты формулированнаго нами измѣненія аграрныхъ отношеній нисколько не ослабляетъ его огромнаго значенія въ дѣлѣ общаго соціалистическаго переворота.

„Рабочій народъ знаетъ,—говоритъ Марксъ,—что для того, чтобы освободиться и достигнуть той высшей формы жизни, развитію которой неодолимо препятствуетъ современное общество своимъ экономическимъ строемъ, онъ долженъ будетъ выдержать долгую и упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые преобразуютъ совершенно, какъ людей, такъ и самую обстановку ихъ“ [1]).

Вотъ съ этой именно точки зрѣнія мы и не можемъ придавать ровно никакого значенія всѣмъ тѣмъ возраженіямъ противъ данной системы переустройства аграрныхъ отношеній, которыя указываютъ лишь на ея неполноту и недостаточность по простому сравненію съ общимъ и полнымъ соціалистическимъ переворотомъ. Лишь бы только эта система направляла соціалистическое движеніе по тому пути, который опредѣляется его основными задачами. А мы уже видѣли, что, при данной конкретной обстановкѣ въ области сельскохозяйственной промышленности, эта именно система прямо вытекаетъ изъ фактическаго положенія вещей и является единственно возможною въ процессѣ развитія соціалистическаго движенія.

Таково должно быть рѣшеніе аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія соціалистической партіи при той постановкѣ, въ какой этотъ вопросъ выступаетъ въ настоящее время въ Россіи, когда всѣ партіи, какъ буржуазно-демократическія, такъ и соціалистическія, сходятся въ своихъ программныхъ требованіяхъ на одномъ и томъ же неизбѣжномъ исходномъ требованіи болѣе или менѣе полной земельной экспропріаціи, и когда главное принципіальное различіе между ними сосредоточивается на вопросѣ о способахъ пользованія отчужденными у крупныхъ землевладѣльцевъ и переданными въ крестьянскія руки землями. Съ точки зрѣнія соціалистической партіи, этотъ способъ пользованія

---

1) „Гражданская война“, Женевское изданіе, стр. 31—32. (Курсивъ нашъ)

долженъ быть организованъ на основахъ уравнительнаго распредѣленія земли между всѣми желающими обрабатывать ее своими собственными руками, съ установленіемъ обязательной максимальной трудовой нормы, или, говоря короче, на основахъ соціализаціи земли.

Итакъ, соціализація земли есть такого именно рода переустройство земельныхъ отношеній, какъ ближайшая и непосредственно осуществимая экономическая мѣра въ области сельскохозяйственнаго производства.

Л. Шишко.

Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе.

Для обезпеченія интересовъ трудящейся массы, которые имѣетъ въ виду соціализація земли, необходимо предоставить управленіе соціализированной землей тѣмъ же трудящимся.

Но въ дѣлахъ государственнаго управленія роль не трудящихся, буржуазныхъ элементовъ при всякомъ строѣ, за исключеніемъ соціалистическаго, растетъ по мѣрѣ удаленія отъ низшихъ самоуправляющихся единицъ къ высшимъ и достигаетъ своего максимума въ органахъ центральной государственной власти. Поэтому функціи управленія землей должны быть распредѣлены между органами самоуправленія и центральными органами такъ, чтобы сумма этихъ функцій, будучи наибольшей въ низшихъ самоуправляющихся единицахъ и постепенно уменьшаясь въ высшихъ, упала до минимума въ центральныхъ органахъ. Съ той же цѣлью парализовать вліяніе не трудящихся элементовъ органы самоуправленія должны быть построены на чисто демократическихъ началахъ при полной независимости отъ центральной государственной власти.

Такая конструкція самоуправленія, диктуемая интересами соціализаціи земли, совпадаетъ съ тѣми выводами, къ которымъ вообще пришла научная мысль въ этой области.

Обоснованію и развитію этого положенія посвящена предлагаемая статья (оговариваемся напередъ, что городское самоуправленіе не входитъ въ задачу нашего очерка).

1. Государство и самоуправленіе.

I.

Соціализація земли есть „обращеніе земли изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общественное достояніе“ [1]). Другими словами, земля изъемлется изъ-подъ вла-

---

1) Программа партіи с.-р.

сти частныхъ лицъ и становится объектомъ воли всего народа. Но что такое народъ и что такое народная воля?

„Народъ, который съ перваго взгляда кажется само-собой разумѣющейся реальностью, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается юридическимъ понятіемъ, объектъ котораго отнюдь не совпадаетъ съ отдѣльными индивидуумами“ [1]. Народъ мыслится, какъ единое цѣлое, имѣющее единую волю, но изъ воли многихъ психологически никогда не возникаетъ единая воля [2]. Необходимо предварительно установить, что именно считать единой волей народа, и это совершается посредствомъ извѣстныхъ правоположеній. Слѣдовательно, изъ отдѣльныхъ волевыхъ актовъ возникаетъ единая воля исключительно юридическимъ путемъ и воля народа есть понятіе юридическое. Но тѣ правоположенія, на основаніи которыхъ возникаетъ юридическая воля народа, предполагаютъ извѣстную организацію и эту организацію даетъ государство.

Конечными объективными элементами государства представляется сумма опредѣленныхъ, проявляющихся въ дѣйствіяхъ волевыхъ отношеній между людьми [3],—отношеній, которыя единствомъ цѣли, задачъ объединяются въ государственномъ союзѣ. Отношенія эти въ государствѣ являются отношеніемъ властвованія: одни люди приказываютъ, другіе повинуются. Но такъ какъ эти отношенія объединены общей цѣлью, то они получаютъ двойную квалификацію: воля отдѣльныхъ лицъ, именно лицъ властвующихъ, представляется намъ волей цѣлаго, всего союза, а сами властвующіе, поскольку ихъ воля является въ нашемъ представленіи волей цѣлаго, становятся орудіями, то-есть органами этого цѣлаго. Такимъ образомъ, тѣ правовыя нормы, которыми опредѣляется народная воля, даются органами государства. И чѣмъ демократичнѣе построены эти органы, тѣмъ правильнѣе выражается народная воля, тѣмъ ближе она къ теоріямъ и настроенію массъ. При абсолютизмѣ воля народа равна нулю. Въ республикѣ, гдѣ законодательные органы были бы построены на началахъ всеобщаго голосованія съ пропорціональнымъ представительствомъ и правильной организаціей референдума, воля на-

---

[1] Еллинекъ, «Право современнаго государства», стр. 91.
[2] Ibid. 91.
[3] Ibid. 108.

рода приближалась бы къ дѣйствительности. Но современная республика, почти исключительно политическая, представляетъ еще довольно несовершенную государственную форму. „Вѣдь нужны особенно благопріятныя условія, чтобы неимущіе классы, бьющіеся изъ-за куска хлѣба и въ частной жизни своей всецѣло, на каждомъ шагу, отданные на произволъ богатымъ, чтобы они могли проявить ту могучую, самоотверженную любовь къ свободѣ и равенству, которыя составляютъ надежную основу всякой демократической конституціи“ [1]). Высшее выраженіе свое воля народа можетъ получить только въ соціалистическомъ государствѣ, которое уравняетъ политическія и экономическія права массъ. Вотъ почему демократическая организація государства составляетъ необходимую предпосылку, conditio sine qua non для соціализаціи земли. Разъ земля становится объектомъ воли народа, эта воля должна получить правильное выраженіе; на мѣсто фикціи, отождествленія воли господствующихъ классовъ съ волей цѣлаго, должна выступить воля массъ, дѣйствительная воля народа.

II.

Дѣйствительно, подчиненіе одного изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго благосостоянія, земли, волѣ народа въ лицѣ органовъ государства должно радикальнымъ образомъ измѣнить характеръ государственной дѣятельности. Хотя основной цѣлью ея всегда считали общее благо, но въ современномъ индивидуалистическомъ государствѣ общее благо обыкновенно отождествляется съ личными и политическими интересами господствующихъ классовъ. Вотъ почему дѣятельность государства въ настоящее время сосредоточена преимущественно на защитѣ существующаго соотношенія силъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Интересы народнаго благосостоянія, организація экономическихъ условій жизни являются только придаткомъ къ главной задачѣ—охранѣ существующаго правопорядка. „Современное государство почти всецѣло поглощено вопросами дипломатіи, арміи, флота, юстиціи, администраціи и фиска, то-есть тѣми учрежденіями, которыя служатъ преимущественно интересамъ привилегированной части общества; въ сравненіи съ этой экономическая дѣятельность государства очень незначительна“ [2]). Соціализація

[1]) Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, стр. 206.

[2]) Ibid, 60.

земли вводитъ совершенно новый элементъ въ кругъ дѣятельности государства. На органы его возлагается завѣдываніе такой вещью, которая имѣетъ первостепенное экономическое и соціальное значеніе. Земля есть не только орудіе труда, но и сырой матеріалъ [1]). Она даетъ пищевые продукты, безъ которыхъ не можетъ жить ни одинъ человѣкъ; она даетъ сырье, безъ котораго не можетъ существовать ни одно производство. Она — первоисточникъ, изъ котораго удовлетворяются человѣческія потребности. Но ограниченность ея, невозможность увеличенія ея количества помощью труда, дѣлаетъ ее источникомъ власти, придаетъ ей выдающуюся соціальную роль. Монополизація земли ставитъ огромныя массы населенія въ рабскую зависимость отъ небольшой группы счастливцевъ, которымъ удалось захватить этотъ первоисточникъ человѣческой жизни. Задача государственныхъ органовъ, на которые при соціализаціи земли возлагается завѣдываніе этимъ великимъ экономическимъ и соціальнымъ благомъ, получаетъ поэтому первостепенную важность; всѣ другіе задачи передъ нею блѣднѣютъ. Она неминуемо должна будетъ занять доминирующее положеніе въ дѣятельности государства, неминуемо дастъ ей преобладающую окраску. Дѣятельность государства изъ полицейской должна по существу сдѣлаться организаціонной; на первое мѣсто станетъ не защита правопорядка, а поддержаніе и преуспѣяніе индивидуальнаго существованія; полицейскія (въ тѣсномъ смыслѣ) задачи уступятъ свое первенство культурнымъ. Но больше всего заинтересованы въ культурномъ преуспѣяніи трудящіеся элементы населенія. Интересы рабочаго народа сводятся къ завоеванію личной безопасности, достойнаго человѣка существованія и благоустроенной семейной жизни. Его не привлекаютъ ни военныя побѣды, ни богатство, ни великолѣпіе. По самому соціальному положенію своему онъ относится непріязненно къ силѣ и блеску властителей, къ привилегіямъ дворянства и буржуазіи. Его стремленія сводятся къ обезпеченію условій существованія, то-есть имѣютъ чисто культурный характеръ [2]). Поэтому наилучшимъ образомъ будетъ осуществлять культурныя задачи такое государство, въ которомъ рабочему народу предоставлена вся совокупность политическихъ правъ. Это будетъ именно демократическое государство, такъ какъ рабочій народъ, за немногими исключеніями, составляетъ весь народъ.

[1]) Э. Давидъ, Соціализмъ и сельское хозяйство, стр. 43.

[2]) Менгеръ, 189.

III.

Преобладающій культурный характеръ государственной дѣятельности, включеніе въ кругъ государственныхъ функцій сложныхъ экономическихъ задачъ неминуемо тѣсно связаны съ развитіемъ децентрализаціи. При всей однородности правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ юридическій составъ соціализаціи земли, невозможно установить вполнѣ тождественныя правоположенія, одни и тѣ же шаблоны для народныхъ массъ, разобщенныхъ національными, историческими, соціальными различіями. Правовыя нормы могутъ быть жизненны, если онѣ соотвѣтствуютъ народному правосознанію и потребностямъ народной жизни. Но и то и другое слагается подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ особенностей, которыми отличается та или другая область. Поэтому самые законы, которыми будетъ нормироваться завѣдываніе и пользованіе соціализированной землей, не могутъ представлять собою трафаретки, одинаково приложимой ко всѣмъ мѣстностямъ, на которыя распадается территорія государства въ силу историческихъ, національныхъ и соціальныхъ причинъ. Давъ принципіальныя основанія, центральный законодательный органъ долженъ предоставить областнымъ учрежденіямъ вышить на этой основѣ тѣ узоры, которые требуются областными особенностями. Словомъ, соціализація земли можетъ быть правильно осуществлена лишь путемъ децентрализованнаго законодательства.

Но разъ законы даны, то выступаетъ на сцену другая чрезвычайно важная функція государства—разрѣшеніе конкретныхъ задачъ согласно правовымъ нормамъ или въ предѣлахъ установленныхъ ими границъ. Руководствуясь готовыми правовыми нормами, предстоитъ обезпечить наиболѣе благопріятныя условія возможно болѣе полнаго удовлетворенія матеріальнаго существованія человѣка при помощи соціализированной земли. Эту функцію призваны отправлять органы внутренняго управленія, дѣятельность которыхъ вообще сводится къ тремъ основнымъ группамъ: обезпеченіе общественнаго спокойствія и безопасности (т. н. полиція безопасности), содѣйствіе къ развитію духовно-интеллектуальныхъ интересовъ населенія и созданіе благопріятныхъ условій развитія различныхъ сторонъ экономической жизни (т. н. полиція благосостоянія) [1]). Но если законодательныя

[1]) В. Дерюжинскій, Полицейское право, стр. 17.

функціи могутъ осуществляться учрежденіемъ, находящимся въ центрѣ государства или области, то функціи управленія, по самой своей природѣ, должны разсѣяться по всей странѣ, проникая въ самые отдаленные уголки. Нельзя охранять общественную безопасность, не имѣя въ немъ спеціальныхъ для этой роли агентовъ; сидя въ столицѣ, нельзя поймать вора, совершившаго преступленіе въ деревнѣ Голодаевкѣ. Безъ мѣстныхъ органовъ задачи управленія не могутъ проводиться въ жизнь.

Но мѣстные органы могутъ дѣйствовать двояко: или по предписаніямъ изъ центра, или самостоятельно. Въ первомъ случаѣ управленіе будетъ централизованнымъ, то-есть окончательная рѣшающая сила будетъ признаваться за распоряженіями центральныхъ учрежденій; во второмъ—управленіе будетъ децентрализованнымъ, то-есть дѣла управленія будутъ болѣе или менѣе самостоятельно рѣшаться государственными органами съ пространственно ограниченной компетенціей [1]). Вредныя стороны централизованнаго управленія не возбуждаютъ въ настоящее время никакихъ сомнѣній. Онѣ сводятся въ общихъ чертахъ къ слѣдующему [2]): 1) прибладающее вліяніе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія получаютъ учрежденія, должностныя лица которыхъ не знаютъ мѣстныхъ условій, не чувствуютъ мѣстныхъ потребностей и заочно не могутъ представить себѣ той житейской бытовой обстановки, въ которой происходитъ примѣненіе даннаго закона, данной административной мѣры; 2) мѣропріятія, предписываемыя изъ центра, могутъ и не вполнѣ соотвѣтствовать закону; 3) неизбѣжнымъ послѣдствіемъ централизаціи является косность законодательства и административной политики; 4) личный составъ мѣстныхъ органовъ страдаетъ отчужденностью отъ мѣстныхъ интересовъ; 5) централизованное управленіе всегда отличается формализмомъ, механическимъ раздробленіемъ страны на отдѣльныя вѣдомства, не видящія всей сложности дѣйствительной жизни. Чѣмъ сложнѣе дѣлаются функціи органовъ управленія, чѣмъ шире становятся ихъ задачи, чѣмъ больше явленій жизни вовлекается въ кругъ административной дѣятельности, тѣмъ вреднѣе оказывается централизація и тѣмъ труднѣе становится удержать ее во всей чистотѣ.

---

[1]) Еллинекъ, 418.

[2]) Лазаревскій, Самоуправленіе (въ сборникѣ: „Мелкая земская единица“, вып. 1), стр. 38—40.

Совершенно невозможнымъ оказывается управленіе изъ центра экономической жизнью. На хозяйственную дѣятельность народа съ особой силой дѣйствуютъ многообразныя условія мѣстности и времени. Экономическое соотношеніе общественныхъ классовъ зависитъ отъ способа производства, который въ свою очередь опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ. Но въ ряду этихъ послѣднихъ выдающееся мѣсто занимаетъ земля, степень производительности которой зависитъ отъ цѣлаго ряда географическихъ, почвенныхъ и метеорологическихъ условій, которыя необычайно варьируютъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Экономическая структура и экономическая дѣятельность отличаются поэтому большимъ разнообразіемъ даже въ предѣлахъ небольшихъ раіоновъ. Поэтому административная дѣятельность, имѣющая цѣлью экономическое преуспѣяніе населенія, должна отличаться особенной эластичностью, особенной приспособляемостью къ измѣнчивымъ во времени и пространствѣ условіямъ. На это, конечно, не способны центральные органы, распоряженія которыхъ неизбѣжно отличаются медлительностью и шаблонностью. Насколько экономической жизнью невозможно управлять даже изъ близкаго центра, показываетъ исторія развитія дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій. По мѣрѣ того, какъ земство стало включать въ кругъ своихъ задачъ содѣйствіе экономическому благосостоянію населенія, оно все болѣе убѣждалось, что уѣздный центръ здѣсь безсиленъ, что необходимо придвинуть земскіе органы вплотную къ самому населенію. Экономическія мѣропріятія земствъ потому и остались въ зародышевомъ состояніи, что ихъ невозможно было съ успѣхомъ проводить безъ мѣстныхъ органовъ. Идея децентрализаціи земскаго управленія возникла главнымъ образомъ на почвѣ неудачъ въ области осуществленія мѣръ содѣйствія экономическому благосостоянію населенія. Земство убѣдилось, что экономическая жизнь населенія настолько сложна и разнообразна, до такой степени варьируетъ даже по небольшимъ раіонамъ, что мѣры воздѣйствія на нее должны приспособляться къ условіямъ каждой мелкой ячейки, а это возможно только путемъ разсѣянія органовъ управленія по отдѣльнымъ незначительнымъ территоріальнымъ единицамъ. Необходимость административной децентрализаціи поэтому съ особенной повелительностью диктуется соціализаціей земли, возлагающей на органы управленія роль первостепенной важности — роль регулятора земельныхъ

отношеній, лежащихъ въ основѣ всей экономической жизни сельскаго населенія.

Однако, предоставленія мѣстнымъ органамъ распорядительной власти съ правомъ окончательно рѣшать извѣстныя дѣла еще недостаточно для устраненія недостатковъ централизаціи управленія. Если мѣстные органы будутъ назначаться министрами или подчиненными имъ административными лицами, то самостоятельность рѣшенія дѣлъ мѣстными органами будетъ только кажущейся. Страхъ удаленія отъ должности заставитъ ихъ руководствоваться въ своихъ распоряженіяхъ взглядами и желаніями центральной власти. Истинная самостоятельность мѣстныхъ органовъ мыслима только въ томъ случаѣ, если «отправленіе разныхъ административныхъ обязанностей возлагается на мѣстныхъ жителей, какъ таковыхъ, то есть безъ установленія ихъ связи съ служебнымъ персоналомъ и безъ подчиненія ихъ обыкновеннымъ условіямъ государственной службы». [1]) Мѣстное управленіе тогда является самоуправленіемъ, то есть управленіемъ черезъ людей, избираемыхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ этомъ случаѣ населеніе само управляетъ своими интересами, и это служитъ лучшей гарантіей, что цѣли управленія будутъ достигнуты наилучшимъ образомъ. Но задачи внутренняго управленія сводятся къ обезпеченію безопасности и благосостоянія не одного какого-либо класса, а всѣхъ (предполагая господствующую фикцію, что интересы большинства суть интересы цѣлаго). Слѣдовательно, самоуправленіе должно быть управленіемъ не одного класса, а всего мѣстнаго населенія, большинства его, то-есть органы самоуправленія должны быть построены на демократическихъ началахъ.

Административныя задачи лучше всего достигаются путемъ децентрализаціи въ формѣ самоуправленія на основахъ демократизма. Но соображенія цѣлесообразности еще недостаточно для того, чтобы начала демократическаго самоуправленія восторжествовали на самомъ дѣлѣ. Въ индивидуалистическомъ государствѣ административныя учрежденія имѣютъ цѣлью проведеніе въ жизнь интересовъ власти господствующихъ элементовъ въ государствѣ. Поэтому формы управленія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ политическимъ строемъ государства. Тамъ, гдѣ населеніе не допускается къ участію въ законодательныхъ функціяхъ, правители

---

[1]) Градовскій, Собр. соч., т. III, стр. 9.

не допустятъ свободнаго участія его въ дѣлахъ управленія. Какой бы высокой стѣной законъ ни окружилъ «предметы вѣдомства» органовъ самоуправленія, никогда нельзя быть гарантированнымъ, что они не вторгнутся въ сферу дѣлъ «общегосударственныхъ»: ни одинъ законъ въ мірѣ не способенъ проложить точную грань между дѣлами, «свойственными» мѣстному самоуправленію, и дѣлами, «свойственными» центральному управленію; такой грани, какъ увидимъ ниже, и не существуетъ. Господствующая власть всегда можетъ ожидать отъ мѣстнаго самоуправленія попытки вторгнуться въ ея дѣла, то-есть умалить сферу ея господства. Съ другой стороны, завѣдываніе мѣстными дѣлами создаетъ организацію, на почвѣ которой совершается объединеніе населенія, что идетъ въ разрѣзъ съ исконнымъ правиломъ абсолютизма: divide et impera! И чѣмъ больше населеніе убѣждается, что самоуправленіе цѣлесообразнѣе управленія черезъ чиновниковъ, тѣмъ больше оно проникается сознаніемъ необходимости распространить сферу вліянія народа на дѣла «общегосударственныя». Вотъ почему автократія всегда была враждебна самоуправленію. Достаточно припомнить для иллюстраціи судьбу нашего земства. По мѣрѣ того, какъ надъ русской землей сгущались сумерки реакціи послѣ зари освобожденія крестьянъ, шагъ за шагомъ сокращалась самостоятельность земскихъ учрежденій и суживалась сфера ихъ компетенціи, пока, наконецъ, надзоръ не замѣнился опекой, а дѣла управленія не свелись къ чисто хозяйственнымъ функціямъ. Точно такъ же, гдѣ господствующая политическая власть находится въ рукахъ привилегированнаго меньшинства, оно никогда не допуститъ демократической организаціи мѣстнаго самоуправленія. Поэтому участіе массъ въ дѣлахъ управленія немыслимо безъ широкаго участія ихъ въ дѣлахъ законодательства. Демократизація органовъ мѣстнаго управленія опредѣляется демократизаціей органовъ законодательныхъ, и пока нѣтъ послѣдней, не будетъ и первой.

Итакъ, задачи соціализаціи земли, входя въ составъ экономическихъ задачъ внутренняго управленія, не могутъ быть достигнуты безъ широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ, а демократизація самоуправленія въ свою очередь невозможна безъ демократизаціи законодательныхъ органовъ.

2. Система самоуправленія.

Внутреннее управленіе должно быть построено на принципѣ самоуправленія, независимо отъ величины территоріи, на которую оно простирается. Если для осуществленія административныхъ задачъ въ предѣлахъ, скажемъ, села будутъ употребляться органы, не избираемые сельскимъ населеніемъ, а назначаемые, допустимъ, уѣзднымъ земствомъ, то они «страдали бы всѣми недостатками нижнихъ чиновниковъ и внесли бы въ земство всѣ отрицательныя стороны казенной администраціи, въ устраненіи которыхъ и состоитъ политическая задача самоуправленія» [1]). Такіе органы, даже если они назначены и не изъ лицъ, чуждыхъ данному селенію и не только формально съ нимъ связанныхъ, въ силу одной своей зависимости отъ земства, отъ того, что они являются ставленниками земства, будутъ видѣть, сообщать и дѣлать не столько то, что есть и нужно, сколько то, что угодно лицамъ, ихъ назначившимъ. Подобно чиновникамъ казенной администраціи, они будутъ исполнителями не только того, что на нихъ возложено закономъ, и не только законныхъ постановленій земства, но и всякихъ, хотя бы незаконныхъ желаній и стремленій лицъ и партій, господствующихъ въ земствѣ. Этимъ и объясняется неудача тѣхъ суррогатовъ въ лицѣ земскихъ агентовъ, добровольныхъ мѣстныхъ организацій и мѣстныхъ попечительствъ, къ которымъ наши земства прибѣгали для приближенія своей дѣятельности къ населенію. Дѣла управленія какой-либо мѣстностью, какъ бы мала она ни была, могутъ наилучшимъ образомъ обслуживаться ея же населеніемъ, и только то, что превышаетъ ея силы или охватываетъ интересы ряда мѣстностей, подлежитъ вѣдѣнію болѣе крупной территоріальной единицы. Поэтому организація управленія должна представлять собою систему органовъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ самоуправляющихся единицъ, начиная отъ болѣе мелкихъ и кончая самыми крупными.

Какую бы физіономію ни имѣло административное дѣленіе государства, вездѣ во всякомъ случаѣ существуютъ основныя территоріальныя единицы. Населеніе каждой такой единицы связано общими интересами, естественно сложившимися подъ вліяніемъ

---

[1]) Лазаревскій, назв. соч., 52—53.

совмѣстнаго жительства на тѣсномъ пространствѣ земли, подъ вліяніемъ сосѣдства. Въ предѣлахъ такой естественной единицы устанавливаются наиболѣе тѣсныя связи; здѣсь разрабатывается рядъ постоянныхъ и общихъ цѣлей, въ осуществленіе которыхъ предполагается дѣйствіе коллетивной воли и общихъ матеріальныхъ средствъ: устройство водопроводовъ, школъ, больницъ, улицъ, тротуаровъ, рынка, принятіе санитарныхъ мѣръ, попеченіе о безопасности и пр. [1]) Словомъ, жителей каждаго населеннаго пункта связываетъ общность интересовъ, совокупность которыхъ и составляетъ задачи управленія данной мѣстностью. Они могутъ осуществляться общими органами, пока мѣстность не разростется настолько, чтобы возникли практическія неудобства для общаго управленія. Въ послѣднемъ случаѣ первоначальная единица въ цѣляхъ управленія раздробляется на нѣсколько болѣе мелкихъ (Лондонъ). Въ то же время органы эти могутъ приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ, что и необходимо для ихъ правильной и цѣлесообразной дѣятельности. Эти-то естественныя ячейки должны служить первою ступенью въ восходящей лѣстницѣ мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ; сельское (или городское) поселеніе—это мельчайшій, недробимый общественный союзъ, въ интересахъ котораго органы самоуправленія осуществляютъ свои задачи общественной безопасности и благосостоянія.

Хотя непосредственное общеніе ограничивается предѣлами усадебной осѣдлости, тѣмъ не менѣе и у жителей, обитающихъ внѣ сельской или городской черты, создаются извѣстныя связи съ ближайшимъ населеннымъ пунктомъ. Владѣлецъ, живущій отдѣльнымъ хуторомъ отъ села, одинаково съ сельчанами заинтересованъ въ томъ, чтобы дороги, соединяющія его владѣнія съ другими путями сообщенія, были въ удовлетворительномъ состояніи, чтобы по близости имѣлась медицинская помощь, чтобы въ округѣ не распространялось эпидемій, чтобы въ деревнѣ или хуторѣ не возникали очаги воровства и разбоя и т. п. Возникающая отсюда общность интересовъ требуетъ включенія ближайшихъ хуторовъ въ самоуправляющійся союзъ и распространенія власти общихъ органовъ управленія за черту сельской усадебной осѣдлости. Такимъ образомъ, низшей самоуправляющейся единицей явится сельскій округъ,

---

1) Градовскій, назв. соч., 10.

куда входитъ село вмѣстѣ съ опредѣленной частью окружающей его территоріи.

Административныя дѣленія высшаго порядка не могутъ отличаться той естественностью происхожденія, какъ населенные пункты. Здѣсь уже нѣтъ той сосѣдской близости, того непосредственнаго соприкосновенія людей, подъ вліяніемъ котораго возникаетъ общность интересовъ. Подобныя дѣленія устраиваются обыкновенно искусственно, велѣніемъ государственной власти, въ видахъ удобства управленія. Возникши механически, эти территоріальныя единицы, однако, съ теченіемъ времени неизбѣжно создаютъ нити, связывающія ихъ съ тѣми населенными пунктами, которые входятъ въ ихъ составъ. Жители послѣднихъ вынуждены обращаться въ эти центры для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, связанныхъ съ тѣми органами управленія, которые угодно было насадить тамъ государственной власти. Населеніе привыкаетъ къ этимъ центрамъ, начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на средоточія тѣхъ общественныхъ нуждъ, осуществленіе которыхъ выходитъ изъ границъ непосредственнаго мѣстожительства. Шагъ за шагомъ, постепенно въ предѣлахъ этихъ искусственныхъ дѣленій создается извѣстная общность интересовъ, которая, требуя обезпеченія, и является основой самоуправляющагося союза высшаго порядка. Такимъ путемъ можетъ возникнуть цѣлый рядъ постепенно расширяющихся единицъ мѣстнаго самоуправленія. Каждая первичная единица, сельскій или городской округъ, входитъ въ составъ слѣдующей, болѣе крупной, назовемъ ее волостью, а эти послѣднія объединяются въ единицы высшаго порядка (положимъ, провинціи), такъ что въ концѣ концовъ государственный союзъ въ отношеніи управленія является совокупностью провинцій, состоящихъ изъ волостей, при чемъ каждая волость въ свою очередь распадается на сельскіе и городскіе округи. Такъ, система самоуправляющихся единицъ слагается: въ восточной части Пруссіи изъ общинъ (сельскихъ и городскихъ), округовъ и провинцій; во Франціи изъ коммунъ и департаментовъ, въ Англіи изъ приходовъ, округовъ (сельскихъ и городскихъ) и графствъ; въ Соединенныхъ Штатахъ изъ общинъ и графствъ; въ Н. Австріи изъ общинъ и ихъ союзовъ и т. д. Вездѣ низшей единицей служитъ естественная ячейка, сложившаяся на почвѣ непосредственнаго общенія и не поддающаяся дальнѣйшему дѣленію. Въ этой ячейкѣ и сосредоточивается вся совокупность задачъ управленія

мѣстностью, какія только государственная власть нашла совмѣстимымъ со своими интересами возложить на органы самоуправленія; высшія самоуправляющіяся единицы дополняютъ дѣятельность низшихъ, поскольку тѣ или иныя задачи оказываются неслѣднимъ не по силамъ (и поскольку, конечно, нашла это необходимымъ государственная власть). Прусская Landgemainde-Ordnung 3 іюля 1891 г. не даетъ даже перечисленія функцій сельской общины, а говоритъ прямо: „сельскимъ общинамъ принадлежитъ право самоуправленія своими дѣлами“ (§ 5); „общинное собраніе (общинное представительство) постановляетъ рѣшенія о всѣхъ дѣлахъ общины“ (§ 102). Съ другой стороны, Provinzial-Ordnung 29 іюня 1875 года даетъ точный перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію провинціальныхъ органовъ. Центръ тяжести лежитъ именно въ низшихъ самоуправляющихся единицахъ.

Совершенно иное мы видимъ у насъ. Село, эта первичная ячейка, составляющая результатъ непосредственнаго общенія людей, вовсе не служитъ у насъ низшей самоуправляющейся единицей, призванной обезпечить общіе интересы людей, связанныхъ мѣстностью. Оно организовано на началахъ сословности, то-есть какъ составъ, такъ и функціи сельскаго самоуправленія основаны не на общности интересовъ, возникшей въ силу сосѣдства, а на общности происхожденія, при чемъ изъ его состава исключаются всѣ жители мѣстности, не принадлежащіе къ крестьянскому сословію. Результатомъ такого строя сельскаго союза является, во-1-хъ, то, что онъ осуществляетъ только тѣ задачи управленія, которыя касаются части населенія данной мѣстности; во-2-хъ, то, что не имѣя возможности привлечь къ обложенію лицъ не-крестьянскаго сословія, онъ обладаетъ слишкомъ незначительными матеріальными средствами, чтобы могъ заботиться объ общественной безопасности и благоустройствѣ; въ-3-хъ, то, что сельскіе органы лишены необходимой самостоятельности, подпавъ подъ опеку центральныхъ органовъ, вообще тяготѣющую надъ крестьянскимъ сословіемъ. Такой же сословный характеръ имѣетъ наша слѣдующая самоуправляющаяся единица—волость. Она еще хуже, чѣмъ село, исполняетъ тѣ функціи управленія, которыя дали бы ей право считаться составною частью системы самоуправленія. Обремененныя цѣлымъ рядомъ обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣлами общественнаго самоуправленія, волостныя управленія превратились въ деревенскія канцеляріи, вѣдающія самостоятельно

и въ роли исполнительныхъ органовъ разнообразныя дѣла административно-фискально-полицейскаго свойства [1]). Эти обязанности исполняются ими не въ качествѣ самоуправляющихся учрежденій, а въ качествѣ низшихъ органовъ центральной власти, обязанныхъ ей полнымъ и безпрекословнымъ повиновеніемъ и поставленныхъ въ такую тѣсную зависимость отъ правительства, которая совершенно парализуетъ связь этихъ учрежденій съ волостными обществами и лишаетъ ихъ даже внѣшнихъ признаковъ общественныхъ учрежденій [2]).

Далѣе идутъ уѣздное и губернское земства, обладающія истиннымъ характеромъ мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ. Такъ какъ село и волость, ограниченныя въ своемъ составѣ, въ своей самостоятельности и въ своихъ функціяхъ, не являются у насъ территоріальными самоуправляющимися союзами, то нижней ступенью въ системѣ самоуправленія оказывается уѣздное земство, то-есть союзъ, основанный не на непосредственномъ общеніи людей и охватывающій слишкомъ большую территорію, чтобы задачи управленія могли осуществляться правильно. Отсутствіе прямой связи уѣзднаго земства съ населеніемъ парализуетъ важнѣйшія стороны его дѣятельности въ области общественнаго благоустройства и благосостоянія. Необходимость созданія болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы поэтому вошла уже во всеобщее сознаніе. Функціи такой единицы сводятся къ слѣдующему. Первое и главнѣйшее, что ей предстоитъ—это избавить губернское и уѣздное земство отъ обязанностей, выполненіе коихъ они „не подлежаще“, а потому и не вполнѣ удачно, приняли на себя только потому, что не существуетъ болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской единицы. Вторую группу предстоящихъ ей задачъ составляютъ тѣ превышающія силы отдѣльныхъ сельскихъ обществъ задачи, къ выполненію коихъ существующее земство еще не приступало... Наконецъ, третью группу образуютъ обязанности, налагаемыя на мелкую земскую единицу положеніемъ ея, какъ органической части въ системѣ земскихъ учрежденій, въ качествѣ низшей инстанціи, непосредственно связующей земство съ мѣстностью [3]). Такимъ обра-

[1]) Страховскій, Крестьянскія права и учр., 54.

[2]) Jbid, 80.

[3]) Шрейдеръ, Мелкая земск. единица въ условіяхъ русской жизни (въ сборн. „Мелк. земск. единица“, вып. 2), стр. 56.

зомъ, мелкая земская единица должна связывать уѣздное земство съ мѣстностью, то-есть съ сельскимъ округомъ, и осуществлять задачи, превышающія силы послѣдняго. Другими словами, сельскій округъ долженъ составлять первичную ячейку, огранизованную на началахъ территоріальной самоуправляющейся единицы на подобіе прусскихъ сельскихъ общинъ, французскихъ коммунъ и т. д. и осуществляющую всѣ доступныя ей задачи управленія, а слѣдующимъ по величинѣ территоріальнымъ общественнымъ союзомъ должна служить „болѣе мелкая, чѣмъ уѣздъ", земская единица.

Какую же территорію должна охватывать эта „мелкая" единица, соединяющая сельское самоуправленіе съ уѣзднымъ? Есть много основаній высказаться въ пользу территоріи волости. Правда, волость—искусственная единица, созданная реформой 1861 г.; но вѣдь уѣздъ и губернія тоже въ свое время были созданы искусственно. Первый въ московскую эпоху, второй—Петромъ I. Какъ тѣ въ концѣ концовъ образовали вокругъ себя общіе культурные интересы, такъ и волость въ теченіе сорокалѣтняго существованія силою привычки успѣла создать къ себѣ „тягу" населенія. „Волость, которая въ началѣ была чисто бумажнымъ терминомъ, теперь очень часто является уже органическимъ цѣлымъ; у прежде разобщеннаго населенія возникли общіе волостные нужды и интересы. Волостная почта, волостныя кредитныя и иныя учрежденія, волостныя зданія въ настоящее время являются уже достояніемъ не сотенъ, а тысячъ волостей" [1]). Совпаденіе мелкой земской единицы съ волостью проектируется и большинствомъ земствъ [2]). Такимъ образомъ, система самоуправленія рисуется въ видѣ слѣдующей восходящей лѣстницы: сельскій округъ, волость, уѣздъ, губернія. Созданіе болѣе крупной, чѣмъ губернія, единицы самоуправленія мы полагаемъ излишнимъ. Для осуществленія задачъ управленія, общихъ двумъ или нѣсколькимъ губерніямъ, губернскія могутъ соединяться въ союзы. Областная автономія представляется намъ въ видѣ автономіи законодательной, а не административной.

---

1) Ibid, 73.

2) См. сводный проектъ, напечатанный въ сборникѣ „Мелк. земск. единица", вып. 2.

3. Компетенція мѣстнаго самоуправленія.

I.

Государство для осуществленія своихъ задачъ отправляетъ троякаго рода матеріальныя функціи: законодательство, судъ, управленіе. Законодательство создаетъ абстрактныя правовыя нормы, регулирующія множество случаевъ или же индивидуальныя сочетанія. Судъ устанавливаетъ въ отдѣльномъ случаѣ неизвѣстное или спорное право или правовыя состоянія и интересы. Управленіе разрѣшаетъ конкретныя задачи согласно правовымъ нормамъ или въ предѣлахъ установленныхъ ими границъ [1]). Матеріальныя функціи раздѣлены между соотвѣтственными видами органовъ; раздѣленіе функцій соотвѣтствуетъ раздѣленію труда между органами. Такъ различаются органы законодательства, суда и управленія, хотя точную, демаркаціонную линію между функціями этихъ трехъ видовъ органовъ можно провести только въ теоріи, но не въ жизни. Когда задачи государственнаго управленія осуществляются на мѣстахъ органами, избираемыми самимъ населеніемъ, то государственное управленіе имѣетъ форму самоуправленія. Отсюда видно, что задачи самоуправленія качественно не могутъ отличаться отъ задачъ государственнаго управленія вообще. И дѣйствительно, всѣ попытки установить грань между функціями „общегосударственными“ и „мѣстными пользами и нуждами“ потерпѣли фіаско. „Справедливо, что попеченіе о народномъ образованіи есть дѣло государства и одна изъ прямыхъ его обязанностей. Но также справедливо, что учрежденіе народныхъ училищъ есть одна изъ насущныхъ потребностей мѣстности. Заботы о путяхъ сообщенія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія; но мѣстное населеніе также заинтересовано въ хорошемъ состояніи мѣстныхъ дорогъ и обыкновенно не удовлетворяется однимъ правительственнымъ попеченіемъ объ этомъ предметѣ. Можно было бы перебрать всѣ предметы внутренняго управленія и вездѣ найти не только „точки соприкосновенія“ между государственными и мѣстными интересами, но и органическую между ними связь. Поэтому и различіе между предметами общегосудар-

---

[1]) Еллинекъ. 406—407.

ственнаго и мѣстнаго управленія есть различіе не качественное, а количественное. Извѣстная доля данной задачи остается въ рукахъ государства, другая доля можетъ и должна быть передана въ вѣдѣніе мѣстныхъ управленій“ [1]). Какъ именно данная задача должна быть распредѣлена между центральными и мѣстными органами, а также какія задачи должны быть цѣликомъ переданы послѣднимъ и какія — остаться въ рукахъ первыхъ—это вопросъ цѣлесообразности, вопросъ практической выполнимости. Въ видѣ общаго правила можно сказать, что къ предметамъ вѣдомства мѣстнаго самоуправленія слѣдуетъ отнести всѣ тѣ предметы, которые поддаются и нуждаются въ мѣстномъ ограниченіи. Слѣдовательно, все то, что можетъ съ наибольшей цѣлесообразностью исполняться органами мѣстнаго самоуправленія, должно быть имъ передано, и только тѣ дѣла, которыя охватываютъ территорію всего государства, которыя нуждаются въ руководствѣ изъ центра, которыя требуютъ единообразнаго управленія, которыя, наконецъ, превышаютъ силы отдѣльныхъ самоуправляющихся единицъ или союза ихъ,—тѣ должны остаться въ рукахъ центральныхъ органовъ.

Разлагая совокупность задачъ государственнаго управленія на составныя части съ отмѣченной точки зрѣнія, мы можемъ указать только одну область, которая совершенно не поддается мѣстному ограниченію; это—внѣшнія сношенія. Здѣсь необходимы единство и однообразіе управленія, что требуетъ безусловной централизаціи. Военное дѣло, юстиція и финансы могутъ распредѣляться между центральными и мѣстными органами въ зависимости отъ территоріи, на которую распространяется власть военныхъ, судебныхъ и финансовыхъ инстанцій. Напримѣръ, мѣстные судьи могутъ избираться органами мѣстнаго самоуправленія, слѣдующія инстанціи могутъ быть организованы на началахъ судебной автономіи, которая въ послѣдней стадіи заканчивается высшимъ центральнымъ органомъ—сенатомъ. Децентрализація финансовъ можетъ выражаться въ предоставленіи мѣстнымъ органамъ опредѣленія и взиманія податныхъ окладовъ. Но наибольшее поприще предоставляется мѣстному самоуправленію въ осуществленіи задачъ личной и общественной безопасности, духовнаго и матеріальнаго благосостоянія и благоустройства. Общая полиція, народное обра-

1) Градовскій, т. IX, 425.

зованіе, медицина, средства и пути сообщенія, мѣры содѣйствія экономическому благосостоянію населенія и пр. и пр.—все входитъ въ сферу компетенціи мѣстнаго самоуправленія, поскольку эти задачи ограничиваются предѣлами мѣстности и могутъ быть осуществлены мѣстными средствами. Этотъ принципъ долженъ быть положенъ въ основу конструкціи сферы компетенціи органовъ мѣстнаго самоуправленія. Такъ какъ изъ самой идеи децентрализаціи вытекаетъ, что мѣстные органы лучше центральныхъ способны отправлять на мѣстахъ функціи государственнаго управленія, а съ другой стороны—мѣстному населенію лучше, чѣмъ кому другому, видно, что ему по силамъ и что нѣтъ, то закону нѣтъ надобности перечислять, какіе предметы должны входить въ сферу компетенціи мѣстнаго самоуправленія. Такое перечисленіе представляется даже невозможнымъ, потому что никогда нельзя предусмотрѣть заранѣе, какія нужды будутъ выдвинуты развитіемъ мѣстности. Все усложняющаяся жизнь ставитъ каждый день новыя задачи, и если предметы вѣдомства мѣстныхъ органовъ будутъ регламентированы ограничительнымъ перечнемъ, то не предусмотрѣнныя потребности останутся безъ цѣлесообразнаго удовлетворенія. Наиболѣе яркій примѣръ губительнаго дѣйствія перечневой конструкціи представляетъ у насъ выдвинувшаяся въ послѣднее время потребность въ юридической помощи населенію. Статьей 2-ой Положенія о земск. учр. этотъ видъ земской дѣятельности не предусмотрѣнъ, и сенатъ категорически высказался, что „учрежденіе защиты по дѣламъ частныхъ лицъ не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ дѣлъ, перечисленныхъ въ статьѣ 2 Положенія“ (ук. 30 мая 1873 г., № 4551, опред. сен. 4 декабря 1897, № 9945 и 2 ноября 1899, № 2240). Единственно правильной конструкціей была бы такая, которая дала бы общее указаніе, что мѣстные общественные территоріальные союзы вѣдаютъ дѣла мѣстнаго управленія, и перечисленіе того, что ихъ вѣдѣнію не подлежитъ.

II.

На изложенныхъ началахъ должно быть построено также распредѣленіе предметовъ вѣдомства между низшими и высшими самоуправляющимися единицами. Если провинція и волость послѣдовательно охватываютъ болѣе крупныя территоріи, чѣмъ сельскій округъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что и сфера компетенціи

первыхъ должна быть шире сферы компетенціи послѣдней. Напротивъ, природа задачъ самоуправленія требуетъ какъ разъ обратнаго: предметы вѣдомства самоуправляющихся единицъ должны расширяться по мѣрѣ суженія ихъ территоріи. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль всякаго самоуправляющагося союза заключается, какъ мы видѣли, въ осуществленіи задачъ управленія въ предѣлахъ его территоріи. Задачи же эти вытекаютъ изъ факта человѣческаго общенія: совмѣстное жительство людей на одной территоріи вызываетъ необходимость въ огражденіи правъ одного отъ посягательствъ другого, въ устройствѣ различныхъ предметовъ общаго пользованія и пр.; совмѣстное жительство ведетъ къ созданію общихъ интересовъ и потребностей. Но чѣмъ чаще люди приходятъ между собою въ соприкосновеніе, чѣмъ ближе другъ къ другу они работаютъ, чѣмъ меньшее пространство отдѣляетъ одного отъ другого, тѣмъ тѣснѣе зависимость ихъ другъ отъ друга, тѣмъ чаще возможны столкновенія и тѣмъ разнообразнѣе интересы, общіе для всѣхъ ихъ. Поэтому, чѣмъ ограниченнѣе территорія, тѣмъ значительнѣе тѣ общіе интересы и потребности, осуществленіе которыхъ составляетъ содержаніе управленія. Напротивъ, чѣмъ дальше люди отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ большее разстояніе отдѣляетъ ихъ, тѣмъ меньше возникаетъ у нихъ общихъ интересовъ и тѣмъ малочисленнѣе задачи, разрѣшаемыя общими органами.

Постепенное суженіе сферы компетенціи самоуправляющихся единицъ по мѣрѣ увеличенія ихъ территоріи вытекаетъ также изъ соображеній цѣлесообразности. Мы видѣли выше, что органы мѣстнаго самоуправленія могутъ тѣмъ лучше осуществлять свои задачи, чѣмъ ближе они къ населенію. Слѣдовательно, все, что можетъ быть исполнено на мѣстѣ, въ непосредственной близости отъ заинтересованныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ переносить въ какой-либо отдаленный центръ. Отсюда правило: всѣ дѣла внутренняго управленія на территоріи сельскаго округа должны осуществляться его же органами и только тѣ интересы, которые обнимаютъ два или нѣсколько округовъ или осуществленіе которыхъ не по силамъ округу съ его ограниченными матеріальными средствами, передаются волости. То же самое слѣдуетъ сказать объ отношеніи волости къ уѣзду и т. д. Словомъ, сфера компетенціи высшихъ самоуправляющихся единицъ опредѣляется послѣдовательно путемъ исключенія: въ сферу компетенціи во-

лости входитъ все то, что не можетъ войти въ сферу компетенціи сельскаго округа, а въ сферу компетенціи уѣзда все то, что не можетъ войти въ сферу компетенціи волости.

III.

Прилагая полученные выводы къ соціализаціи земли, мы должны сказать, что всѣ дѣла по управленію соціализированной землей должны сосредоточиваться въ низшей самоуправляющейся единицѣ—сельскомъ округѣ, какъ выразителѣ непосредственнаго общенія людей и средоточіи ближайшихъ интересовъ мѣстности, и только то, что превышаетъ его матеріальныя силы или охватываетъ интересы двухъ или болѣе сельскихъ округовъ, должно быть передано слѣдующей высшей самоуправляющейся единицѣ—волости. Что не по силамъ волости или касается двухъ и болѣе волостей, передается уѣздному земству и т. д. Предоставленіе наибольшей суммы компетенціи по отношенію къ соціализированной землѣ сельскому округу диктуется еще и другими соображеніями, помимо тѣхъ, которыя положены въ основу теоріи самоуправленія. Интересы трудящихся массъ, для которыхъ предпринимается соціализація земли, требуютъ, чтобы управленіе ею находилось въ рукахъ тѣхъ же трудящихся, чтобы не допускать къ этому дѣлу буржуазныхъ элементовъ, которые могли бы сдѣлать изъ нея орудіе для своихъ эксплоататорскихъ цѣлей. При демократической организаціи мѣстнаго самоуправленія на всѣхъ ступеняхъ, нетрудящіеся элементы будутъ въ наименьшемъ количествѣ въ сельскомъ округѣ, а по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ лѣстницы роль этихъ элементовъ будетъ все увеличиваться и въ центральныхъ органахъ государства она достигнетъ своего максимума. Поэтому правило: „все для народа и все посредствомъ народа“ требуетъ, чтобы главное распоряженіе соціализированной землей находилось въ рукахъ низшихъ союзовъ, гдѣ преобладающая роль будетъ принадлежать трудящейся массѣ, и чтобы функціи органовъ самоуправленія сокращались по мѣрѣ перехода къ высшимъ самоуправляющимся единицамъ и достигли своего минимума въ центральныхъ государственныхъ органахъ.

Управленіе соціализированной землей можетъ быть, примѣрно, разложено на слѣдующіе главнѣйшіе моменты:

1) надѣленіе всѣхъ жителей сельскаго округа, выразившихъ

желаніе осуществить свое право на землю,—въ предѣлахъ потребительной нормы;

2) періодическій пересмотръ потребительныхъ нормъ;

3) возвращеніе въ запасный фондъ отдѣльныхъ участковъ въ случаѣ прекращенія на нихъ земледѣльческаго трудового хозяйства;

4) производство передѣловъ въ видахъ уравненія землепользованія;

5) завѣдываніе угодьями, составляющими предметъ общаго пользованія (выгоны, рыбная ловля, лѣса);

6) завѣдываніе землями, составляющими запасный фондъ;

7) завѣдываніе землями, выдѣленными для осуществленія общественныхъ задачъ (напр., общественныя запашки);

8) завѣдываніе землями, находящимися подъ промышленными заведеніями;

9) завѣдываніе нѣдрами земли;

10) разселеніе и переселеніе;

11) статистика народонаселенія и землепользованія и т. д.

Не продолжая этого перечня, который при сложности земельныхъ отношеній вообще не можетъ быть исчерпывающимъ, мы видимъ уже, что нѣкоторыя отрасли не могутъ подлежать вѣдѣнію сельскаго самоуправленія. Такъ, напр., рыбныя ловли въ рѣкахъ, протекающихъ по большой территоріи, обширные лѣса должны составлять предметъ завѣдыванія высшихъ самоуправляющихся единицъ въ зависимости отъ размѣровъ этихъ экономическихъ благъ; разселеніемъ въ предѣлахъ одной и той же самоуправляющейся единицы завѣдываютъ, естественно, ея же органы; переселеніе, эксплоатація нѣдръ земли, статистика народонаселенія и землепользованія, вслѣдствіе ихъ общегосударственнаго значенія,—дѣло центральныхъ учрежденій. Предметы, перечисленные въ пп. 1—4 и отчасти 5 (выгоны) могутъ цѣликомъ войти въ сферу компетенціи сельскаго округа. Завѣдываніе такой отраслью, какъ запасный фондъ, должно быть соотвѣтственно распредѣлено между низшими и высшими органами самоуправленія съ одной стороны и центральными государственными учрежденіями съ другой. Во всякомъ случаѣ, гдѣ только допускаетъ практическая возможность и цѣлесообразность, завѣдываніе земельными отношеніями должно быть предоставлено сельскому самоуправленію.

IV.

Дѣйствующее право обыкновенно не согласуется съ тѣми началами, на которыхъ теорія строитъ компетенцію самоуправленія. Опасаясь за свои прерогативы, правители европейскихъ государствъ всячески старались ограничить сферу вліянія мѣстныхъ органовъ и это выражалось прежде всего въ томъ, что законъ строго регламентируетъ предметы вѣдомства мѣстнаго самоуправленія, отрѣзывая ему доступъ къ тому, что господствующая власть пожелала оставить въ своемъ собственномъ распоряженіи. Какія именно функціи оказались въ концѣ концовъ предоставленными мѣстному самоуправленію, это—результатъ историческихъ условій, результатъ сложившагося реальнаго соотношенія силъ.

Наибольшей полнотой компетенціи обладаетъ мѣстное самоуправленіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки [1]). Тамъ община (таунъ) охватываетъ всѣ стороны мѣстнаго государственнаго управленія: фискальнаго, военнаго, судебнаго и внутренняго, не исключая и полиціи безопасности. Общиннымъ выборнымъ органамъ поручено взысканіе какъ мірскихъ сборовъ, такъ и сборовъ въ пользу графства, а также раскладка и отчетность по производству этихъ сборовъ. Каждая община содержитъ отдѣльный корпусъ милиціи, призванной къ защитѣ страны одинаково отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Низшій судъ отправляютъ избранные общиной комиссары. Выборные констэбли вѣдаютъ полицію безопасности и приводятъ въ исполненіе приказы судей и другихъ властей. О правахъ общины въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства и благосостоянія не стоитъ и упоминать. Ограничиваясь разсмотрѣніемъ законодательства четырехъ европейскихъ государствъ: Англіи, Германіи, Австріи и Франціи, приходится констатировать, что въ Европѣ компетенція самоуправленія гораздо уже. Военное управленіе составляетъ исключительную прерогативу центральнаго правительства. Фискальныя функціи обыкновенно сводятся къ подготовительнымъ дѣйствіямъ и раскладкѣ налоговъ. Судебныя функціи тоже обыкновенно отправляются правительственными чиновниками. Только въ Англіи нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія выполняются коронеромъ, избираемымъ

---

1) См. статью М. М. Ковалевскаго въ сборн. „Мелкая земск. един.“, в. 1.

графскимъ совѣтомъ: въ случаѣ чьей-либо внезапной смерти или пожара на немъ лежитъ выясненіе истинной причины этихъ происшествій; всѣ же другія дѣйствія по „охранѣ мира“ исполняютъ мировые судьи, изъ которыхъ только часть обязана своимъ званіемъ народному избранію, а остальные дѣйствуютъ по назначенію [1]). Полиція безопасности, въ томъ или другомъ объемѣ, съ тѣми или другими ограниченіями возложена на органы мѣстнаго самоуправленія. Въ Англіи дѣлами полиціи завѣдуютъ частью мировые судьи, частью смѣшанные постоянные комитеты, въ которыхъ засѣдаютъ въ равномъ числѣ мировые судьи и чины графскихъ совѣтовъ. Этотъ комитетъ назначаетъ полицейскаго комиссара, которому подчинены всѣ констэбли графства [2]). Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи функціи полиціи безопасности отправляются сельскимъ старостой, но онъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ не какъ органъ самоуправленія, а какъ органъ центральной государственной власти и совершенно независимо отъ общиннаго собранія [3]). Такимъ же образомъ построена полицейская власть мэра во французскихъ коммунахъ [4]).

Въ Англіи задачи самоуправленія распредѣлены между приходами, округами и графствами. Полномочія приходовъ проф. Виноградовъ [5]) сводитъ къ слѣдующимъ тремъ группамъ: 1) завѣдываніе приходскими благотворительными учрежденіями и капиталами; 2) пріобрѣтеніе и завѣдываніе недвижимымъ имуществомъ для общеполезныхъ цѣлей—библіотекъ и читаленъ, жилищъ для рабочихъ, общаго выгона, площадки для игръ и пр.; 3) заботы о благоустройствѣ прихода. Завѣдываніе начальнымъ обученіемъ возложено закономъ 9 авг. 1870 года на школьныя бюро, избираемыя населеніемъ школьнаго округа, обыкновенно совпадающаго съ приходомъ. На школьныхъ бюро лежитъ какъ забота о матеріальной обстановкѣ—строеніяхъ, классномъ матеріалѣ и т. п., такъ и наблюденіе за учебно-воспитательнымъ дѣломъ и избраніе учительскаго персонала. Сельскіе округа вѣдаютъ дорожное дѣло и санитарную полицію. По вопросу о дорогахъ на

---

1) Вотье, Мѣстное управленіе Англіи, стр. 38, 51 сл.
2) Ibid., 118.
3) P. Schoen, Das Recht der Kommunalverbänbe in Preussen, 193.
4) Зак. 5 апр. 1884 г., ст. 91 и сл.
5) См. сборникъ „Мелкая земск. единица“, вып. 1, стр. 78.

округахъ лежитъ устройство и исправленіе дорогъ и мостовъ, кромѣ главныхъ, завѣдываніе которыми предоставлено графствамъ. Сложныя и многообразныя обязанности вытекаютъ изъ санитарной компетенціи округа, для осуществленія которой послѣдній содержитъ медиковъ и санитарныхъ инспекторовъ. Сюда относится: вывозъ нечистотъ, канализація, забота о водоснабженіи, надзоръ за подвальными помѣщеніями, постоялыми дворами и меблированными комнатами, надзоръ за всѣми помѣщеніями вообще съ правомъ закрывать ихъ, если они вредны для здоровья, надзоръ за продажей съѣстныхъ припасовъ, оповѣщеніе о заразительныхъ болѣзняхъ, забота о больницахъ и кладбищахъ, устройство коттеджей и квартиръ въ случаѣ недостатка въ нихъ,—надзоръ за судоходствомъ по каналамъ, контроль за новыми постройками, освѣщеніемъ, бойнями, извознымъ промысломъ и прочее. Въ компетенціи графствъ можно различать двѣ главныя группы дѣлъ: дѣятельность графствъ по провѣркѣ, дополненію и измѣненію мѣръ, принимаемыхъ мѣстными организаціями, и дѣятельность ихъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ взамѣнъ мѣстныхъ организацій. Къ первой категоріи относится: наблюденіе за состояніемъ дорогъ въ округахъ, за исполненіемъ санитарнаго законодательства округами; рѣшеніе въ послѣдней инстанціи дѣлъ объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ. Гораздо значительнѣе группа дѣлъ, которая выдѣлена въ исключительное завѣдываніе графства. Сюда относится: завѣдываніе учрежденіями для умалишенныхъ, организація и содержаніе исправительныхъ пріютовъ; содержаніе главныхъ дорогъ и мостовъ; ветеринарныя мѣры; забота о среднемъ и профессіональномъ образованіи. Вообще, по словамъ проф. Виноградова, „вся непосредственная административная работа ведется мѣстными самоуправляющимися учрежденіями“, хотя законъ, держась перечневой конструкціи, не можетъ, конечно, перечислить всѣхъ многочисленныхъ задачъ мѣстнаго управленія. Для характеристики взаимоотношенія низшихъ самоуправляющихся единицъ къ высшимъ достойно вниманія, что высшая единица можетъ замѣстить низшую, если послѣдняя не исполняетъ своихъ обязанностей, и обратно: низшая можетъ потребовать у высшей выполненія той задачи, которая закономъ возложена на эту послѣднюю.

Отдѣльнаго разсмотрѣнія заслуживаетъ соціальная роль органовъ самоуправленія, созданная законами 18 апр. 1882 г., 16

сент. 1887 г. съ нѣкоторыми къ нимъ дополненіями и 27 іюня 1892 года [1]). Роль эта заключается въ надѣленіи безземельнаго земледѣльческаго населенія землей, для каковой цѣли органы самоуправленія снабжены даже правомъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Въ силу закона 16 сентября 1887 года и позднѣйшихъ дополненій его (1890 и 1894 г.г.) совѣты сельскихъ округовъ обязаны пріобрѣтать покупкой или арендой землю для раздачи ея участками, т. наз. allotments, не свыше одного акра въ арендное пользованіе трудолюбивымъ сельскимъ жителямъ, занимающимся земледѣліемъ въ качествѣ поденныхъ рабочихъ. Дѣятельность окружныхъ совѣтовъ можетъ быть вызвана петиціей за подписью шести парламентскихъ избирателей или же требованіемъ со стороны приходскаго совѣта. Въ случаѣ небрежнаго или недоброжелательнаго отношенія окружнаго совѣта къ этому вопросу, графскій совѣтъ можетъ дѣйствовать вмѣсто окружнаго, тоже по желанію 6 избирателей или приходскаго совѣта. Въ этомъ случаѣ приходскій совѣтъ дѣлается собственникомъ земель, предназначенныхъ для размежеванія. Въ случаѣ отказа со стороны землевладѣльцевъ продать добровольно свою землю, имѣетъ мѣсто принудительное отчужденіе ея по постановленію графскаго совѣта, которое можетъ быть обжаловано въ управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства; постановленіе графскаго совѣта пріобрѣтаетъ обязательную силу во всякомъ случаѣ не иначе, какъ послѣ одобренія его управленіемъ п. д. мѣстнаго хозяйства. Законъ допускаетъ не только принудительное отчужденіе, но и принудительное взятіе въ аренду. Приходскій совѣтъ имѣетъ право арендовать земли, которыя онъ намѣренъ обратить въ allotments. Если землевладѣлецъ не желаетъ принять приходъ въ число своихъ арендаторовъ, то приходскій совѣтъ можетъ, на основаніи постановленія графскаго совѣта, заставить его уступить. Срокъ такой принудительной аренды колеблется между 14 и 35 годами. Принципіально участокъ не можетъ быть больше одного акра. Запрещается передавать его въ аренду и строить на немъ жилой домъ или мастерскую, но дозволяется строить хлѣвъ, конюшню, амбаръ, сарай и пр. Управленіе землями, предназначенными для allotments, принадлежитъ окружнымъ совѣтамъ. Оно можетъ быть ввѣрено ими особымъ администраторамъ (managers),

[1]) Вотье, 102 сл., 222 сл.

которые должны быть выбираемы парламентскими избирателями прихода, если этого потребуетъ $^1/_6$ часть ихъ или приходскій совѣтъ. Со времени закона 5 марта 1894 года два члена приходскаго совѣта непремѣнно входятъ въ составъ коллегіи managers.

Законы объ allotments не имѣютъ цѣли создать классъ мелкихъ земледѣльцевъ. Allotment дается сельскому рабочему въ видахъ доставленія ему добавочнаго заработка или здороваго развлеченія. Гораздо болѣе широкія задачи преслѣдуетъ законъ 27 іюня 1892 года. (Small Holdings Act). Здѣсь дѣло идетъ уже объ образованіи небольшихъ имѣній, размѣры которыхъ колеблются между однимъ и 50 акрами; эти имѣнія поступаютъ въ собственность, переходящую по наслѣдству тѣхъ лицъ, которымъ ихъ уступаютъ. Роль посредника въ этомъ дѣлѣ играетъ графскій совѣтъ: онъ покупаетъ съ цѣлью перепродажи. Принудительное отчужденіе здѣсь не допускается (въ противоположность allotments); принципъ принудительности, выставляенный и въ этомъ случаѣ либеральной партіей, не прошелъ въ парламентѣ. Графскій совѣтъ пріобрѣтаетъ землю только затѣмъ, чтобы предоставить мелкіе участки въ распоряженіе лицъ, желающихъ пріобрѣсти ихъ и лично обрабатывать. Ему дозволяется переуступать землю не прежде, чѣмъ увеличивъ ея цѣнность. Онъ можетъ обвести участки заборомъ, провести дороги, осушить почву, провести воду, возвести строенія. Участки могутъ продаваться не только отдѣльнымъ лицамъ, но и товариществамъ, работающимъ сообща на кооперативныхъ началахъ. Покупателю предлагаются большія льготы при уплатѣ. Пятая часть покупной цѣны должна быть выплачена наличными деньгами; $^1/_4$ часть цѣны можетъ быть замѣнена вѣчною, не подлежащею выкупу рентою; остальное, то-есть $^{11}/_{20}$ цѣны, можетъ быть уплачено въ продолженіе 50 лѣтъ. Графскій совѣтъ выдаетъ также ссуды въ размѣрѣ $^4/_5$ цѣны имѣнія въ случаѣ, если арендаторъ пожелаетъ купить его безъ посредничества графства. Право собственности покупателей подобныхъ имѣній сильно ограничено. До полной выплаты долга имѣніе не можетъ быть отдано въ аренду безъ согласія совѣта; оно должно быть воздѣлываемо самимъ собственникомъ и не можетъ быть употреблено на другое дѣло, кромѣ земледѣлія. Послѣ уплаты долга, если собственникъ желаетъ продать имѣніе или воспользоваться имъ для иной какой-либо цѣли, кромѣ земледѣлія, совѣту принадлежитъ право преиму-

щественнаго выкупа. Пріобрѣтаемая совѣтомъ земля можетъ отдаваться не только въ собственность, но и въ аренду, однако участками не больше 15 акровъ. Средства для выполненія этой операціи графство добываетъ путемъ займовъ, правительственныхъ ссудъ и провинціальнаго налога. Надзоръ за исполненіемъ требованій закона относительно small holdings имѣютъ два члена приходскаго совѣта. Такимъ образомъ, то, что у насъ отчасти выполняется бюрократическимъ учрежденіемъ—крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, въ Англіи цѣликомъ сосредоточено въ рукахъ мѣстнаго самоуправленія. Характерны и тѣ ограниченія „неотъемлемыхъ“ правъ собственника, которыя допущены въ классической сторонѣ частной собственности.

Въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи сфера компетенціи сельской общины опредѣляется общимъ правиломъ, заключающимся въ § 102 Laudgemeindeordnung отъ 3 іюля 1891 г.: общинное собраніе (общинное представительство) постановляетъ рѣшенія по всѣмъ дѣламъ общины, поскольку они не предоставлены исключительно общинному старостѣ (общинной управѣ). Это именно область полиціи благосостоянія, въ сферѣ которой компетенція органовъ самоуправленія слѣдуетъ правилу: низшая самоуправляющаяся единица вѣдаетъ всѣ свои дѣла, а высшая—только тѣ, которыя касаются двухъ или болѣе низшихъ единицъ. Австрійскій законъ 5 марта 1862 года даетъ ограничительный перечень задачъ общины, который въ общемъ охватываетъ всѣ элементы полиціи благосостоянія [1]). Высшей самоуправляющейся единицы въ Австріи нѣтъ; но общины могутъ соединяться въ союзы для достиженія общихъ цѣлей (зак. 16 апр. 1874 г). Что касается Франціи, то компетенція коммуны характеризуется тамъ, наподобіе Пруссіи, общимъ терминомъ „дѣлъ общины“ (ст. 61 закона 5 апр. 1884 г.), а компетенція департамента опредѣляется перечнемъ предметовъ его вѣдомства, при чемъ главное мѣсто принадлежитъ дорожному дѣлу и общественному призрѣнію (ст. 46 закона 10 авг. 1871 г.).

V.

Переходя къ Россіи, мы должны прежде всего констатировать, что въ сферу компетенціи волостного самоуправленія у

---

1) v. Hock, N. Oe. Landes-Gesetze, B. 1. стр. 53 сл.

насъ входитъ низшій судъ, но едва ли стоитъ останавливаться на общеизвѣстномъ фактѣ, что волостной судъ лишенъ всякой самостоятельности и является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительственныхъ органовъ. Земскія учрежденія въ 1890 году лишены права избранія мировыхъ судей. Полицейская и фискальная власть осуществляется десятскими, сотскими, сельскими старостами и волостными старшинами, какъ низшими полицейскими чинами, всецѣло подчиненными урядникамъ и становымъ приставамъ, но никакъ не сельскому и волостному самоуправленію. Земство же вовсе не пользуется ни полицейской, ни фискальной властью. Остаются дѣла общественнаго благоустройства и благосостоянія, въ области которыхъ сельскимъ и волостнымъ органамъ предоставлены de jure довольно широкія полномочія. Хотя Общее Пол. о крест. держится перечневой системы или, правильнѣе, перечневой безсистемности (ибо классификація предметовъ вѣдомства не знаетъ логической системы, сплетая родовыя понятія съ видовыми), однако законъ прямо указываетъ что вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ „совѣщанія объ общественныхъ нуждахъ и благоустройствѣ“ (п. 11 ст. 62), а вѣдѣнію волостного схода—„постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости“ (п. 4 ст. 94). Здѣсь дана вполнѣ правильная конструкція сферы компетенціи мѣстнаго самоуправленія вообще и круга дѣйствій сельскихъ и волостныхъ распорядительныхъ органовъ въ частности. Но конструкція эта затемняется совершенно излишнимъ перечисленіемъ отдѣльныхъ задачъ, которыя и безъ того входятъ въ составъ „общественныхъ дѣлъ“ и „общественныхъ нуждъ“, при чемъ эти отдѣльныя задачи упоминаются не какъ составныя части общественныхъ дѣлъ и нуждъ, а какъ самостоятельныя понятія. То же самое справедливо по отношенію къ земству. Статья 1-ая Пол. о земск. учр. 1890 г. даетъ вполнѣ правильную конструкцію сферы компетенціи земскихъ учрежденій, опредѣляя ее „мѣстными пользами и нуждами губерній и уѣздовъ“. Нельзя также ничего возражать противъ разграниченія круга дѣйствій губернскаго и уѣзднаго земства, даваемаго въ ст. 3: „къ вѣдѣнію губернскихъ учрежденій относятся тѣ дѣла, которыя касаются всей губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а къ вѣдѣнію уѣздныхъ земскихъ учрежденій тѣ дѣла, которыя касаются каждаго отдѣльнаго уѣзда“. Но пра-

вильность конструкціи опрокидывается статьей 2-ой, гдѣ дается перечень „предметовъ вѣдомства“ земскихъ учрежденій, который сенатская практика толкуетъ въ ограничительномъ смыслѣ. Сфера компетенціи земства вслѣдствіе этого не охватываетъ даже всѣхъ дѣлъ полиціи благосостоянія, и всякій разъ, когда жизнь выдвигаетъ какую-нибудь новую задачу, не укладывающуюся въ прокрустово ложе статьи 2-ой, правительство объявляетъ ее выходящей изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій. Дѣятельность земства стѣсняется не только благодаря дуализму въ опредѣленіи сферы его компетенціи, но и благодаря дуализму въ организаціи нашего государственнаго управленія вообще. „Земскія учрежденія не введены въ общую систему нашего государственнаго управленія, а поставлены подлѣ нея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакихъ органическихъ связей съ этой системою... У насъ устроены мѣстныя учрежденія, которымъ предоставлены въ распоряженіе всѣ важнѣйшія отрасли мѣстной администраціи: пути и способы сообщеній, народное здравіе, общественное призрѣніе, мѣста заключенія, начальное народное образованіе и т. д., а между тѣмъ подлѣ этой новой организаціи мѣстной администраціи... осталось дѣйствовать и продолжаетъ развиваться вся прежняя организація той же администраціи, за все отвѣтственная, хотя и имѣющая въ своемъ распоряженіи только полицію“ [1]). Этотъ дуализмъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что одна власть полагается на другую, одна мѣшаетъ другой, вторгаясь въ ея дѣйствія, что возникаютъ постоянныя пререканія о подвѣдомственности,—порядокъ, который былъ осужденъ еще Высоч. учр. въ 1859 г. комиссіей о губерн. и уѣздныхъ учрежденіяхъ. „Опытъ показалъ,—заявила она, — что участіе двухъ различныхъ властей — правительственной и земской — въ управленіи мѣстными хозяйственными дѣлами приноситъ мало полезныхъ результатовъ“ [2]).

Такова компетенція нашего мѣстнаго самоуправленія de jure. De facto дѣятельность сельскаго и волостного самоуправленія суживается вслѣдствіе страшной правительственной опеки, держащей въ своихъ тискахъ все крестьянство, и вслѣдствіе сословнаго характера органовъ сельскаго и волостного самоуправленія,

---

[1]) В. П. Безобразовъ, Земск. учр. и самоуправленіе, 28—40.

[2]) Мат. по земск. общ. устр., т. I, стр. 144.

ограничивающаго ихъ матеріальныя средства. Останавливаясь пока на послѣднемъ изъ двухъ указанныхъ обстоятельствъ, констатируемъ, что мірскіе сборы ложатся на крестьянъ гораздо болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ земскіе, потому что мірскіе расходы падаютъ исключительно на крестьянъ, а земскіе—и на другія сословія. Дѣйствительно, по оффиціальнымъ даннымъ [1]) въ 1899 году на 1 десятину надѣльной земли падало окладныхъ сборовъ по 51 губ. Европ. Россіи:

волостныхъ	11 коп.	40 коп.
сельскихъ	18 „	
страховыхъ	11 „	
земскихъ	22 „	

Тѣмъ не менѣе сельское самоуправленіе удѣляетъ значительную часть своихъ расходовъ на культурныя цѣли, именно въ 1894 году на управленіе (содержаніе личнаго состава, служащихъ, помѣщеній и пр.), почтовую гоньбу и охраненіе общественной безопасности пошло 25% всей суммы расходовъ, а на культурныя цѣли 75%. Напротивъ, волостные расходы располагаются какъ разъ въ обратномъ порядкѣ: на задачи перваго рода идетъ 76%, второго рода — 24%. Слѣдовательно, фактически дѣятельность волости въ сферѣ общественнаго благосостоянія сводится почти къ нулю. Въ виду такой роли волостей и крайней ограниченности средствъ сельскихъ обществъ, всѣ задачи по осуществленію культурныхъ цѣлей самоуправленія падаютъ на земство. Изъ общей суммы расходовъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ 34 губерній падало въ 1901 году на содержаніе правительственныхъ учрежденій, земскаго управленія, устройство и содержаніе мѣстъ заключенія 13,5%, а на остальныя отрасли 86,5%, въ томъ числѣ: на народное образованіе 12,8%, медицину 31,1%, содѣйствіе экономическому благосостоянію населенія и ветеринарію 5,8% [2]).

Ограничиваясь сказаннымъ для характеристики компетенціи органовъ нашего мѣстнаго самоуправленія, остановимся только на одномъ еще вопросѣ, имѣющемъ для насъ спеціальный интересъ. Дѣла, входящія въ составъ компетенціи сельскихъ сходовъ,

---

[1]) Св. свѣд. о поступленіи и взим. каз., земск. и обществ. окл. Сб. за 1895—1899 г., изд. Д. О. Сб.

[2]) Доходы и расходы земствъ по смѣтамъ на 1901 г., изд. Д. О. Сб.

распадаются на двѣ главныя группы: 1) дѣла, связанныя прямо или косвенно съ общественнымъ землевладѣніемъ (поземельныя дѣла) и 2) дѣла общественнаго благоустройства и хозяйства. При этомъ, пріурочивая учрежденіе сельскихъ обществъ, по преимуществу, къ единицамъ поземельнаго устройства, а не къ селамъ и деревнямъ, какъ населеннымъ пунктамъ, законъ связываетъ сельское общественное управленіе съ однимъ изъ двухъ общеній, входящихъ въ составъ сельскаго общества, а именно, съ поземельнымъ. Единица самоуправленія—сельское общество—поэтому не всегда совпадаетъ съ территоріей селенія: весьма часто въ одномъ селеніи считается нѣсколько обществъ или одно общество состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній. Въ первомъ случаѣ селеніе, какъ цѣлое, имѣющее рядъ общихъ интересовъ, не обладаетъ общимъ органомъ для ихъ осуществленія: оно распадается на нѣсколько сельскихъ обществъ съ отдѣльными сходами. Во второмъ случаѣ искусственно соединяются селенія, общественные (не земельные) интересы которыхъ могутъ не быть тождественными, а для осуществленія дѣйствительно общихъ интересовъ каждаго отдѣльнаго селенія нѣтъ соотвѣтствующаго органа. Въ обоихъ случаяхъ страдаютъ интересы благоустройства и благосостоянія деревни. Съ другой стороны, пріурочить сельское управленіе къ территоріальнымъ границамъ селенія представляется неудобнымъ потому, что въ такомъ случаѣ окажутся соединенными въ одно цѣлое поземельныя единицы съ различнымъ качествомъ и количествомъ угодій и даже иногда съ различными формами землевладѣнія, то-есть окажутся искусственно соединенными неодинаковые поземельные интересы. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія является, по мнѣнію губернскихъ совѣщаній, раздѣляемому и г. Страховскимъ, [1]) выдѣленіе изъ состава современнаго сельскаго общества двухъ особыхъ общественныхъ единицъ: поземельной и сельской, при чемъ каждая изъ этихъ единицъ должна имѣть особую независимую организацію, приспособленную къ составу и цѣли этихъ общеній. Первая единица—сельское или деревенское общество—должна состоять изъ имѣющихъ осѣдлость въ одномъ селеніи членовъ мѣстныхъ поземельныхъ общинъ и лицъ разныхъ сословій, постоянно проживающихъ въ селеніи. Вторая единица—поземельная община

---

1) Крест. права и учр., стр. 153.

или товарищество—должна состоять изъ крестьянъ, получившихъ поземельное устройство по одному и тому же акту, владѣнной записи и т. п., или владѣющихъ сообща какими-либо купленными ими или доставшимися имъ инымъ путемъ земельными угодьями.

Приведенная аргументація основана на слѣдующихъ посылкахъ: 1) сельское устройство должно быть пріурочено къ территоріальной единицѣ — селенію; 2) въ настоящее время оно пріурочено къ земельному союзу; 3) границы земельнаго союза не совпадаютъ съ границами селенія, потому что онъ основанъ на способахъ пріобрѣтенія и владѣнія землей, которые весьма часто не одинаковы въ одномъ и томъ же селеніи или тождественны въ разныхъ селеніяхъ. Отсюда видно, что если бы не было разнообразія интересовъ, вытекающихъ изъ разнообразія способовъ пріобрѣтенія и владѣнія землей, то исчезло бы препятствіе къ объединенію земельныхъ союзовъ съ сельскими. Если бы права на землю не зависѣли отъ содержанія выкупныхъ актовъ, владѣнныхъ записей и т. д., если бы они не опредѣлялись въ зависимости отъ того, куплена ли земля товариществомъ, обществомъ или отдѣльными лицами, если бы общинная форма владѣнія не встрѣчалась въ одномъ и томъ же селеніи съ подворнымъ, то земельныя дѣла могли бы быть включены въ общую компетенцію сельскаго союза, основаннаго на территоріальномъ началѣ. Такое именно положеніе будетъ создано соціализаціей земли. Нынѣшнее разнобразіе юридическихъ титуловъ владѣнія землей уступитъ свое мѣсто одному—праву каждаго трудящагося на землю. Землепользованіе приметъ форму уравнительно-трудового. Землею будутъ пользоваться не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, прилагающія къ землѣ собственный трудъ; слѣд., и по личному составу, и по свойству общихъ интересовъ земельный союзъ будетъ совпадать съ территоріальнымъ, а при этихъ условіяхъ нѣтъ основанія разъединять ихъ. Разъ мы отрѣшимся отъ нынѣшнихъ земельныхъ отношеній, то съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ препятствіе къ включенію земельныхъ дѣлъ въ сферу компетенціи сельскаго самоуправленія. По осуществленіи земельной реформы, защитѣ которой посвященъ настоящій сборникъ, сельское самоуправленіе явится въ формѣ территоріальной самоуправляющейся единицы, вѣдающей всѣ дѣла мѣстнаго управленія, не исключая и земельныхъ.

Резюмируя все сказанное относительно компетенціи мѣстнаго самоуправленія de lege ferenda, мы можемъ установить слѣдующіе принципы:

1) Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ обнимать всѣ дѣла государственнаго управленія, поддающіяся мѣстному ограниченію: а) судъ, б) финансы, в) милицію, г) внутреннее управленіе: аа) полицію безопасности и бб) полицію благосостоянія, не исключая и земельныхъ отношеній.

2) Кругъ дѣйствій органовъ мѣстнаго самоуправленія распространяется: сельскаго—на территорію сельскаго округа, волостного—на территорію волости, уѣзднаго—на территорію уѣзда, губернскаго—на территорію губерніи.

3) Взаимоотношеніе высшихъ самоуправляющихся единицъ и низшихъ должно основываться на правилѣ, что каждая высшая единица вѣдаетъ дѣла, касающіяся интресовъ двухъ и болѣе непосредственно низшихъ единицъ или превышающія силы этихъ послѣднихъ.

4) Конструкція компетенціи органовъ самоуправленія должна быть выражена въ общихъ терминахъ, но никакъ не въ видѣ исчерпывающаго перечня предметовъ вѣдомства.

Организація самоуправленія.

I.

Для осуществленія задачъ самоуправленія необходима система органовъ, производящихъ тѣ или другія дѣйствія. Органы эти двоякаго рода: 1) распорядительные и 2) исполнительные. Первые могутъ имѣть форму либо народнаго собранія (вѣче), въ которомъ населеніе само непосредственно рѣшаетъ дѣла, либо народнаго представительства, состоящаго изъ лицъ, избранныхъ населеніемъ. Вторые могутъ состоять изъ одного лица или нѣсколькихъ, могутъ или назначаться государственной властью, или избираться распорядительнымъ органомъ.

Обращаясь къ устройству распорядительнаго органа, укажемъ прежде всего, что вѣчевая форма его мыслима лишь при незначительности территоріи самоуправляющейся единицы. Она встрѣчается поэтому только въ сельскихъ общинахъ съ небольшимъ числомъ населенія. Въ восточной Пруссіи сельскіе сходы, состоящіе изъ всѣхъ общинниковъ, допускаются въ общинахъ, гдѣ чи-

сло членовъ, обладающихъ правомъ голоса, не превышаетъ 40 человѣкъ.[1]) Въ Англіи parish meetings существуютъ въ приходахъ съ населеніемъ меньше 300 человѣкъ [2]). У насъ законъ знаетъ только сельскіе сходы, несмотря на то, что иные сельскія общества состоятъ изъ многихъ тысячъ домохозяевъ. Затрудненія, связанныя съ созывомъ многолюдныхъ сходовъ и рѣшеніемъ на нихъ сложныхъ вопросовъ, приводятъ къ тому, что фактически всѣ дѣла находятся въ рукахъ сельскихъ управленій. Поэтому въ сколько-нибудь значительныхъ самоуправляющихся единицахъ вѣчевая организація распорядительнаго органа должна быть замѣнена представительной, что и имѣетъ мѣсто во всѣхъ иностранныхъ государствахъ. Вопросъ о правѣ участія въ дѣлахъ самоуправленія сводится, такимъ образомъ, при вѣчевомъ строѣ къ праву участія въ общихъ сходахъ, при представительномъ—къ активному и пассивному избирательному праву. Дѣйствующее право представляетъ въ этомъ отношеніи большое разнообразіе, которое можно однако свести къ тремъ началамъ: 1) принадлежность къ тому или другому сословію, 2) владѣніе недвижимымъ имуществомъ, 3) уплата налоговъ въ извѣстномъ размѣрѣ, 4) образовательный цензъ и 5) жительство въ предѣлахъ самоуправляющейся единицы. На сословномъ принципѣ нѣтъ надобности останавливаться. Въ настоящее время онъ не примѣняется нигдѣ, кромѣ Россіи, но и у насъ онъ имѣетъ сторонниковъ развѣ въ средѣ заклятыхъ реакціонеровъ; притомъ водвореніе гражданскаго равенства и у насъ не за горами, и тогда дѣленіе обывателей на сословія отойдетъ въ исторію. Что касается владѣнія недвижимымъ имуществомъ, то это условіе заключается въ требованіи имущественнаго ценза, выражающагося въ опредѣленномъ количествѣ земли или опредѣленной цѣнности имущества. По осуществленіи соціализаціи земли вопросъ о размѣрѣ земельнаго ценза отпадаетъ: земля будетъ распредѣлена между трудящимися въ мѣру потребительной нормы. Но все же и тогда будутъ лица, имѣющія землю, и лица, ея не имѣющія, а владѣніе инымъ недвижимымъ имуществомъ останется столь же разнообразнымъ, какъ теперь. Мыслимо поэтому организовать мѣстное самоуправленіе такъ, чтобы право участья въ

---

[1]) Schoen, 174.
[2]) Bombe, 214.

дѣлахъ его принадлежало лишь лицамъ, имѣющимъ землю безъ различія размѣровъ и другое недвижимое имущество опредѣленнаго размѣра или тоже безъ различія размѣровъ. Допустимъ ли имущественный цензъ въ мѣстномъ самоуправленіи? Сторонники его говорятъ, что интересы мѣстнаго благоустройства и благосостоянія безразличны для лицъ, не владѣющихъ недвижимыми имуществами. Такъ ли это? Удовлетворительное состояніе дорогъ, — писали мы въ другомъ мѣстѣ, [1]) — развитіе народнаго образованія, медицинское дѣло, — все это въ одинаковой степени важно для всѣхъ обитателей данной мѣстности, они соединены тысячью нитей съ общими условіями мѣстности, и то или иное состояніе ея благоустройства и благосостоянія неминуемо отражается на ихъ интересахъ. Разовьется ли эпидемія вслѣдствіе несвоевременнаго принятія санитарныхъ мѣръ, ощущается ли недостатокъ въ школахъ, оказываются ли непроѣздными пути сообщенія, возникаетъ ли „недородъ“ со всѣми его послѣдствіями — мѣстный обыватель, будь онъ адвокатъ, врачъ, купецъ, рабочій, все это чувствуетъ на собственныхъ плечахъ: эпидемія можетъ вырвать члена изъ его собственной семьи; „недородъ“ сокращаетъ контингентъ платежеспособныхъ элементовъ; непроѣздныя дороги прекращаютъ сообщеніе съ мѣстными рынками и пр. и пр. Можно сказать, что неимущіе элементы заинтересованы въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства и благосостоянія даже больше имущихъ. „Если кто-либо изъ нихъ, справедливо говоритъ А. А. Головачовъ, будетъ нуждаться въ медицинскомъ пособіи, то, конечно, не воспользуется ни земской больницей, ни совѣтомъ земскаго врача безплатно, не пошлетъ онъ также и дѣтей своихъ въ земскую школу“. [2]) Поэтому, если исходить изъ соображенія о степени заинтересованности въ осуществленіи задачъ мѣстнаго благоустройства и благосостоянія, то логика требовала бы устраненія отъ участія въ земскихъ дѣлахъ именно имущихъ классовъ, но никакъ не неимущихъ.

Сторонники имущественнаго принципа ссылаются еще на знаніе мѣстныхъ условій, необходимое для земскихъ дѣятелей, и увѣряютъ, что владѣльцы недвижимыхъ имуществъ лучше всего знакомы съ нуждами и пользами мѣстности. Этотъ доводъ тоже не выдержи-

---

1) „Рус. Мысль“, 1905, X, 76.

2) Десять лѣтъ реформъ, стр. 206.

ваетъ критики. Напротивъ, знаніе мѣстныхъ нуждъ, это главное условіе правильной земской дѣятельности, опредѣляется, по справедливому мнѣнію саратовской редакціонной комиссіи, [1]) не владѣніемъ имуществомъ, а близкимъ соприкосновеніемъ къ мѣстному населенію и его интересамъ. Единственно надежнымъ признакомъ знакомства съ мѣстными нуждами является осѣдлость, проживаніе въ данной мѣстности въ теченіе того или другого промежутка времени. Мѣстнымъ обывателямъ, независимо отъ того, владѣютъ ли они недвижимымъ имуществомъ или нѣтъ, близки мѣстные интересы, они же имѣютъ и больше всего шансовъ и возможности познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ нуждъ „своей округи".

Неправильно также связывать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія съ платежемъ налоговъ. Сторонники податного ценза исходятъ изъ того мнѣнія, что плательщики непосредственно заинтересованы въ экономическомъ веденіи хозяйства и не допустятъ непроизводительныхъ расходовъ. Допуская справедливость этого аргумента, необходимо имѣть въ виду и оборотную сторону медали. Плательщикъ, отстаивая свои индивидуальные интересы, можетъ экономничать въ расходахъ съ ущербомъ для общаго дѣла. Будучи единственными господами положенія, плательщики могутъ сдѣлать „бережливость" исключительнымъ мотивомъ своей дѣятельности, нанося этимъ непоправимый вредъ населенію. Противовѣсомъ противъ подобныхъ тенденцій можетъ служить участіе въ дѣлахъ неплательщиковъ, которые будутъ руководиться исключительно соображеніями общаго блага. Эта комбинація является гарантіей противъ вредной „бережливости" однихъ и излишней расточительности другихъ.

„Для осуществленія задачъ мѣстнаго самоуправленія,—говорятъ другіе,—недостаточно знакомства съ мѣстными пользами и нуждами; для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, необходимая, чтобы оріентироваться въ многосложныхъ требованіяхъ жизни, стоять на стражѣ культуры. Поэтому участіе въ мѣстномъ самоуправленіи должно быть обусловлено образовательнымъ цензомъ". Но и эта точка зрѣнія не имѣетъ абсолютнаго значенія. Земская практика показала, что крестьяне, для которыхъ блага образованія до сихъ поръ весьма малодоступны, умѣютъ какъ

[1]) XXXVIII губ. очер. земск. собр.

нельзя лучше усваивать культурныя требованія и проводить ихъ въ жизнь.

Въ „крестьянскихъ“ губерніяхъ, каковы Вятская, Пермская и др., земское хозяйство поставлено на такую высоту, о которой и не мечтаютъ губерніи съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія, которое считаютъ носительницею высокой культуры. Слѣдующая табличка иллюстрируетъ культурную дѣятельность „темныхъ“ крестьянъ въ земскомъ дѣлѣ. Крестьянскія губерніи сравнительно со всѣми 34 губерніями земской Россіи расходуютъ копѣекъ на 1 человѣка въ среднемъ по даннымъ 1900 года: (С. С. Закъ, крестьянинъ и земство. Вѣстн. Таврич. Земства, 1904 г., № 21)

	Всѣ земства.	Крестьянскія губерніи.
Земское управленіе.....	13,5	11,6
Дорожная повинность....	15,3	15,1
Ветеринарія	2,8	2,1
Медицина.....	37,9	38,6
Призрѣніе	2,4	2,3
Народное образованіе....	24,0	34,9
Экономич. мѣропр.....	3,6	6,4
Всѣ расходы...	137,4	149,5

То-есть, экономизируя на земскомъ управленіи, дорожной повинности, ветеринаріи и общественномъ призрѣніи, „крестьянскія земства широко раскрываютъ свои карманы для медицины, народнаго образованія и экономическихъ мѣропріятій, особенно для послѣднихъ двухъ потребностей, относительно которыхъ онѣ достигли поразительныхъ результатовъ“.

Если для установленія права участія въ мѣстномъ самоуправленіи необходимо руководствоваться степенью заинтересованности въ мѣстныхъ дѣлахъ и знакомствомъ съ мѣстными „пользами и нуждами“, то этимъ двумъ условіямъ удовлетворяетъ критерій осѣдлости. Кто живетъ въ предѣлахъ данной самоуправляющейся единицы болѣе или менѣе продолжительный срокъ, тотъ заинтересованъ въ ея благоустройствѣ и обладаетъ достаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями. Какой же срокъ необходимъ для этого? Одинъ годъ требуется въ Пруссіи [1]) и Да-

1) Schoen, 168.

ніи, 2 года въ Норвегіи, 6—12 мѣсяцевъ въ Англіи [1]), 6 мѣсяцевъ во Франціи [2]) и Италіи, 3 мѣсяца въ Швейцаріи, наконецъ, 10 лѣтъ въ Австріи [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что трехмѣсячная осѣдлость вполнѣ достаточна для предоставленія избирательнаго права.

Необходимо остановиться нѣсколько на правахъ женщинъ. Во многихъ государствахъ, гдѣ избирательное право въ мѣстномъ самоуправленіи предоставляется весьма широкимъ слоямъ населенія, оно однако не распространяется на женщинъ. Таковы Франція, Италія, сѣверъ Соединен. Штатовъ Сѣверной Америки. Въ другихъ мѣстахъ женщинамъ предоставляется участвовать въ выборахъ черезъ своихъ уполномоченныхъ: Пруссія въ окружныхъ выборахъ и Австрія. Активнымъ избирательнымъ правомъ женщины пользуются: въ Пруссіи незамужнія (въ общинахъ — условно), въ Англіи (въ графствахъ незамужнія), въ нѣкоторыхъ западныхъ штатахъ Сѣв. Америки, въ Даніи (незамужнія) и Швеціи. Активное и пассивное право предоставлено женщинамъ въ приходахъ Англіи и Норвегіи. Что касается Россіи, то участіе женщинъ на сельскихъ сходахъ съ правомъ голоса наравнѣ съ мужчинами допускается по разъясненію сената (рѣш. 13 VI 1878 г. № 4757 и 10 I 1890 г. № 22) и закономъ. Относительно пассивнаго избирательнаго права женщинъ нѣтъ указаній въ сенатской практикѣ, но въ дѣйствительности встрѣчаются случаи отправленія женщинами выборныхъ крестьянскихъ должностей. Въ земскихъ выборахъ права женщины сильно ограничены, при чемъ ограниченіе это проводится въ трехъ направленіяхъ: 1) женщины не могутъ лично участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ; 2) онѣ могутъ уполномочивать вмѣсто себя только ближайшихъ родственниковъ и 3) женщины, владѣющія неполнымъ цензомъ, лишены права на участіе въ избирательныхъ съѣздахъ и черезъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь женщина играетъ роль несовершеннолѣтней, съ той только разницей, что женщина сама можетъ избрать довѣреннаго, и получается слѣдующая странная комбинація: лицо пользуется всѣми гражданскими правами, правомъ распоряженія своимъ иму-

---

[1]) Пифферунъ, Европ. избир. системы, 273, 282.
[2]) Loi sur l'Organisation municipale, ст. 14.
[3]) Пифферунъ, 250, 316, 174.

ществомъ, но по вопросамъ, которые касаются хозяйственныхъ тратъ изъ этого имущества на пользу мѣстнаго самоуправленія, это полноправное лицо не въ состояніи говорить само, а должно заставлять говорить своего уполномоченнаго [1]). Это тѣмъ болѣе странно, что по нашему законодательству лица женскаго пола наравнѣ съ мужчинами могутъ быть членами общихъ собраній и правленій торгово-промышленныхъ товариществъ и благотворительныхъ обществъ, и что законъ не устраняетъ ихъ даже отъ участія въ сельскихъ сходахъ, которые являются общественными собраніями, надѣленными извѣстной административно-хозяйственной властью [2]). Не менѣе безосновательнымъ является лишеніе женщины права быть избираемой въ гласные. Женщины и теперь по нѣкоторымъ отраслямъ являются въ качествѣ завѣдующихъ весьма сложными отраслями мѣстной администраціи. Достаточно сказать о женской врачебной или акушерской помощи, о завѣдываніи различными пріютами и другими благотворительными заведеніями, которые часто всецѣло лежатъ на женщинахъ. Подобное непосредственное завѣдываніе цѣлымъ заведеніемъ служитъ самымъ большимъ подрывомъ того взгляда, что женщины не въ состояніи быть избираемыми въ должности по мѣстному управленію [3]). Вся исторія женскаго вопроса въ Россіи служитъ яркимъ доказательствомъ нелѣпости устраненія женщины отъ непосредственнаго участія въ земскихъ дѣлахъ.

Практическія соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что организація мѣстнаго самоуправленія должна быть основана на принципѣ осѣдлости, то-есть на началахъ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола—заключенію, совпадающему съ теоретическими принципами, приведенными въ первой главѣ нашей статьи. Съ точки зрѣнія соціализаціи земли всеобщность избирательнаго права является необходимымъ постулатомъ провозглашенія права на землю. Всякій трудящійся, безъ различія соціальнаго положенія и пола, имѣетъ право на землю. Послѣдняя является достояніемъ всѣхъ и каждаго: если кто-либо въ данный моментъ фактически не пользуется своимъ правомъ,

---

1) Свѣшниковъ, Основы самоуправленія, ч. II, 154.
2) Докл. ком. Моск. губ. Земск. собр. 1903 г., стр. 12.
3) Свѣшниковъ, 155.

то онъ все же имѣетъ его de jure; не менѣе всякаго другого онъ заинтересованъ въ правильномъ завѣдываніи этимъ всеобщимъ благомъ, потому что всякій дефектъ въ этой области посягаетъ на его потенціальное право. Если какіе-либо общественные элементы будутъ лишены активнаго участія въ тѣхъ органахъ, которые завѣдуютъ соціализированной землей, то могутъ пострадать ихъ права. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда будетъ уже не самоуправленіе, а управленіе однѣхъ группъ населенія другими. Въ то же время организація низшей самоуправляющейся единицы на началахъ всеобщаго избирательнаго права отдаетъ главнѣйшія функціи по завѣдыванію соціализированной землей тѣмъ самымъ трудящимся массамъ, въ пользу которыхъ предпринимается земельная реформа. Въ сельскихъ округахъ большинство голосовъ будетъ принадлежать всегда тѣмъ, кто ведетъ трудовое земледѣльческое хозяйство, и голосъ сельской буржуазіи (кулаковъ, ростовщиковъ, скупщиковъ и т. п.) сведется къ минимуму.

Однако всеобщее избирательное право существуетъ въ настоящее время въ мѣстномъ самоуправленіи только немногихъ государствъ; таковы Бельгія, Франція, Испанія, Норвегія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Податной цензъ требуется въ Баваріи, Вюртембергѣ, Австріи, Даніи. Смѣшанный имущественно-податной цензъ примѣняется въ Швеціи, Пруссіи и Англіи; въ Италіи право голоса обусловливается имущественно-образовательно-податнымъ цензомъ. Что касается Россіи, то, согласно ст. 57 Общ. пол. крест., право участія въ сельскихъ сходахъ имѣютъ крестьяне-домохозяева. Подъ домохозяевами разумѣются не только пользующіеся полевымъ земельнымъ надѣломъ, но и имѣющіе въ обществѣ усадебную осѣдлость; крестьяне же безземельные, не имѣющіе вовсе хозяйствъ и усадебъ, не считаются домохозяевами (указъ сената 23 марта 1883 г., № 5337). Слѣдовательно, участіе въ сельскихъ сходахъ обусловливается сословно-имущественнымъ цензомъ. Земскіе выборы построены на началахъ имущественнаго ценза: избирательное право имѣетъ лишь тотъ, кто владѣетъ землей опредѣленнаго размѣра или инымъ недвижимымъ имуществомъ опредѣленной цѣнности. Такимъ образомъ, у насъ право участія въ мѣстномъ самоуправленіи основывается на сословно-имущественномъ началѣ, отвергнутомъ наукою и покинутомъ всѣми иностранными государствами.

II.

Каковы бы ни были условія избирательнаго права,—основано ли оно на началахъ всеобщаго голосованія или на имущественномъ принципѣ,—избиратели болѣе крупныхъ самоуправляющихся единицъ не могутъ быть соединены въ одно избирательное собраніе для выбора гласныхъ, какъ выражаются составители Положенія 1864 г., „уже по условіямъ пространства и численности населенія нашихъ уѣздовъ“ [1]). Самая техника выборовъ натолкнулась бы на непреодолимыя препятствія: подсчетъ голосовъ представлялъ бы огромныя затрудненія, а большинство избирателей не знало бы лично достаточнаго числа кандидатовъ для замѣщенія всѣхъ мѣстъ [2]). Поэтому приходится дѣлить избирателей на группы, разбивать ихъ на нѣсколько избирательныхъ коллегій.

Но какимъ признакомъ слѣдуетъ руководствоваться при раздѣленіи избирателей на такія группы? Способъ разрѣшенія этого вопроса дѣйствующимъ правомъ сводится къ двумъ системамъ: классной (поразрядной, формальной) и территоріальной. Въ первомъ случаѣ избиратели дѣлятся на нѣсколько разрядовъ на основаніи какого-либо внѣшняго признака: сословія, величины, цѣнности или рода имущества, количества выплачиваемыхъ налоговъ и пр., и каждый разрядъ, образуя особую коллегію, избираетъ опредѣленное число представителей. Сторонники классной системы стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что мѣстное представительство должно быть представительствомъ групповыхъ интересовъ: земледѣльцы должны имѣть своихъ представителей, промышленники своихъ и т. д. Въ противномъ случаѣ дѣла самоуправленія окажутся въ рукахъ одной какой-либо группы, обладающей большинствомъ голосовъ, и интересы другихъ группъ не будутъ имѣть заступниковъ. Однако, если даже допустить, что въ мѣстномъ самоуправленіи должны быть представлены отдѣльные групповые интересы, то едва ли это достигается существующимъ дѣленіемъ избирателей на разряды. Въ основаніе дѣленія обыкновенно кладется какой-либо внѣшній признакъ, допустимъ, землевладѣніе. Можно ли утверждать, что у всѣхъ лицъ,

---

1) Мат. по земск. общ. устр., т. I, стр. 150.

2) Эсменъ, конституц. право, стр. 149.

владѣющихъ землей, одинаковые интересы? Далеко нѣтъ. Землевладѣльческій классъ самъ раскололся на группы адвокатовъ, врачей, педагоговъ и т. п. и интересы этихъ группъ оказываютъ на ихъ представителей гораздо большее давленіе, чѣмъ интересы землевладѣнія, такъ какъ экономической основой ихъ жизни служитъ не земля, а свободная профессія. Врачъ-землевладѣлецъ гораздо ближе къ врачу-пролетарію, чѣмъ къ помѣщику, занимающемуся разведеніемъ симентальской породы скота; съ первымъ его сближаютъ общіе интересы профессіи, съ которыми стоятъ въ связи и умственные интересы по данной спеціальности, и корпоративные интересы. Точно также у крестьянина, владѣющаго 5 десятинами земли и вынужденнаго прибѣгать къ подсобнымъ заработкамъ, гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ батракомъ или фабричнымъ рабочимъ, чѣмъ съ „богатѣемъ“, ведущимъ хозяйство на 100 десятинахъ; такъ, напр., для перваго существенными являются низкія цѣны на хлѣбъ, и всякія мѣропріятія земства, способствующія удешевленію зерновыхъ продуктовъ, будутъ для него столь же благодѣтельны, какъ и для фабричнаго рабочаго, тогда какъ „богатѣй“, продающій большую часть продуктовъ земледѣлія на сторону, будетъ всѣми силами противиться пониженію хлѣбныхъ цѣнъ. Общественное разслоеніе вездѣ настолько велико, что среди самихъ имущественныхъ владѣльцевъ проявилось различіе интересовъ, основанное, во-первыхъ, на различіи занятій, профессій и, во-вторыхъ, на отношеніяхъ господства и зависимости. Поэтому, если мѣстное представительство должно быть представительствомъ групповыхъ интересовъ, то дѣленіе избирателей должно основываться на различіи соціальныхъ классовъ. Но возможно ли на практикѣ установить съ полной точностью и по всѣмъ требованіямъ справедливости все разнообразіе соціальныхъ интересовъ и затѣмъ разбить ихъ на группы по признакамъ сходства и различія? Общественная наука въ настоящее время лишена возможности это сдѣлать и всякія попытки въ этомъ направленіи поведутъ, во-первыхъ, къ крайне неудобному на практикѣ обилію группъ и, во-вторыхъ, къ полному смѣшенію разнородныхъ интересовъ. На практикѣ классная система вовсе не осуществляетъ равномѣрнаго представительства разнородныхъ интересовъ, а, напротивъ, служитъ исключительно для предоставленія имущимъ классамъ привилегированнаго положенія. Это достигается тѣмъ, что ма-

лочисленному разряду избирателей, обладающихъ болѣе высокимъ цензомъ, дается столько же представителей, сколько многочисленному разряду избирателей, имѣющихъ низшій цензъ. Въ высшемъ разрядѣ могутъ оказаться 10 — 15 избирателей, которые выберутъ столько же выборныхъ, сколько 1000—1500 избирателей низшаго разряда. Такимъ именно путемъ у насъ отдали все земское самоуправленіе въ руки дворянъ, а въ Пруссіи — въ руки земельно-промышленной буржуазіи. Очень хорошую характеристику классной системы даютъ наши земскіе дѣятели, основываясь на богатомъ опытѣ Земск. Полож. 1864 г. «При чрезвычайномъ разнообразіи профессій и общественныхъ положеній,—говоритъ В. Ю. Скалонъ [1]),—при отсутствіи общихъ интересовъ между избирателями, встрѣчающимися между собою не болѣе одного раза въ теченіе трехъ лѣтъ, едва ли могутъ установиться какія-либо связи и выработаться почва для соглашенія; здѣсь возможно только образованіе случайныхъ группъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, но способныхъ войти въ столкновеніе, которое можетъ только вредно вліять на выборы. При такихъ условіяхъ представляется широкая возможность для небольшихъ, но сплоченныхъ группъ, захватить управленіе въ свои руки; для этого нужно только привлечь на выборахъ нѣсколько равнодушныхъ избирателей и заручиться нѣсколькими довѣренностями. Легко можетъ случиться, что весьма крупные и существенные интересы останутся непредставленными въ вышедшемъ изъ такихъ случайныхъ выборовъ земскомъ собраніи и рискуютъ не получить законнаго удовлетворенія". Люди, которымъ дороги общіе интересы и присутствіе которыхъ всего желательнѣе въ земскихъ собраніяхъ, всего менѣе имѣютъ шансовъ попасть въ гласные [2]). И вотъ въ результатѣ потребности массы остаются неудовлетворенными, распредѣленіе земскихъ повинностей совершается не равномѣрно, съ облегченіемъ однихъ классовъ и обремененіемъ другихъ,—все это составляетъ обыденныя явленія [3]). Искусственная, произвольная группировка избирателей и случайный составъ избирательныхъ коллегій—вотъ основные недостатки классной системы выборовъ.

---

1) Земскіе взгляды на реформу мѣстн. самоуправленія, 202.
2) А. Головачевъ, Десять лѣтъ реформъ, 202.
3) Скалонъ, Земскіе вопросы, 51—52.

Эти недостатки могутъ быть устранены системой территоріальной, при которой избирательныя коллегіи составляются изъ всѣхъ избирателей опредѣленной территоріальной единицы (избирательнаго округа). Никакой искусственной подтасовки избирателей здѣсь нѣтъ: принадлежность къ тому или другому избирательному округу опредѣляется просто мѣстожительствомъ. Такъ какъ избирательные округи обыкновенно бываютъ не велики, то избиратели хорошо знаютъ другъ друга и отношеніе ихъ къ выставляемымъ кандидатамъ можетъ быть вполнѣ сознательно. Въ основу дѣленія на избирательные округи кладется число населенія, одинаковое для всѣхъ округовъ; выборы рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ вотирующихъ. При такой системѣ большинство можетъ слагаться изъ представителей разныхъ общественныхъ группъ, разъ у нихъ оказались общіе интересы. Если округу присущи общіе интересы, независимо отъ сословій, состояній и профессій обывателей, то послѣдніе легко могутъ прійти къ соглашенію относительно выбора такихъ лицъ, которыя дѣйствительно будутъ защищать общіе интересы, между тѣмъ какъ при поразрядной системѣ избиратели одного округа оказываются разъединенными и въ каждой коллегіи они могутъ оставаться въ меньшинствѣ. При послѣдней системѣ общіе интересы даннаго округа не могутъ получить конкретнаго выраженія. Если же округъ не имѣетъ общихъ интересовъ, если послѣдніе раскалываются на отдѣльные интересы общественныхъ группъ, то преобладаніе получитъ наибольшая группа, то-есть верхъ одержатъ господствующіе интересы. Конечно, о б щ а я воля даннаго округа при этомъ отождествляется съ волей б о л ь ш и н с т в а, но при всякой подачѣ голосовъ выраженіемъ общей воли по необходимости должно считаться большинство голосовъ. Это происходитъ отъ того, что „законъ большинства есть одна изъ тѣхъ простыхъ идей, которыя заставляютъ себя принять сразу; онъ представляетъ ту черту, что напередъ онъ никому въ частности не благопріятствуетъ и ставитъ всѣхъ вотирующихъ въ одинаковое положеніе“ [1]). Такимъ образомъ, польза территоріальной системы двоякая: во-первыхъ, постоянство избирательнаго округа, что служитъ ручательствомъ знанія избирателями другъ друга, слѣд., ручательствомъ большей сознательности въ

[1]) Э с м э н ъ, 148.

избраніи, и, во-вторыхъ, болѣе дѣйствительное представительство мѣстности, какъ въ смыслѣ защиты ея интересовъ, такъ и въ смыслѣ выраженія мнѣній и настроенія этой мѣстности [1]).

Необходимо привести еще одно соображеніе въ пользу территоріальной системы выборовъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Функціи мѣстныхъ органовъ тѣснымъ образомъ связаны съ отдѣльными частями мѣстности; каждый районъ имѣетъ свои особенности и свои интересы, и если въ управленіи дѣлами будутъ участвовать представители не отъ всѣхъ районовъ, то при рѣшеніи вопросовъ могутъ быть нарушены интересы не представленныхъ мѣстностей. При территоріальной системѣ каждый избирательный участокъ или округъ можетъ послать своего представителя; при классной представители избираются коллегіей, независимо отъ того, къ какому району принадлежитъ данный кандидатъ; при такихъ условіяхъ одинъ районъ можетъ имѣть нѣсколько представителей, а другой—ни одного, все зависитъ отъ случая.

Однако и территоріальная система имѣетъ крупный недостатокъ: такъ какъ выборы происходятъ по большинству голосовъ, то меньшинство лишается возможности имѣть своихъ представителей. Можно представить себѣ такой случай, когда изъ 500 избирателей 251 подаютъ свои голоса за одного кандидата и 249 за другого; если эти 251 голосъ соединяютъ въ себѣ интересы буржуазіи, а 249—трудового класса, то получится крайне одностороннее представительство интересовъ. Можетъ быть и такъ, что извѣстная категорія интересовъ соединяетъ въ каждомъ округѣ въ отдѣльности слишкомъ мало голосовъ, чтобы провести своего кандидата, но во всемъ уѣздѣ численность этой партіи весьма значительна. При территоріальной системѣ такая партія не будетъ имѣть въ земскомъ собраніи своихъ представителей. Болѣе дѣйствительная защита интересовъ меньшинства можетъ быть достигнута системой пропорціональныхъ выборовъ, при которой и мельчайшія группы могутъ имѣть своихъ представителей. Эта система основывается на томъ главномъ принципѣ, что для избранія гласнаго не требуется абсолютнаго большинства голосовъ, а достаточно относительнаго. Если избирателей имѣется 500 человѣкъ, и имъ предстоитъ избрать 20 гласныхъ, то-есть на одного гласнаго приходится 25 человѣкъ избирателей [2]), то

[1]) Свѣшниковъ, ч. II, стр. 149.

[2]) Это число называется избирательнымъ знаменателемъ.

такая группа въ 25 человѣкъ при пропорціональной системѣ можетъ уже провести своего кандидата. При пропорціональной системѣ всякая группа, насчитывающая число голосующихъ, равное избирательному знаменателю, можетъ дать своего представителя, а если группа такъ мала, что не въ состояніи набрать и такого числа голосовъ, то она не можетъ претендовать и на участіе въ управленіи мѣстными дѣлами.

Пропорціональная система выборовъ въ мѣстномъ самоуправленіи примѣняется въ Бельгіи, Испаніи, Италіи, Норвегіи. Классная система дѣйствуетъ въ Австріи, Даніи, Пруссіи. Что касается Россіи, то въ волостяхъ примѣняется территоріальная система (каждое сельское общество посылаетъ на волостной сходъ выборныхъ по разсчету одного человѣка на каждые 10 домохозяевъ), а въ земствѣ классная, дающая преобладаніе дворянству и крупному землевладѣнію: по даннымъ хозяйственнаго департамента[1]) въ 1898 году числилось земскихъ избирателей:

	полнымъ	дробнымъ
съ земельнымъ цензомъ . . .	29,795	32,712
„ имущественнымъ.	23.83	15,078

то-есть, число земельныхъ избирателей превышаетъ не земельныхъ въ $3^1/_2$ раза. Въ частности, среди землевладѣльцевъ преобладаютъ имѣющіе больше двухъ цензовъ, именно съ 1—2 цензами насчитывается 42,2%; съ 2-мя и болѣе 57,8%. Затѣмъ по сословіямъ избиратели (кромѣ сельскихъ обществъ) распредѣлялись такъ:

ИЗБИРАТЕЛИ.	Имѣли право участія въ выборахъ.			Дѣйствительно участвовали въ выборахъ.
	Полн. цензъ.	Дробный цензъ.	ВСЕГО.	
Дворяне . . .	20067	12363	32430	8667
Не-дворяне. . .	11187	32812	43999	5866

То-есть, хотя общее число избирателей у дворянъ меньше, чѣмъ у не-дворянъ, однако полныхъ цензовъ у первыхъ больше,

[1]) Сводъ свѣд. о земск. дох. расх. за 1899 г.

что и даетъ имъ перевѣсъ. Фактически же участвуетъ въ выборахъ дворянъ больше, чѣмъ не-дворянъ, что объясняется ничтожностью предоставленнаго послѣднимъ вліянія на земскія дѣла (незначительное число).

Въ результатѣ получается слѣдующее распредѣленіе гласныхъ:

Гласныхъ числилось:

Дворянъ	4821	= 51,4%
Не-дворянъ.	1669	= 17,8%
Крестьянъ	2885	= 30,8%
	9375	= 100%

То-есть гласные-дворяне преобладаютъ не только надъ каждой изъ остальныхъ двухъ группъ, но и надъ обѣими вмѣстѣ. Между тѣмъ по численности своей сословія распредѣляются какъ разъ въ обратномъ порядкѣ (по Янсону):

Дворянъ	1,2%
Не-дворянъ.	17,0%
Сельск. сословій.	81,5%

Классная система выборовъ является замаскированной формой устраненія принципа равенства въ избирательномъ правѣ. Хотя каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ, но въ выборной процедурѣ его голосъ либо обращается въ дробь, либо увеличивается въ нѣсколько разъ. Болѣе откровеннымъ путемъ этотъ же результатъ достигается посредствомъ множественныхъ вотумовъ, когда обладаніе какимъ-либо признакомъ (имущество, налоги, образованіе) даетъ избирателю право больше, чѣмъ на одинъ голосъ. Этотъ способъ предоставленія особыхъ привилегій въ мѣстномъ самоуправленіи извѣстному классу населенія практикуется въ Баваріи (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), Бельгіи, Швеціи. Едва ли стоитъ останавливаться на томъ, что система выборовъ должна быть основана на принципѣ равенства, хотя бы потому, что „въ силу національнаго суверенитета всѣ граждане-избиратели абсолютно равны между собою, обязательно обладаютъ одинаковыми правами и одинаковыми свойствами“ [1]). Устраненіе тѣмъ или другимъ способомъ равнаго избирательнаго права въ мѣстномъ самоуправленіи могло бы, при соціализаціи земли, отдать главнѣйшія функціи по распоряженію землею не

---

[1]) Эсмэнъ, 150.

трудящейся массѣ, а незначительной группѣ сельской буржуазіи, которая воспользовалась бы своими полномочіями далеко не въ интересахъ населенія.

III.

Существуютъ, какъ извѣстно, два способа избранія представителей: 1) путемъ прямыхъ выборовъ когда избиратели непосредственно, безъ всякихъ промежуточныхъ инстанцій, выбираютъ своихъ представителей и 2) путемъ косвенныхъ выборовъ, когда избиратели выбираютъ только выборщиковъ, а эти послѣдніе непосредственно выбираютъ представителей. Въ мѣстномъ самоуправленіи часто примѣняются оба способа: первый—къ низшей самоуправляющейся единицѣ (коммунѣ), второй—къ высшимъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ выборщиками являются большею частью члены коммунальнаго совѣта. Въ чистомъ видѣ система косвенныхъ выборовъ существуетъ у насъ въ Россіи: губернскіе земскіе гласные избираются уѣздными гласными, а не избирателями непосредственно. Къ избранію уѣздныхъ земскихъ гласныхъ косвенные выборы примѣняются по отношенію къ крестьянамъ, изъ числа которыхъ гласные избираются волостными сходами, и къ мелкимъ цензовикамъ, которые не могутъ участвовать лично въ избирательныхъ собраніяхъ, а должны выбрать для этого уполномоченныхъ. Въ Пруссіи косвенная система выборовъ примѣняется къ провинціальному собранію: оно составляется изъ лицъ, избранныхъ окружнымъ собраніемъ. Послѣднее же образуется смѣшаннымъ способомъ: крупные землевладѣльцы и промышленники участвуютъ въ выборахъ лично, а остальные члены окружнаго собранія выбираются путемъ двухстепенныхъ выборовъ въ городахъ и трехстепенныхъ въ деревняхъ. Смѣшанная система существуетъ также въ Швеціи и Даніи; для выборовъ въ окружные совѣты въ Англіи, Франціи, Италіи примѣняются прямые выборы.

На сравнительной оцѣнкѣ прямыхъ и косвенныхъ выборовъ мы не будемъ долго останавливаться. Къ мѣстному самоуправленію примѣнимы тѣ же возраженія противъ степенныхъ выборовъ, которыя пользуются общимъ признаніемъ въ отношеніи политическихъ выборовъ. Напомнимъ только слова бар. Корфа, сказанныя имъ при обсужденіи проекта земск. пол. 1864 года: „противъ двойного избирательства, — говоритъ онъ — не без-

основательно возражаютъ, что, ставя между настоящими избирателями и окончательно назначаемыми въ нихъ представителями искусственную степень, оно тѣмъ самымъ дѣлаетъ сихъ послѣднихъ не совсѣмъ уже вѣрнымъ выраженіемъ желаній и образа мыслей послѣднихъ“ [1]). Въ частности, противъ той формы косвенныхъ выборовъ, когда выборщики всей самоуправляющейся единицы составляютъ одну коллегію, можно привести то же возраженіе, которое мы привели выше противъ классной системы вообще. У насъ, напр., губернскіе земскіе гласные избираются на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. При такомъ порядкѣ въ губернскомъ собраніи есть представители отъ всѣхъ уѣздовъ, но отдѣльныя части каждаго уѣзда представлены неравномѣрно: при избраніи губернскихъ гласныхъ выборы могутъ упасть на нѣсколько лицъ изъ одной и той же части уѣзда, между тѣмъ какъ другая часть осталась совсѣмъ безъ представителей. При избраніи губернскихъ гласныхъ принимается во вниманіе только личность, а не принадлежность ея къ тому или другому району. Будетъ ли данный районъ имѣть въ губ. собраніи своихъ представителей—это зависитъ отъ случайности. Иное было бы при прямыхъ выборахъ губернскихъ гласныхъ: каждый избирательный округъ посылалъ бы одного (или болѣе) представителей и всѣ округа были бы представлены. Считаемъ также излишнимъ останавливаться на той общепризнанной истинѣ, что голосованіе при выборахъ должно быть закрытымъ; открытая подача голосовъ дѣлаетъ избирателя доступнымъ для внѣшнихъ вліяній, особенно со стороны мѣстныхъ кулаковъ, которые обыкновенно сильно заинтересованы въ томъ, чтобы верховодить въ мѣстномъ самоуправленіи. Отмѣтимъ, что открытая подача голосовъ существуетъ на общинныхъ выборахъ въ Пруссіи, а наилучшимъ образомъ гарантирована тайна голосованія въ Бельгіи.

Что касается исполнительныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, то въ виду изложеннаго выше о природѣ самоуправленія, едва ли нужно доказывать, что исполнительные органы должны быть непремѣнно выборными. Назначеніе ихъ центральной государственной властью или ея агентами поставило бы ихъ въ зависимость отъ этой послѣдней и лишило бы дѣйствія мѣстныхъ органовъ той самостоятельности, которая составляетъ отличи-

---

1) Мат. по земск. общ. устр., т. II, стр. 432.

тельную черту самоуправленія. Поэтому въ большинствѣ случаевъ исполнительные органы мѣстнаго самоуправленія (старосты, старшины, члены и предсѣдатели управъ, комиссіи, комитеты и т. п.) выбираются его распорядительными органами (сходами, собраніями и т. п.). Въ отдѣльныхъ мѣстахъ однако центральная власть оставила за собою право назначенія лицъ, стоящихъ во главѣ исполнительныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Такъ, напр., въ Пруссіи (въ округахъ), Вюртенбергѣ, Италіи (въ мелкихъ общинахъ). Въ большинствѣ случаевъ центральная власть довольствуется правомъ утвержденія выборныхъ исполнительныхъ органовъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Взаимоотношенія между распорядительнымъ органомъ и исполнительнымъ должны — само собою разумѣется — опредѣляться общимъ правиломъ, что послѣдній дѣйствуетъ въ предѣлахъ, предуказанныхъ постановленіями перваго; его функціи сводятся къ осуществленію предначертаній собранія. По составу исполнительный органъ долженъ представлять собою коллегію, и только въ самыхъ мелкихъ общинахъ можно ограничиться единоличнымъ исполнителемъ; рѣшеніе вопроса о составѣ исполнительнаго органа должно быть предоставлено усмотрѣнію самихъ собраній.

Итакъ, организація мѣстнаго самоуправленія должна быть построена на слѣдующихъ началахъ:

1. Какъ активное, такъ и пассивное избирательное право должно быть всеобщимъ и равнымъ.

2. Способъ голосованія долженъ быть прямымъ и тайнымъ во всѣхъ самоуправляющихся единицахъ.

3. Система выборовъ должна быть территоріальной съ гарантіей интересовъ меньшинства путемъ пропорціональнаго представительства.

4. Исполнительные органы должны избираться распорядительными и, по общему правилу, представлять собою коллегію.

5. Надзоръ за органами самоуправленія.

I.

Органы самоуправленія осуществляютъ задачи государственнаго управленія, которыя въ извѣстной мѣрѣ распредѣлены между мѣстными самоуправляющимися единицами и центральной властью

съ ея агентами. Многообразіе органовъ, вѣдающихъ дѣла, качественно тождественныя, не можетъ не приводить къ пререканіямъ, такъ какъ законъ не въ состояніи поставить точныя, незыблемыя грани въ распредѣленіи дѣлъ между разными органами. Можетъ случиться, что органы самоуправленія, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не выполняютъ возложенныхъ на нихъ закономъ задачъ. Въ своей дѣятельности органы однѣхъ самоуправляющихся единицъ могутъ нарушать интересы другихъ, вторгнутыя въ ихъ сферу компетенціи. Они вообще могутъ выступать изъ законныхъ рамокъ, нарушая указанія, опредѣляющія условія ихъ дѣятельности. Они могутъ, наконецъ, присвоить себѣ дѣла, которыя государственная власть считаетъ своей прерогативой. Словомъ, возможны правонарушенія, спеціально присущія дѣятельности самоуправленія. Для предупрежденія и прекращенія подобныхъ нарушеній необходимо установить органы надзора и порядокъ ихъ дѣйствія.

Надзоръ за органами самоуправленія предусмотрѣнъ всѣми законодательствами. Но въ то время, какъ одни ограничиваются контролемъ надъ законностью дѣйствій органовъ самоуправленія, другіе доходятъ до полной опеки, предоставляя центральной власти право вмѣшиваться въ самую дѣятельность самоуправленія и ставя его органы въ зависимое отъ нея положеніе. Самая организація надзора не вездѣ одинакова: въ однихъ мѣстахъ функціи надзора сосредоточены въ рукахъ агентовъ центральной исполнительной власти; въ другихъ—онъ предоставленъ высшимъ самоуправляющимся единицамъ, въ третьихъ—тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Типичной представительницей первой системы является Франція, гдѣ власть надзора принадлежитъ префекту и министерству; третьей—Пруссія, гдѣ эта власть предоставлена правительственнымъ чиновникамъ (ландрату, правительственному президенту и оберъ-президенту) вмѣстѣ съ органами самоуправленія. Нѣкоторыя черты 2-ой системы наблюдаются въ Англіи, гдѣ графскій совѣтъ имѣетъ надзоръ надъ окружными и приходскими совѣтами, но и департаменту мѣстнаго управленія принадлежатъ большія полномочія.

Что касается самаго содержанія функцій надзора, то ихъ можно разложить на слѣдующіе составные элементы: 1) утвержденіе постановленій распорядительныхъ органовъ, 2) отмѣна постановленій вслѣдствіе ихъ незаконности, нарушенія компетен-

ціи, несоотвѣтствія интересамъ мѣстнаго населенія или государства, 3) прямое вмѣшательство въ дѣятельность самоуправленія, 4) утвержденіе и измѣненіе бюджета, 5) распущеніе собранія, 6) утвержденіе и удаленіе должностныхъ лицъ. Чаще всего надзоръ сводится къ тому, что извѣстныя постановленія распорядительныхъ органовъ самоуправленія нуждаются въ утвержденіи со стороны органовъ надзора, а постановленія, противорѣчащія существующимъ законамъ или выходящія изъ предѣловъ компетенціи даннаго органа, пріостанавливаются и отмѣняются. Въ Н. Австріи роль надзора этимъ и ограничивается. Но въ другихъ мѣстахъ правительственной власти предоставляется пріостанавливать и отмѣнять постановленія также въ тѣхъ случаяхъ, когда органъ надзора найдетъ ихъ нарушающими интересы населенія или всего государства. Нужно однако сказать, что въ чистомъ видѣ право оцѣнки дѣйствій органовъ самоуправленія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности сохранилось въ настоящее время едва ли не въ одной Россіи; правда, въ Пруссіи сельская управа можетъ отказаться отъ исполненія постановленія схода или собранія, если она находитъ его нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія, но окончательно вопросъ рѣшается окружной управой, то-есть дѣло не выходитъ изъ границъ самоуправляющихся союзовъ. Зато органамъ надзора весьма часто предоставляется право прямого понужденія органовъ самоуправленія, если послѣдніе, по ихъ мнѣнію, не выполняютъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ надобности могутъ быть посланы особые комиссары, которые выполняютъ данныя работы за мѣстный счетъ. Мы находимъ это въ Англіи, Пруссіи, Австріи. Во Франціи вліяніе агентовъ центральной власти на дѣла самоуправленія усиливается тѣмъ, что имъ принадлежитъ право утвержденія и даже измѣненія бюджета: ни одна статья прихода и расхода не можетъ пройти безъ одобренія центральной власти. Въ другихъ государствахъ Западной Европы финансовое право органовъ самоуправленія ограничивается лишь въ томъ смыслѣ, что законъ опредѣляетъ, какіе налоги и въ какомъ размѣрѣ имъ предоставляется взимать ихъ, хотя въ Пруссіи, напр., нѣкоторыя расходныя статьи нуждаются въ разрѣшеніи властей. Дальнѣйшія полномочія органовъ надзора выражаются въ правѣ распущенія распорядительныхъ органовъ до срока и въ правѣ утвержденія и удаленія выборныхъ должностныхъ лицъ. Нужно однако замѣтить, что право утвержденія и уда-

ленія должностныхъ лицъ составляетъ сравнительно рѣдкое явленіе.

Теоретическая оцѣнка перечисленныхъ функцій надзора не представляетъ затрудненій. Государственное управленіе на мѣстахъ передается органамъ самоуправленія потому именно, что они признаются въ этомъ дѣлѣ компетентнѣе центральной власти; какой же смыслъ давать этой послѣдней право судить о цѣлесообразности дѣйствій мѣстныхъ органовъ? Кто же лучше самого населенія знаетъ свои нужды и умѣетъ ихъ удовлетворять? На этомъ принципѣ построено все зданіе мѣстнаго самоуправленія, и либо послѣднее должно быть вообще упразднено, либо центральная власть не должна вмѣшиваться въ его дѣйствія. Можно допустить, что какая-либо община вслѣдствіе своей инертности и тому подобныхъ причинъ не выполняетъ въ должной мѣрѣ своихъ обязанностей. Но противъ этого имѣется, во-первыхъ, контроль общественнаго мнѣнія, который еще составители Земск. Полож. 1864 г. нашли „лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ контролемъ для земской повинности“ [1]). Во-вторыхъ, охрану интересовъ населенія противъ бездѣятельности подлежащихъ органовъ можно поручить тому же населенію въ лицѣ органовъ высшихъ самоуправляющихся единицъ. Въ этомъ случаѣ судьею будутъ не чиновники, далеко стоящіе отъ жизни, а мѣстные же люди, знакомые съ нуждами и потребностями окружающаго населенія. Наиболѣе компетентной инстанціей въ вопросахъ цѣлесообразности можетъ явиться высшая самоуправляющаяся единица и въ томъ случаѣ, когда, напр., одна община своими дѣйствіями задѣла интересы другой. Разъ споръ не есть вопросъ права, а вопросъ практики, то разрѣшеніе его не должно выходить изъ предѣловъ самоуправленія, ибо оно по природѣ своей является лучшимъ судьею жизни и таковымъ признано въ принципѣ самой государственной властью. Точно также никто, кромѣ самого населенія въ лицѣ распорядительнаго органа, не можетъ судить о пригодности или непригодности избранныхъ должностныхъ лицъ: разъ данное лицо выбрано, значитъ оно признается пригоднымъ для исполненія своихъ обязанностей, и центральная власть совершенно не компетентна быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Перестаетъ должностное лицо удовлетворять своему назначенію,—опять-таки

1) Мат. по земск. общ. устр. т. I, стр. 52.

никто не можетъ знать лучше самого населенія, и ему же, въ лицѣ его представителей, должно быть предоставлено право удаленія даннаго лица. Что же касается правонарушеній, допускаемыхъ органами самоуправленія, въ видѣ ли посягательства на права частныхъ лицъ или нарушенія своей компетенціи, или противозаконныхъ дѣйствій вообще, то единственными компетентными органами въ такихъ дѣлахъ являются тѣ, на кого вообще возложено возстановленіе нарушенныхъ правъ, т.-е. судъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вопросами права, съ примѣненіемъ закона, и кто же, какъ не судъ, долженъ выступать въ роли оцѣнщика фактовъ съ юридической точки зрѣнія? При всей сложности возникающихъ въ этой области вопросовъ, они сводятся въ концѣ концовъ къ примѣненію правовыхъ нормъ къ конкретнымъ фактамъ, и это долженъ дѣлать судья и никто больше. Мы думаемъ даже, что нѣтъ надобности создавать особые суды для этой цѣли (административная юстиція); по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ наукой осуждены такіе спеціальные суды, какъ военные, коммерческіе и проч., слѣдуетъ отвергнуть и облеченіе судейскими функціями администраторовъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. Организованный на началахъ автономіи и несмѣняемости, общій судъ является вполнѣ компетентнымъ органомъ для разсмотрѣнія правонарушеній, совершаемыхъ органами самоуправленія, какъ и всякими административными органами вообще. Суду же и никому больше должно быть предоставлено право распущенія собраній, какъ высшей кары за незаконныя дѣйствія.

Изложенная конструкція надзора совершенно не считается съ тѣми политическими соображеніями, которыми въ сущности и объясняется современная организація надзора за мѣстнымъ самоуправленіемъ. Широкія полномочія, предоставленныя въ этой области центральной власти и ея агентамъ, вытекаютъ не изъ опасенія, что органы самоуправленія могутъ нарушить интересы населенія, а изъ недовѣрія центральной власти къ самоуправленію вообще, ихъ страха, какъ бы послѣднее не вторгнулось въ ту область, которую государство оставило въ своихъ рукахъ, какъ бы мѣстныя свободныя организаціи не явились угрозой для правящихъ классовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена политическая власть. Чисто-политическіе мотивы заставляютъ центральные органы не выпускать изъ рукъ той узды, при помощи которой

они могли бы парализовать всякую попытку широкихъ слоевъ населенія, объединенныхъ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, скинуть ярмо, возложенное на него правящими элементами. Исторія показываетъ, что и въ самыя мрачныя эпохи абсолютизма искра свободы таилась въ общинахъ, и ихъ вольный духъ не давалъ покоя правителямъ. Когда политическій строй государствъ сдѣлался конституціоннымъ и вмѣсто всесильной бюрократіи предержащая власть очутилась въ рукахъ привилегированныхъ классовъ, они приложили особую заботу къ тому, чтобы въ мѣстномъ самоуправленіи не возобладали элементы, имъ чуждые. Если это имъ не удавалось, если въ силу историческихъ причинъ приходилось по-неволѣ привлечь массу населенія къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, то, по крайней мѣрѣ, они оставляли въ своихъ рукахъ высшій надзоръ. Они очень хорошо понимали, что даже при всеобщемъ избирательномъ правѣ какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ политическихъ выборахъ, „демосу“ тѣмъ труднѣе проникнуть въ общество „командующихъ“, чѣмъ выше будемъ подниматься по лѣстницѣ органовъ государственнаго управленія. Низшіе органы гораздо легче и скорѣе демократизируются, чѣмъ высшіе, и чѣмъ больше власти будетъ предоставлено послѣднимъ, тѣмъ обезпеченнѣе командующая роль привилегированныхъ классовъ. Всестороній надзоръ за органами самоуправленія служитъ однимъ изъ средствъ борьбы противъ развитія власти массы. Вотъ почему можно наблюдать, что чѣмъ демократичнѣе избирательная система въ мѣстномъ самоуправленіи, тѣмъ сильнѣе правительственный надзоръ, ибо тѣмъ больше есть основаній господствующимъ классамъ опасаться мѣстныхъ организацій. Во Франціи примѣняется всеобщее избирательное право и нигдѣ органы самоуправленія такъ не связаны по рукамъ и ногамъ, какъ тамъ. Въ Пруссіи мѣстныя дѣла находятся въ рукахъ господствующихъ классовъ—крупныхъ землевладѣльцевъ и крупной буржуазіи, — и тамъ полномочія центральной власти довольно ограничены и во всякомъ случаѣ обставлены цѣлой лѣстницей гарантій въ лицѣ административной юстиціи. То же находимъ въ Англіи. По мѣрѣ того, какъ Англія все больше приближалась ко всеобщему избирательному праву, ей приходилось передавать все большую массу функцій въ руки центральной власти. Въ Россіи обширная власть центральной власти въ дѣлѣ надзора за мѣстнымъ самоуправленіемъ являлась въ рукахъ бюрократіи, этой единствен-

ной до послѣдняго времени правящей группы, могучимъ орудіемъ борьбы противъ стремленія къ политической свободѣ со стороны даже тѣхъ привилегированныхъ элементовъ, которые представлены въ земскомъ самоуправленіи.

Тотъ естественный отборъ, который по необходимости происходитъ по мѣрѣ движенія отъ основанія къ вершинѣ государственнаго управленія даже при вполнѣ демократической системѣ выборовъ, заставляетъ съ особенной осторожностью относиться къ конструкціи надзора, имѣя въ виду соціализацію земли. Если мы желаемъ, чтобы земля дѣйствительно принадлежала народу, то наибольшая сумма власти въ дѣлѣ распоряженія его должна принадлежать низшей самоуправляющейся единицѣ — сельскому округу, гдѣ преобладающая масса населенія состоитъ изъ лицъ, трудящихся на землѣ. Чѣмъ выше будемъ подниматься по лѣстницѣ органовъ государственнаго управленія, тѣмъ сильнѣе становится участіе буржуазіи въ дѣлахъ, тѣмъ сильнѣе дѣлается вліяніе нетрудящихся элементовъ на распоряженіе землею. Поэтому трудящаяся масса только тогда будетъ въ полной мѣрѣ госпожею положенія, если низшей самоуправляющейся единицѣ будетъ предоставлено не только наибольшее количество функцій, но и наибольшая степень власти, и роль высшихъ органовъ, какъ органовъ надзора, будетъ сведена къ тому минимуму, который устанавливается вышеприведенной теоретической конструкціей.

II.

У насъ правительственный надзоръ за органами самоуправленія имѣетъ характеръ всеобъемлющей опеки. До закона 5 октября 1906 г. всякій приговоръ сельскаго и волостного схода можетъ быть отмѣненъ, по представленію земскаго начальника, не только по несоотвѣтствію съ закономъ, но и въ томъ случаѣ, если онъ „клонится“ (!) къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ лицъ“ (Полож. о земск. нач., ст. 31). Но и теперь цѣлый рядъ приговоровъ подлежитъ утвержденію уѣзднаго съѣзда (ст. 32) и губернскаго присутствія (ст. 33). По пол. о земск. учр. 1890 года всякое постановленіе земскаго собранія, которое не согласно съ закономъ или состоялось съ нарушеніемъ сферы компетенціи земск. учр., или не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуж-

дамъ, или явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія, можетъ быть пріостановлено губернаторомъ, а затѣмъ отмѣнено въ установленномъ порядкѣ (Пол. земск. учр., ст. 87). Сверхъ того, рядъ постановленій нуждается въ прямомъ утвержденіи губернатора (ст. 82) и министра (ст. 83).

Не менѣе ограничена власть органовъ самоуправленія въ финансовой области. Земскій начальникъ наблюдаетъ, чтобы распоряженія волостныхъ и сельскихъ сходовъ по обложенію сельскихъ обывателей производились по мѣрѣ дѣйствительной потребности и не клонились къ ущербу платежныхъ силъ сельскихъ обывателей (Общ. Пол. крест., ст. 365); слѣд., земскій начальникъ можетъ наложить свою руку на всякую расходную статью сельскаго и волостного бюджета. Земскія смѣты и раскладки, частью или полностью, могутъ быть опротестованы губернаторомъ и затѣмъ исправлены въ установленномъ порядкѣ по тѣмъ же причинамъ, какъ и другія постановленія земскихъ собраній (Пол. земск. учр., ст. 14 прил. къ ст. 6). Въ отношеніи земскихъ доходовъ законъ не только регламентируетъ предметы, способъ и форму обложенія (гл. I Устава земск. пов.), но и нормируетъ высоту обложенія (законъ 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія), предоставляя во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающую роль правительственной власти. Волостные старшины и должностныя лица земскаго самоуправленія подлежатъ утвержденію соотвѣтственныхъ органовъ центральной власти (Общ. пол. крест., ст. 191 и Земск. Пол., ст. 118) и всѣ должностныя лица сельскаго, волостного и земскаго управленія могутъ быть удалены ими отъ должности (Пол. земск. нач., ст. 58, Земск. Пол., ст. 134 и 135). Право утвержденія распространяется даже на наемныхъ земскихъ служащихъ, а право удаленія, сверхъ того, на волостныхъ и сельскихъ писарей (Пол. земск. учр., ст. 107; Пол. земск. нач., ст. 29). За неправильныя дѣйствія могутъ налагаться взысканія въ дисциплинарномъ порядкѣ, то-есть безъ суда: на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ—земскими начальниками, на выборныхъ земскаго управленія—губернскими по земск. и гор. дѣламъ присутствіями и совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Что касается распущенія земскихъ собраній до исполненія срока, то хотя закономъ оно не предусмотрѣно, но на практикѣ собранія нерѣдко распускались по Высочайшему повелѣнію.

Исторія русскаго законодательства по интересующему насъ въ данный моментъ вопросу какъ нельзя лучше иллюстрируетъ связь между политическимъ строемъ государства и ролью самоуправленія: бѣшеная скачка абсолютизма повела за собою превращеніе органовъ самоуправленія въ бюрократическія канцеляріи. Отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ моментовъ. Послѣ долгихъ лѣтъ мрачной реакціи николаевской эпохи, душившей всякое проявленіе свободной иниціативы, личной энергіи и самодѣятельности, раздались съ высоты престола слова о предоставленіи общественнымъ силамъ „большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія“[1]). Въ основу реорганизаціи мѣстнаго управленія положена была „идея о безусловной пользѣ самоуправленія и о вредѣ правительственной опеки, желаніе развить общественную самодѣятельность, освободить общество изъ-подъ давленія на него правительственной власти“. Земскимъ учрежденіямъ—заявила Высочайше утвержденная въ 1859 г. комиссія о губ. и уѣзд. учр.,—„должна быть ввѣрена дѣйствительная и самостоятельная власть“ и въ кругу предоставленныхъ имъ дѣлъ „нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ“ [2]). По мнѣнію комиссіи, „опытъ показалъ, что во многихъ мѣстахъ мѣстнаго хозяйства прямое участіе двухъ различныхъ властей—правительственной и земской—приноситъ мало полезныхъ результатовъ“. Мало того, даже, „повѣрка дѣйствій земскихъ учрежденій, существенный контроль ихъ распоряженій должны принадлежать“ не правительственной власти, а „самому земству, самому обществу“ черезъ посредство широкой гласности. Таковы были руководящія идеи первыхъ преобразователей, но инымъ оказалось ихъ осуществленіе: пройдя черезъ горнило бюрократіи, являясь продуктомъ канцелярской работы чиновниковъ, стоящихъ вдали отъ нуждъ народныхъ, самостоятельность власти и независимость отъ правительственнаго вмѣшательства оказались въ концѣ концовъ номинальными. Глухая закулисная борьба между представителями „старыхъ“ и „новыхъ“ началъ,—борьба, которой не могъ озарить свѣтъ народнаго представительства, окончилась торжествомъ элементовъ, отстаивавшихъ свои бюрократическія

---

1) Мат. по земск. общ. устр., т. I, стр. 2.
2) Мат. по земск. общ. устр., т. II, стр. 380.

прерогативы. Уже Положеніе 1864 г. значительно ограничило самостоятельность земскихъ учрежденій, установивъ необходимость утвержденія для цѣлаго ряда постановленій земскаго собранія (ст. ст. 90 и 92) и предоставивъ губернатору право останавливать всякое постановленіе, противное не только законамъ, но и общимъ государственнымъ пользамъ (ст. 9), безъ какого бы то ни было дальнѣйшаго опредѣленія объема этого права вмѣшательства въ земскія дѣла. Но не прошло и одного года со времени введенія земскаго Положенія, какъ посыпалось одно ограниченіе за другимъ. Указъ правит. сенату отъ 16 декабря 1865 г., предоставившій губернатору право отказывать въ утвержденіи всякаго избраннаго собраніемъ лица, признавъ его неблагонадежнымъ; циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября 1866 г., 28 августа 1868 г., 22 октября 1870 г. и законъ отъ 4 іюля 1870 г., поставившіе служащихъ земствъ въ полную зависимость отъ правительственныхъ учрежденій; законъ 1866 г., лишившій земства права обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій по ихъ доходности; законъ 13 іюня 1867 г., облекшій предсѣдателей земскихъ собраній правомъ не допускать къ обсужденію тѣхъ или другихъ вопросовъ по своему усмотрѣнію и даже закрывать двери собранія, а губернаторовъ—правомъ цензурованія печатаемыхъ докладовъ и журналовъ; законъ 13 августа 1879 года, предоставившій губернаторамъ не только не утверждать земскихъ служащихъ, но и удалять ихъ по неблагонадежности; законы 1869 и 1874 г. г., поставившіе земскую школу въ полную зависимость отъ инспекціи,—вотъ немногіе случайно выхваченные изъ цѣлаго ряда законодательные акты, стѣснившіе и безъ того узкое русло, по которому протекала земская дѣятельность въ первыя 25 лѣтъ. Потокъ частныхъ ограниченій завершился Положеніемъ 1890 г., поставившимъ земство подъ всеобъемлющій надзоръ администраціи, надѣленной правомъ прямого вмѣшательства въ земскія дѣла. Съ этого момента урѣзываніе земскихъ правъ идетъ crescendo: законъ 8 іюня 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, законъ 29 мая 1900 г. о назначеніи должности непремѣннаго члена губернскаго по земск. и городск. дѣламъ присутствія, законы 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія и изъятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства, циркуляръ мин. внут. дѣлъ отъ 12 іюня 1901 г. объ ограниченіи земскаго книгоиздатель-

ства, циркуляръ отъ 23 августа 1901 г. съ запрещеніемъ сношеній земствъ между собою, распоряженіе 30 мая 1902 г. о прекращеніи собиранія статистическихъ свѣдѣній, правила 19 августа 1903 г. и дополненіе къ нимъ 1904 г. о борьбѣ съ остро-заразными болѣзнями—таковъ длинный рядъ законодательныхъ и правительственныхъ актовъ, ограничившихъ распорядительную власть земства въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ дѣятельности. Но враждебное общественной самодѣятельности направленіе этимъ не довольствовалось: какъ изъ рога изобилія, сыпались канцелярскіе проекты, вызванные единственнымъ желаніемъ оставить за земскими учрежденіями jus nudum, призракъ власти, оболочку безъ содержанія, обязанности безъ правъ,—проекты, не перешедшіе въ дѣйствительность вслѣдствіе своей очевидной несостоятельности. Таковы: лѣчебный уставъ 1893 г., знаменитый „Наказъ“ училищнымъ совѣтамъ 1900 г., ветеринарныя правила 10 іюня 1900 г., проектъ 1901 г. объ изъятіи всего оцѣночнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства, наконецъ, предположенія объ упраздненіи губернскихъ земствъ. Въ результатѣ получился порядокъ, гибельность котораго была очевидна еще для комиссіи 1859 г.: это—двоевластіе, участіе въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства „двухъ различныхъ, по началу своему, властей“, что „ведетъ или къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣла, или къ пререканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ той и другой власти, производящимъ замѣшательство и неуспѣшность въ распоряженіяхъ, или, наконецъ, къ взаимному ихъ уклоненію отъ подлежащаго исполненія обязанностей, къ обоюдному бездѣйствію и апатіи“ [1]). Слова комиссіи 1859 года оказались пророческими: пререканія и взаимное противодѣйствіе—не этимъ ли характеризуются во всѣ 40 лѣтъ отношенія администраціи къ органамъ земскаго самоуправленія? Бездѣйствіе и апатія—не этимъ ли кончили лучшіе земскіе дѣятели, искренно преданные народнымъ интересамъ? Яркой иллюстраціей къ сказанному являются, съ одной стороны, земскія ходатайства, изъ которыхъ 75% не получили удовлетворенія, а съ другой—губернаторскіе протесты и отказы въ утвержденіи. Ходатайства, касавшіяся весьма часто исключительно мѣстныхъ дѣлъ, или рѣшительно отклонялись, или цѣлыми годами оставались

[1]) Мат. по земск. общ. устр. т. II, стр. 380.

безъ движенія. Укажемъ въ видѣ примѣра на ходатайство о составленіи проекта образованія всесословныхъ волостей, о предоставленіи земствамъ права назначать вознагражденіе недостаточнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, о привлеченіи къ участію въ земскихъ повинностяхъ и денежныхъ сборахъ желѣзныхъ дорогъ, о назначеніи новыхъ сроковъ для взноса податей, объ открытіи подвижныхъ школъ, объ освобожденіи земскихъ изданій отъ цензуры, объ освобожденіи отъ таможенной пошлины заграничныхъ наглядныхъ учебныхъ пособій, объ установленіи срока для разсмотрѣнія земскихъ ходатайствъ, о разрѣшеніи представителямъ земства посѣщать субсидируемыя имъ татарскія школы и объ увеличеніи числа гласныхъ въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, объ открытіи земскихъ училищъ безъ предварительнаго разрѣшенія. Мы не говоримъ уже о такихъ принципіальныхъ ходатайствахъ, какъ реформа земскаго представительства, расширеніе земскихъ правъ въ сферѣ обложенія, отмѣна тѣлеснаго наказанія. Ходатайства сплошь и рядомъ, вопреки неоднократнымъ разъясненіямъ сената, задерживались мѣстной администраціей, а касавшіяся вопросовъ общегосударственныхъ считались, вопреки разума закона, внѣ сферы земской компетенціи. Далѣе идутъ губернаторскіе протесты. Чего-чего только ни касались они: тутъ и планъ введенія всеобщаго обученія въ Харьковской и Херсонской губ., и учрежденіе санитарнаго совѣта въ Саратовскомъ уѣздѣ, и выраженіе Ф. Ф. Эрисману благодарности московскимъ уѣзднымъ собраніемъ и безплатныя подводы соликамскихъ гласныхъ при проѣздѣ на земское собраніе, и помѣщеніе портрета врача въ хирургическомъ баракѣ („не соотвѣтствуетъ пользамъ населенія!“), и выдача безвозвратныхъ пособій на постройку школъ, и допущеніе женщинъ къ статистическимъ работамъ и пр. и пр. Не мало такихъ протестовъ отмѣнялось сенатомъ, но все же земское дѣло тормозилось, необходимыя мѣропріятія откладывались, энергія тратилась безплодно. При этомъ аналогичныя постановленія однимъ губернаторомъ пропускались, а другимъ опротестовывались. Такъ, напр., постановленія таврическаго губернскаго земскаго собранія 1879 г., полтавскаго 1888 г. и вологодскаго 1897 г. о выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земли были опротестованы, хотя въ тверскомъ земствѣ это мѣропріятіе практиковалось съ 1875 года. Но всѣмъ этимъ не ограничивались мѣры „воздѣйствія“ на органы

самоуправленія. Не довольствуясь ограничительными законами и циркулярами, не удовлетворяясь прямымъ вмѣшательствомъ въ ихъ текущую дѣятельность, считая недостаточными обычныя средства опеки, органы надзора прибѣгали къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Напомнимъ закрытіе земскихъ учрежденій С.-Петербургской губ. въ 1867 г., закрытіе череповецкаго земства, закрытіе тверского губернскаго земства; далѣе, административныя кары, постигшія нѣкоторыхъ петербургскихъ и тверскихъ гласныхъ, лишенныхъ права и возможности участія въ земскихъ дѣлахъ, неутвержденіе цѣлаго ряда земскихъ дѣятелей; наконецъ, систематическое преслѣдованіе и недопущеніе земскихъ служащихъ, лишающее земство полезныхъ работниковъ и подчасъ ставящее управы въ невозможность продолжать текущія дѣла и осуществлять такія неотложныя мѣропріятія, какъ борьба съ эпидеміями, помощь голодающимъ и т. п.

Единственный исходъ изъ этого положенія—конструкція надзора на установленныхъ выше началахъ, а именно: 1) распорядительные органы самоуправленія являются единственными судьями цѣлесообразности своихъ дѣйствій; контроль въ этой области долженъ принадлежать высшимъ самоуправляющимся единицамъ по отношенію къ низшимъ, и то лишь въ случаѣ бездѣйствія этихъ послѣднихъ или нарушенія ими интересовъ другихъ самоуправляющихся единицъ;

2) всякое неправомѣрное дѣйствіе органовъ самоуправленія можетъ быть обжаловано заинтересованнымъ лицомъ или прокурорскимъ надзоромъ въ общія судебныя установленія;

3) выборныя должностныя лица не подлежатъ ни утвержденію, ни удаленію административной властью; за неправильныя дѣйствія они отвѣтственны передъ соотвѣтствующимъ распорядительнымъ органомъ самоуправленія, а за неправомѣрныя—передъ общимъ судомъ;

4) служащіе по найму приглашаются и увольняются соотвѣтственными органами самоуправленія и ни въ какой зависимости отъ администраціи не состоятъ;

5) распорядительные органы самоуправленія могутъ быть распущены до истеченія срока не иначе, какъ по постановленію компетентнаго суда.

Нужно ли говорить, что дѣйствительная самостоятельность мѣстнаго самоуправленія возможна лишь при парламентарномъ

строѣ? Только тогда исполнительная государственная власть, отвѣтственная передъ парламентомъ, дѣйствительно лишена будетъ возможности ставить препятствія на пути свободной дѣятельности самоуправляющихся союзовъ. Второе необходимое условіе—это строгая отвѣтственность администраціи передъ общимъ судомъ за неправомѣрныя дѣйствія,—отвѣтственность, возникающая не только по почину государственной власти, но и по иску или обвиненію всякаго заинтересованнаго лица и учрежденія. Такая двойная отвѣтственность устранитъ всякое поползновеніе агентовъ центральной власти къ фактическому расширенію своихъ полномочій насчетъ другихъ органовъ.

Теоретическія соображенія, изложенныя на предыдущихъ страницахъ, позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

I. Система самоуправленія должна представлять собою совокупность постепенно расширяющихся территоріальныхъ союзовъ съ естественной ячейкой—сельскимъ округомъ въ основаніи.

II. Сфера компетенцій органовъ самоуправленія должна сокращаться по мѣрѣ перехода отъ низшихъ самоуправляющихся единицъ къ высшимъ.

III. Организація самоуправляющихся союзовъ должна быть основана на всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ съ прямой и закрытой подачей голосовъ по системѣ пропорціональнаго представительства.

IV. Функціи надзора должны быть предоставлены въ отношеніи цѣлесообразности дѣйствій высшимъ самоуправляющимся единицамъ по отношенію къ низшимъ, а въ отношеніи правомѣрности—общимъ судебнымъ установленіямъ.

Эта конструкція вполнѣ совпадаетъ съ теоріей соціализаціи земли: интересы трудящейся массы могутъ быть обезпечены только тогда, если управленіе соціализированной землей будетъ въ рукахъ той же массы, а это достижимо при единственномъ условіи, если наименьшая сумма функцій будетъ принадлежать центральнымъ государственнымъ органамъ, а наибольшая органамъ сельскаго самоуправленія, въ которыхъ, при всеобщемъ избирательномъ правѣ и независимости отъ центральной власти, преобладающее вліяніе будутъ имѣть трудящіеся на землѣ.

Левъ Закъ.

Соціализація земли и поземельная рента.

I.

Подъ соціализаціей земли понимается совершенное упраздненіе той формы обладанія землей, которая опредѣляется понятіемъ „собственности". При соціализаціи земли „собственность" на землю не переходитъ ни отъ однихъ лицъ къ другимъ, напримѣръ, отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, ни отъ отдѣльныхъ лицъ къ какимъ-нибудь коллективамъ, напримѣръ, государству, земству или общинѣ. „Собственность" на землю совершенно упраздняется, перестаетъ существовать. Земля становится „общенароднымъ достояніемъ", она принадлежитъ всѣмъ или—что то же самое—не принадлежитъ никому,—выражаясь ходячимъ языкомъ, земля не покупается и не продается. Землею р а с п о р я ж а ю т с я и п о л ь з у ю т с я въ предѣлахъ ненарушимости правъ каждаго члена общества въ отдѣльности, т.-е. въ предѣлахъ доступности земли для всѣхъ, тѣ, кто занимается ея обработкой, и въ формахъ, согласныхъ, по времени и мѣсту, съ господствующими воззрѣніями народныхъ массъ. Характернымъ признакомъ соціализаціи земли служитъ, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что землей никто не в л а д ѣ е т ъ, что земля перестаетъ быть „собственностью".

Но если уничтожается институтъ земельной собственности, то какъ это должно повліять на земельную ренту: уничтожается ли она вовсе или, подобно землѣ, она становится „общенароднымъ достояніемъ"? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разобраться въ природѣ и источникѣ земельной ренты. Если рента обусловливается однимъ только существованіемъ института земельной собственности, т.-е. земельная рента существуетъ потому, что земля принадлежитъ физическимъ либо юридическимъ лицамъ на правахъ безконтрольнаго и неограниченнаго владѣнія,—неограниченнаго въ томъ узкомъ смыслѣ, который установленъ существующимъ гражданскимъ правомъ,—то

соціализація земли, упраздняя институтъ земельной собственности, должна упразднить и земельную ренту. Наоборотъ, если институтъ земельной собственности самъ по себѣ не создаетъ земельной ренты, а вліяетъ только на прикрѣпленіе къ земельному собственнику земельной ренты, которая существуетъ независимо отъ того, какимъ формамъ обладанія земля подчинена, то рента соціализаціей земли не уничтожается, а дѣлается достояніемъ всего народа, пользующагося данной территоріей.

Итакъ, что такое рента и въ чемъ лежитъ источникъ ея происхожденія?

II.

Вопросъ о происхожденіи ренты—одинъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ экономической науки. Всего проще онъ разрѣшался физіократами. У физіократовъ рента вытекала изъ ихъ представленія о земледѣльческомъ доходѣ.

Кенэ учитъ, что необходимо различать произведенія „ремесленника“ и „земледѣльца“. „Издержки, вызываемыя трудомъ,— говоритъ онъ устами М. Н. въ діалогѣ о ремесленномъ трудѣ,— устанавливаютъ цѣну издѣлій ремесленниковъ, а конкуренція между ними ограничиваетъ ихъ издержки на трудъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло... по отношенію къ цѣнѣ произведеній земли; здѣсь цѣна не является результатомъ однѣхъ только издержекъ на культуру, но также многихъ другихъ причинъ, которыя могутъ поддержать ихъ продажную цѣнность, несмотря на сбереженіе въ расходахъ на культуру. Продуктъ труда ремесленника стоитъ лишь издержекъ... Продуктъ земледѣльческаго труда превышаетъ издержки“ [1]). Такимъ образомъ, въ цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ физіократы предполагали излишекъ, не создаваемый трудомъ и составляющій ихъ особенность, сравнительно съ продуктами обрабатывающей промышленности. На этомъ основаніи физіократы и построили свою теорію „чистаго продукта“, который существуетъ только въ земледѣліи и является „доходомъ для поземельныхъ собственниковъ“.

Взглядъ физіократовъ на источникъ земельной ренты съ совершенной ясностью формулировалъ Тюрго. Изъ цѣны произве-

---

[1]) Ф. К е н э. Выбранныя мѣста. М. 1896, стр. 264.

деній земли, говоритъ онъ, берутъ все, что необходимо для возмѣщенія „предварительныхъ и годичныхъ затратъ“ на землю со стороны „владѣльцевъ большихъ капиталовъ“, а также: „1) прибыль, равную доходу, который они могли бы получить отъ капитала безъ всякаго труда, 2) заработную плату ихъ труда и цѣну за ихъ рискъ и искусство, 3) нѣкоторую сумму, изъ которой они могли бы возмѣщать ежегодно утрату въ вещахъ, употребляемыхъ въ предпріятіи, павшихъ животныхъ, изнашивающихся орудіяхъ и т. п.“ Затѣмъ, идя вслѣдъ за физіократами, Тюрго считаетъ необходимымъ, что остается избытокъ, дающій „возможность платить землевладѣльцу, который далъ свое разрѣшеніе на устройство предпріятія. Это — цѣна аренды, доходъ собственника, чистый продуктъ“ [1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію физіократовъ, институтъ земельной собственности указываетъ только, кому рента должна принадлежать. Фактъ же существованія ренты вытекаетъ изъ того, что одно только земледѣліе даетъ „чистый продуктъ“, т.-е. что земледѣліе даетъ излишній, сравнительно съ другими отраслями промышленности, доходъ. Очевидно, можно только спорить противъ пониманія физіократами существа земледѣльческаго дохода. Но, принявъ ихъ взглядъ на земледѣліе, какъ на отрасль промышленности, дающую добавочную выгоду въ видѣ „чистаго продукта“, приходится признать ихъ теорію ренты вполнѣ доказанною и логически вытекающей изъ общаго ихъ экономическаго міровоззрѣнія.

На иной почвѣ стоитъ Адамъ Смитъ. Такъ какъ Смитъ придерживается трудовой теоріи цѣнности, считая, что „трудъ есть дѣйствительная мѣра м ѣ н о в о й ц ѣ н н о с т и всякаго предмета мѣны“, то онъ естественно не можетъ, подобно физіократамъ, найти въ производствѣ источникъ для ренты, ибо, каковы бы ни были особенности земледѣлія, его продукты должны обмѣниваться только въ соотвѣтствіи съ затраченнымъ на нихъ трудомъ. Смитъ, поэтому, ищетъ источника ренты въ обмѣнѣ или, что то же самое, въ цѣнѣ продуктовъ; которая, вслѣдствіе соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, бываетъ то выше, то ниже „дѣйствительной“ цѣны, то равняется ей. Естествен-

[1]) Т ю р г о. Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ. Ю., 1905, стр. 34.

ными элементами цѣны Смитъ считаетъ „стоимость матеріаловъ и содержаніе работника“, а также „прибыль предпринимателя на капиталъ“, который онъ употребилъ въ дѣло. „Такимъ образомъ, говоритъ Смитъ, цѣнность, придаваемая работникомъ сырому матеріалу, разбивается на двѣ части, изъ коихъ одна покрываетъ содержаніе работника, а другая служитъ прибылью для предпринимателя“, у котораго безъ этой прибыли „не было бы побудительной причины заказать трудъ работнику“.

Появленіе же поземельной ренты Адамъ Смитъ связываетъ съ обращеніемъ земли въ частную собственность:

„Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ почва какой-либо страны обращена въ частную собственность, землевладѣльцы... стали собирать плоды тамъ, гдѣ не сѣяли, и требовать поземельной ренты даже за естественныя произведенія земли. Явилась прибавочная цѣна на дрова, вырубленныя въ лѣсу, на траву, скошенную съ луга, и на всѣ естественныя произведенія земли, которыя при общемъ владѣніи землею ничего не стоили, кромѣ труда собрать ихъ, и которыя стали теперь дороги. Для работника явилась необходимость заплатить за позволеніе собрать ихъ; ему слѣдуетъ уступить теперь собственнику земли часть того, что онъ соберетъ или произведетъ своимъ трудомъ. Эта часть или, что то же, цѣна этой части составляетъ поземельную ренту, которая входитъ, какъ третья составная часть, въ цѣну большей части товаровъ“.

Хотя Адамъ Смитъ не останавливается на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ работникъ, заработная плата котораго опредѣляется минимумомъ его потребностей, имѣетъ въ земледѣліи возможность, кромѣ прибыли на капиталъ, еще давать поземельную ренту, и такимъ образомъ онъ не объясняетъ условій оплаты работникомъ пользованія „естественными произведеніями земли“,— но изъ всего хода изложенія видно, что Адамъ Смитъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду не какую-либо новую уступку со стороны работника, а сложившуюся конъюнктуру мѣновыхъ отношеній. Только этимъ можно объяснить, почему по мнѣнію Смита „рента входитъ составной частью въ цѣну произведеній совершенно инымъ образомъ, чѣмъ заработная плата и прибыль“.

„Высокая или низкая цѣна заработной платы или прибыли, говоритъ Смитъ, составляетъ п р и ч и н у высокой или низкой цѣны товаровъ, а высокая или низкая цѣна земельной ренты составляетъ с л ѣ д с т в і е послѣдней; цѣна каждаго отдѣльнаго товара бываетъ высока или низка, смотря по величинѣ заработной платы и прибыли, оплачиваемыхъ для доставленія товаровъ на рынокъ; но, смотря по тому, будетъ ли цѣна эта высока или низка, смотря по тому, будетъ ли она гораздо выше, едва выше или нисколько не

выше того, что необходимо для покрытія заработной платы и прибыли, товаръ дастъ возможность заплатить высокую поземельную ренту, слабую или вовсе не дастъ возможности заплатить ее".

Ясно, что единственнымъ факторомъ, управляющимъ поземельной рентой, является, по мнѣнію Смита, спросъ на произведенія земли. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Смитъ не можетъ смотрѣть на поземельную ренту, какъ на доходъ, который доставляется всегда и при всѣхъ условіяхъ. И дѣйствительно, всѣ произведенія земли Смитъ дѣлитъ на обязательно доставляющія ренту и на доставляющія ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Къ произведеніямъ, обязательно доставляющимъ ренту, Смитъ относитъ питательныя вещества, именно хлѣбъ, который постоянно даетъ поземельную ренту [1]). Если обратиться къ состоянію хлѣбныхъ цѣнъ въ Англіи за то время, съ которымъ долженъ былъ считаться Смитъ, то мы найдемъ причину, почему онъ долженъ былъ считать поземельную ренту для хлѣба обязательной. Разные источники приводятъ цѣны на хлѣбъ въ Англіи, начиная съ XV ст., и мы видимъ, что до начала XIX ст. хлѣбныя цѣны безпрестанно растутъ. Въ первую половину XV ст. квартеръ пшеницы оплачивался 7 шил. 1 пенсомъ, въ первую половину XVI ст. цѣна квартеры поднялась уже до 12 шил., въ XVII ст. квартеръ пшеницы стоилъ 39 шил. 1 пенсъ, наконецъ въ XVIII ст. эта цѣна поднялась до 41 шил. и 1 пенса [2]).

Однако, говоря объ обязательности поземельной ренты для хлѣба, Адамъ Смитъ, повидимому, считался не столько съ внутренней обязательностью, съ обязательностью, вытекающей изъ какихъ-либо безусловныхъ законовъ, сколько съ обязательностью, вытекавшею изъ фактовъ, которые существовали, но которые могли и не существовать. Смитъ просто не предусмотрѣлъ, что цѣны на хлѣбъ не только могутъ перестать расти, но даже могутъ начать падать. Такимъ образомъ, въ теоріи поземельной ренты Адама Смита важно одно — что онъ поземельную ренту связывалъ исключительно съ состояніемъ цѣнъ на произведенія земли: если цѣны достаточны для того, чтобы, кромѣ заработной платы и всѣхъ другихъ расходовъ предпринимателя, онѣ давали

[1]) А. Смитъ. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Т. I, гл. XI.

[2]) Данныя эти взяты изъ статьи Конрада о хлѣбныхъ цѣнахъ въ „Hanwörterbuch der Staatsrwisenschaften".

излишекъ для вознагражденія землевладѣльца, то поземельная рента существуетъ; если же цѣны для этого недостаточны, то поземельная рента существовать не можетъ. Или, другими словами, поскольку на произведенія земли существуетъ монопольная цѣна, лишь постольку земля доставляетъ своему собственнику ренту.

Мальтусъ [1]) въ этомъ объясненіи Адамомъ Смитомъ характера поземельной ренты видитъ одинъ существенный недостатокъ, именно то, что Адамъ Смитъ не устанавливаетъ „истинной разницы, существующей между причинами, которыя создаютъ излишекъ въ цѣнѣ, образующій ренту, и излишекъ, какъ результатъ монопольныхъ цѣнъ вообще". Такимъ образомъ, присоединяясь къ Смиту въ томъ отношеніи, что только высокія цѣны на земледѣльческіе продукты создаютъ ренту, Мальтусъ полагаетъ, что высокія цѣны въ данномъ случаѣ имѣютъ самостоятельное объясненіе. Такъ какъ взгляды Мальтуса на поземельную ренту получили наиболѣе полное и законченное развитіе въ теоріи Давида Рикардо, завоевавшей почти всеобщее господство въ экономической наукѣ, то мы непосредственно перейдемъ къ разбору рикардовской теоріи поземельной ренты.

III.

Свой анализъ поземельной ренты Рикардо [2]) начинаетъ съ вопроса, „не причиняетъ ли о б р а щ е н і е в ъ с о б с т в е н н о с т ь з е м е л ь и слѣдующее за нимъ возникновеніе ренты какихъ-либо измѣненій въ относительной цѣнности товаровъ, независимо отъ количества труда, необходимаго на ихъ производство?" Этимъ вопросомъ Рикардо сразу вводитъ насъ въ критику представленій о поземельной рентѣ, изложенныхъ Адамовъ Смитомъ. Съ другой стороны, отмѣчая фактъ обращенія земли въ собственность и связь съ этимъ фактомъ возникновенія ренты, Рикардо, какъ будто готовится разобрать, какое вліяніе на ренту оказываетъ установленіе института земельной собственности. Что институтъ земельной собственности имѣетъ извѣстное отношеніе къ вопросу о рентѣ, Рикардо какъ будто признаетъ и въ другомъ

---

1) S. Malthus. Principles of political economy, гл. III.

2) Сочиненія Давида Рикардо, пер. Н. Зибера. Гл. II.

мѣстѣ. Условіями, при которыхъ нельзя было бы ничего требовать за пользованіе землею, за исключеніемъ мѣстностей, пользующихся особыми преимуществами,—Рикардо считаетъ, кромѣ одинаковыхъ свойствъ земли и однороднаго качества, еще безграничное ея пространство. „Ренту, говоритъ онъ, начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограничено, а качество разнообразно". Но когда Рикардо переходитъ къ анализу поземельной ренты, онъ совершенно отбрасываетъ то обстоятельство, что количество земли ограничено, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на ея разнообразіи. Это методологическое недоразумѣніе и является одной изъ основныхъ причинъ односторонности всей рикардовской теоріи поземельной ренты.

Подобно Адаму Смиту, Рикардо причину ренты видитъ въ высокихъ цѣнахъ на произведенія земли, и также подобно Смиту онъ считаетъ ренту не причиной, а слѣдствіемъ высокихъ цѣнъ. Но въ то время, какъ Смитъ не задается вопросомъ, почему хлѣбныя цѣны такъ высоки, что даютъ ренту, считая этотъ фактъ результатомъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ,—Рикардо пытается установить экономическую обязательность высокихъ цѣнъ для произведеній земли. Благодаря этому у Рикардо получаетъ характеръ неизбѣжности то, что у Смита имѣетъ, до извѣстной степени, значеніе случайности. По Рикардо, земельная рента такъ же необходима, какъ и заработная плата и прибыль. „Цѣнность пшеницы, говоритъ онъ, не понизилась бы и въ томъ случаѣ, еслибы землевладѣльцы отказались отъ ренты. Слѣдствіемъ подобной мѣры было бы только то, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами".

Рикардовская теорія ренты сводится къ слѣдующему. Вообще, по его мнѣнію, „наименьшее количество труда, достаточное для производства товара, будь то произведеніе мануфактуры, земли или рудника—при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ, которыми пользуются тѣ, въ чьемъ распоряженіи находятся особенно легкіе способы производства,—никогда не опредѣляетъ мѣновой цѣнности. Она опредѣляется, напротивъ, наибольшимъ количествомъ труда, какое вынуждены употреблять тѣ, въ чьемъ распоряженіи не имѣется подобныхъ легкихъ способовъ". Отсюда Рикардо непосредственно выводитъ, что цѣнность произведеній земли опредѣляется стоимостью ихъ производства на участкахъ

худшаго качества, состоящихъ въ эксплоатаціи. Прежде всего, по мнѣнію Рикардо, приступаютъ къ обработкѣ земель лучшаго качества. Когда поступаетъ въ обработку земля „второстепеннаго плодородія, немедленно возникаетъ рента для земель первостепеннаго плодородія, и размѣръ ея зависитъ отъ различія въ качествѣ земли этихъ двухъ категорій. Когда поступаетъ въ обработку земля третьяго сорта, то немедленно является рента на земляхъ второстепеннаго качества и опредѣляется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, различіемъ въ производительныхъ свойствахъ той и другой почвы. Рента земель перваго сорта въ то же время возвышается, такъ какъ она должна быть постоянно выше ренты земель второго сорта, вслѣдствіе различія въ количествѣ продуктовъ, которое производятъ эти участки, при данной затратѣ капитала и труда". Въ этихъ немногихъ словахъ заключена вся теорія поземельной ренты Рикардо. Такъ какъ въ обработку прежде всего поступаютъ наилучшіе участки и затѣмъ уже постепенно переходятъ къ участкамъ низшаго плодородія, то очевидно, что по теоріи Рикардо рента постоянно должна возрастать. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что ренту образуетъ разница между плодородіемъ лучшихъ участковъ и худшихъ, то, по Рикардо, должны всегда быть такіе участки минимальнаго плодородія, которые ренты вовсе не даютъ.

Противъ обоихъ этихъ положеній Рикардо выдвигаются въ экономической наукѣ серьезныя возраженія. Еще Кэри указалъ, что устанавливаемая Рикардо послѣдовательность перехода отъ лучшихъ земель къ худшимъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ. Ссылаясь на исторію заселенія американской территоріи, Кэри устанавливаетъ, что подъ обработку первоначально занимаются не лучшія земли, какъ думаетъ Рикардо, а, наоборотъ, худшія, такъ какъ худшія земли легче поддаются культурѣ и требуютъ наименьшихъ затратъ. Американскіе поселенцы поэтому прежде всего воздѣлывали возвышенныя мѣста, гдѣ почва хотя менѣе плодородна, но зато болѣе удобна для обработки. Но такъ какъ со включеніемъ въ эксплоатацію лучшихъ земель неминуемо удешевляются произведенія земли, то рента получаетъ тенденцію къ сокращенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при общей достаточности земли для обработки, земли старой культуры должны терять ренту, когда переходятъ къ обработкѣ новыхъ земель лучшаго качества. Такимъ образомъ, Кэри оспариваетъ

то изъ положеній Рикардо, по которому рента постоянно возрастаетъ. Не менѣе существенныя возраженія вызвала и основная идея рикардовской теоріи поземельной ренты.

Рикардо, какъ мы указали выше, исходитъ изъ предположенія, что наихудшія земли ренты вовсе не даютъ. Но поскольку земля находится въ частномъ владѣніи, можно ли предположить, что какой-либо участокъ земли эксплоатируется безъ того, чтобы его владѣлецъ получалъ за это какое-либо вознагражденіе? На этотъ вопросъ впервые обратилъ вниманіе Марксъ. То обстоятельство, говоритъ онъ, что капиталистъ—арендаторъ можетъ получить обычную прибыль, обрабатывая худшую землю при условіи, если онъ не будетъ платить ренты, рѣшительно не представляется для землевладѣльца основаніемъ, чтобы онъ ссудилъ его землею даромъ [1]). Слѣдовательно, либо ренту должна давать и худшая земля, либо худшая земля останется внѣ обработки. Но, оставаясь внѣ обработки, худшая земля теряетъ свойство служить исходнымъ моментомъ для ренты съ земель второстепеннаго качества, или, другими словами, какъ только худшія земли перестаютъ обрабатываться, по теоріи Рикардо, теряютъ рентоспособность и второстепенныя земли, такъ какъ онѣ становятся объектомъ для сравненія, опредѣляющимъ норму ренту, приносимой участками большаго плодородія.

Очевидно, все, что даетъ теорія поземельной ренты Рикардо, это, во всякомъ случаѣ, лишь объясненіе, почему однѣ земли даютъ большую ренту, а другія меньшую, но не почему вообще существуетъ рента. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя игнорировать и того серьезнаго возраженія противъ теоріи Рикардо, которое дѣлаетъ Родбертусъ и которое наноситъ непоправимый ударъ всей рикардовской теоріи ренты. Доходность земли опредѣляется не однимъ только ея плодородіемъ, но также и разстояніемъ ея отъ мѣстъ потребленія. Между тѣмъ земли меньшаго и большаго плодородія разсѣяны безпорядочно однѣ рядомъ съ другими, такъ что преимущества въ качествѣ часто парализуются неудобствами въ расположеніи и, наоборотъ, худшія земли выгадываютъ въ доходности потому, что онѣ лучше расположены.

Плодородіе и разстояніе „должны очень часто, при одновременномъ существованіи, взаимно уничтожаться въ приписываемомъ имъ воздѣйствіи

---

[1]) К. Марксъ. Капиталъ. Т. III, стр. 618.

до тѣхъ поръ, пока вообще существуетъ на земномъ шарѣ еще не воздѣланная земля. Въ дѣйствительности эта аргументація подтверждается повседневнымъ опытомъ; мнѣ, говоритъ Родбертусъ, достаточно напомнить объ американскомъ и русскомъ хлѣбѣ, который издалека оказываетъ давленіе на англійскій рынокъ,—и теорія Рикардо такимъ образомъ становится недѣйствительной на цѣлыя столѣтія, которыя пройдутъ, пока не будетъ обработана вся земля на нашей планетѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, приходится признать совершенно неудовлетворительной первую серьезную попытку объясненія ренты независимо отъ вопроса о монопольныхъ цѣнахъ на произведенія земли. Къ не болѣе плодотворнымъ результатамъ пришли экономисты послѣ Рикардо, когда они пытались найти для ренты самостоятельный источникъ, наравнѣ съ заработной платой и прибылью.

IV.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на попыткахъ ввести вопросъ о поземельной рентѣ въ общій вопросъ о капиталистической прибыли, которыя были сдѣланы Кэри въ Америкѣ и Бастіа съ его послѣдователями на европейскомъ континентѣ. Оба эти экономиста и ихъ послѣдователи разсматриваютъ ренту какъ вознагражденіе за тотъ капиталъ, который потраченъ на то, чтобы сдѣлать землю пригодной къ обработкѣ.

„Поземельные участки, говоритъ напр. Молинари—одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ экономистовъ этой школы—точно такъ же какъ и зданія, плуги, рабочій скотъ и другіе предметы матеріальнаго состава производства, отнюдь не даромъ достались своимъ владѣльцамъ. Каждая частица земли, употребляемая для производства, можетъ быть разсматриваема какъ машина, которой элементы, какъ и элементы всѣхъ другихъ машинъ и самого человѣка, доставлены природой,—но окончательное образованіе которой и приспособленіе къ производству принадлежитъ дѣятельности человѣка... Приданіе землѣ свойства произведенія происходитъ посредствомъ: во-первыхъ открытія, во-вторыхъ, занятія и, въ-третьихъ, разработки. Открытіе есть первое дѣйствіе, необходимое для производства орудія-земли. Въ XV и XVI ст. эта операція составляла предметъ особаго промысла... Разъ земля открыта, ее необходимо занять, т.-е. снабдить средствами защиты, проложить пути сообщенія и пр. Открывъ и занявъ земли, правительство уступало ихъ на разныхъ условіяхъ... различнымъ лицамъ... Піонеры цивилизаціи проникаютъ въ пустыни, гдѣ выбираютъ себѣ участки земли, которые покупаютъ на первомъ аукціонѣ, уплачивая такимъ образомъ издержки

---

1) К. Родбертусъ-Ягецовъ. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса, стр. 87—88.

открытія и занятія... Новый владѣлецъ очищаетъ почву, осушаетъ и огораживаетъ ее"—и процессъ образованія земли-произведенія, земли-орудія оконченъ [1]).

Чтобы показать всю поверхностность и неубѣдительность приведенной аргументаціи, мы въ другомъ мѣстѣ [2]) привели примѣръ, которымъ воспользуемся и здѣсь. Фабрикантъ обращается къ комиссіонеру за пріобрѣтеніемъ машины. Оплативъ трудъ комиссіонера, фабрикантъ тѣмъ самымъ оплачиваетъ трудъ открытія машины. Затѣмъ онъ занимаетъ машину—перевозитъ ее къ себѣ, ставитъ ее такъ, чтобъ ее не стащили, завѣшиваетъ брезентами, чтобы она не испортилась и т. п. Наконецъ, онъ разрабатываетъ машину—собираетъ ее, устанавливаетъ, соединяетъ съ двигателемъ и т. д. Когда все готово, является прежній собственникъ машины и, убѣдившись, что она фабриканта удовлетворяетъ, требуетъ за нее денегъ. Будь на мѣстѣ фабриканта Молинари, онъ былъ бы, конечно, озадаченъ; уплативъ изъ собственнаго кармана расходы по открытію, занятію и разработкѣ машины, онъ считалъ бы ее уже своей собственностью: какъ же объяснить претензіи прежняго владѣльца машины? На это прежній владѣлецъ отвѣтилъ бы Молинари такъ: „для того, чтобы ты могъ открыть, занять и разработать машину, я долженъ былъ ее создать. Правда, я не создалъ тѣхъ элементовъ, которые положены въ основаніе машины, я не создалъ вещества, но я цѣлесообразно видоизмѣнилъ это вещество, придалъ ему полезную для тебя форму, я сдѣлалъ изъ него машину, потративъ на это мѣсяцъ труда и, если ты желаешь оставить машину у себя, верни мнѣ мой мѣсяцъ труда или эквивалентъ его стоимости". Будетъ ли правъ прежній владѣлецъ машины? Безусловно да, такъ какъ Молинари совсѣмъ упустилъ изъ виду, что для того, чтобы можно было открыть капиталъ, онъ долженъ существовать до открытія, т.-е. до момента, съ котораго, по мнѣнію Молинари, начинается его существованіе въ качествѣ капитала. А для того, чтобы онъ существовалъ, его нужно сдѣлать. Этого-то послѣдняго момента по отношенію къ землѣ нѣтъ, почему землю нельзя разсматривать, какъ обыкновенный капиталъ, а доходъ землевладѣльца, какъ обыкновенную прибыль капиталиста.

---

[1]) Г. де-Молинари. Политич. экономія. Ч. I, стр. 273—277.

[2]) С. Закъ. Земля и капитализмъ.

Нечего и говорить, что Родбертусъ, выдвигая свою ренту [1]), стоитъ на почвѣ гораздо болѣе серьезной, чѣмъ та, на которой стоятъ Бастіа, Кэри и ихъ послѣдователи. Подобно Рикардо онъ понимаетъ, что рента не есть обыкновенный доходъ съ капитала, что рента уплачивается не за вложенный въ землю капиталъ, а за тѣ качества земли, которыя никакого сходства съ капиталомъ не имѣютъ, т.-е., говоря словами Рикардо, „за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы". Всякій капиталъ есть продуктъ человѣческаго труда. Характерная особенность „первоначальныхъ и неистощимыхъ свойствъ почвы" заключается именно въ томъ, что они не созданы человѣческимъ трудомъ. Очевидно, для того, чтобы эти свойства служили источникомъ ренты, говоритъ Родбертусъ, необходимо предполагать, что отъ прибыли, доставляемой произведеніями земли, послѣ вычета прибыли на капиталъ, должно всегда остаться нѣчто въ качествѣ поземельной ренты, какъ бы велика и мала ни была цѣнность сырого продукта. Этотъ остатокъ, по мнѣнію Родбертуса, обязательно доставляется продуктами земли, и вотъ почему. Сельское хозяйство, говоритъ Родбертусъ, не нуждается въ продуктѣ какого-либо предшествующаго ему производства, какъ въ матеріалѣ, но вообще только начинаетъ производство. Такимъ образомъ, сельское хозяйство имѣетъ съ промышленностью двѣ общія части капитала (во-первыхъ, капиталъ, заключающійся въ орудіяхъ производства, и, во-вторыхъ, капиталъ, идущій на покрытіе заработной платы), но разница между ними та, что въ промышленности имѣется еще капиталъ въ видѣ сырья, между тѣмъ какъ сельское хозяйство такого капитала не имѣетъ. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію сырья въ сельскомъ хозяйствѣ, одинаковыя съ промышленностью количества труда пускаются въ движеніе въ сельскомъ хозяйствѣ меньшимъ капиталомъ, чѣмъ въ промышленности, а такъ какъ, по Родбертусу, цѣнность продуктовъ опредѣляется только затратами на непосредственный трудъ и посредственный, при чемъ подъ трудомъ посредственнымъ Родбертусъ понимаетъ капиталъ, затраченный на орудія производства, но не на сырье,—то въ результатѣ оказывается, что при одномъ и томъ же доходѣ, доставляемомъ промышленностью и обработкою земли, послѣдняя нуждается въ

---

1) См. названное выше сочиненіе.

меньшемъ капиталѣ. Имѣя же въ виду, что норма прибыли опредѣляется отношеніемъ дохода ко всей суммѣ затраченнаго капитала, очевидно, что одинъ и тотъ же доходъ долженъ давать въ сельскомъ хозяйствѣ высшую норму прибыли, чѣмъ въ промышленности.

Чтобы пояснить точку зрѣнія Родбертуса, возьмемъ такой примѣръ. Въ земледѣльческомъ предпріятіи и промышленномъ одинаково потрачено на заработную плату по 300 рублей, при чемъ оба эти предпріятія имѣютъ въ орудіяхъ производства одинаковый капиталъ въ 1700 руб. Затѣмъ промышленность потратила кромѣ того 500 рублей на сырье, каковой затраты не знаетъ земледѣльческое предпріятіе. По предположенію Родбертуса, оба эти предпріятія дадутъ одинаковый доходъ, предположимъ, въ четыреста рублей. Но въ промышленномъ предпріятіи эти 400 руб. будутъ прибылью на капиталъ въ 2500руб., а въ земледѣльческомъ предпріятіи тѣ же самые 400 руб. будутъ прибылью на капиталъ въ 2000 руб. Это значитъ, что одинъ и тотъ же доходъ даетъ въ земледѣліи норму прибыли въ 20%, а въ промышленности—въ 16%. Получающаяся разница въ 4%, по мнѣнію Родбертуса, и образуетъ поземельную ренту.

Но главная ошибка Родбертуса заключается именно въ томъ, что составляетъ основу его теоріи. Можно ли дѣйствительно утверждать, что сельское хозяйство „не нуждается въ продуктѣ какого-либо предшествующаго ему производства, какъ въ матеріалѣ?“ Несомнѣнно, тутъ Родбертусъ слишкомъ большое придаетъ значеніе формальной сторонѣ дѣла. Главное сырье, потребляемое сельскимъ хозяйствомъ, производится дѣйствительно не какимъ-либо другимъ производствомъ, а тѣмъ же сельскимъ хозяйствомъ. Но не все ли равно, досталось ли сельскому хозяйству сырье отъ какого-либо другого производства или оно само его произвело въ предыдущій операціонный періодъ? Смыслъ и значеніе сырья отъ этого нисколько не измѣняются; если сырье, пріобрѣтенное у другого производства, разсматривается промышленнымъ предпріятіемъ, какъ капиталъ, то нѣтъ основанія сельскому хозяйству не считать капиталомъ, напр., сѣмянъ или кормовъ для скота, оставленныхъ имъ отъ урожая прошлаго года. Кромѣ того, сельское хозяйство имѣетъ также сырье съ тѣми же формальными признаками, которымъ почему-то Родбертусъ придаетъ особенное значеніе. Искусственное удобреніе,

даже привозимый изъ городовъ навозъ, топливо для локомобиля, шпагатъ для увязки сноповъ, масло для машинъ и т. д. и т. д.,— все это сырье, поставляемое сельскому хозяйству „предшествующимъ ему производствомъ"

Родбертусъ въ данномъ случаѣ повторяетъ ошибку, практикуемую всѣми хозяевами практиками, учитывающими лишь тѣ свои расходы, которые имѣютъ денежный характеръ. Между тѣмъ правильное счетоводство требуетъ учета не только того, что хозяйство покупаетъ, но и того, что оно потребляетъ отъ собственнаго производства. Безспорно одно, что сырье стоитъ сельскому хозяйству относительно дешевле, чѣмъ многимъ отраслямъ промышленности обрабатывающей — но отнюдь не всѣмъ безъ исключенія. Въ расходахъ производства сырье въ разныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности участвуетъ отъ 15 до 70 и болѣе процент. Что же касается сельскаго хозяйства, то, напр., по одному учету въ Америкѣ сѣмена, шпагатъ и смазка машинъ составляетъ около 35 проц. всѣхъ расходовъ производства пшеницы. По другому учету роль сырья доходитъ до 57 проц., включая и прокормъ рабочаго скота. При этомъ въ обоихъ случаяхъ не принята во вниманіе стоимость удобренія. Въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ машины эксплоатируются мало или вовсе не эксплоатируются, роль сырья, конечно, менѣе значительна, но ниже 25—30 проц. общихъ расходовъ производства она врядъ ли гдѣ опускается. Въ виду этого, если въ отрасляхъ обрабатывающей промышленности съ низкой нормой капитала въ сырьѣ ни о какихъ источникахъ для ренты рѣчи быть не можетъ, то ясно, что указываемый Родбертусомъ источникъ поземельной ренты —ничто иное, какъ недоразумѣніе.

Карлъ Марксъ въ вопросѣ о рентѣ [1]) является такимъ же усовершенствователемъ теоріи Рикардо, какимъ онъ является въ вопросѣ о цѣнности. Какъ мы указали выше, онъ не идетъ за Рикардо въ признаніи, что худшія земли ренты вовсе не даютъ. Но, устанавливая свою собственную категорію ренты, такъ называемую а б с о л ю т н у ю ренту—для всѣхъ земель, Марксъ въ различіи плодородія разныхъ участковъ видитъ источникъ для дифференціальной ренты. Однако, если Рикардо, не противорѣча своей теоріи цѣнности, могъ высказать предположеніе, что цѣн-

---

[1]) К. Марксъ, Капиталъ. Т. III. Шестой отдѣлъ.

ность земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется расходами ихъ производства на самыхъ худшихъ участкахъ, то допущеніе такого предположенія со стороны Маркса является жестокимъ противорѣчіемъ его собственной теоріи цѣнности. Цѣнность, по Марксу, опредѣляется не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое необходимо отдѣльному производителю для производства даннаго товара, но опредѣляется рабочимъ временемъ общественно необходимымъ, рабочимъ временемъ, требующимся при данныхъ среднихъ общественныхъ и производственныхъ условіяхъ. Трудъ на худшей землѣ—это не трудъ при среднихъ условіяхъ; средними общественными условіями земледѣльческаго труда необходимо считать обработку земли средняго качества, и, слѣдовательно, только этотъ трудъ и долженъ опредѣлять цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ. А въ такомъ случаѣ средняго качества участки не должны давать дифференціальной ренты; ее должны давать только участки съ землей качества выше средняго. Это значитъ, что дифференціальная рента должна быть такимъ же исключительнымъ явленіемъ, какимъ являются земельные участки высшаго плодородія; другими словами, дифференціальная рента должна быть разсматриваема какъ такое же исключительное явленіе, какъ surplusprofit—тотъ излишекъ надъ прибылью, который даютъ предпріятія, поставленныя случайно въ лучшія условія, чѣмъ другія подобныя имъ предпріятія.

Гораздо глубже затрагиваетъ Марксъ вопросъ, когда онъ переходитъ къ анализу того, что онъ называетъ абсолютной рентой. Тутъ Марксъ ставитъ вопросъ съ небывалой до него проницательностью и даетъ на вопросъ отвѣтъ, во всякомъ случаѣ не лишенный остроумія.

„Трудность, говоритъ онъ, заключается не въ томъ, чтобы объяснить вообще возникновеніе прибавочнаго продукта, произведеннаго земледѣльческимъ капиталомъ, и соотвѣтствующей ему прибавочной стоимости. Этотъ вопросъ, собственно говоря, разрѣшенъ при анализѣ прибавочной стоимости, которую производитъ всякій производительный капиталъ, въ какой бы отрасли онъ помѣщенъ ни былъ. Трудность заключается въ томъ, чтобы доказать, откуда возникаетъ избыточная часть прибавочной стоимости на капиталъ, помѣщенный въ землѣ, которую капиталистъ платитъ землевладѣльцу въ видѣ земельной ренты, откуда возникаетъ такой избытокъ, остающійся послѣ равномѣрнаго распредѣленія прибавочной стоимости между различными капиталами въ видѣ средней прибыли, соотвѣтственно ихъ относительнымъ величинамъ, послѣ распредѣленія всей прибавочной стоимости, произведенной общественнымъ капиталомъ во всѣхъ отрасляхъ производ-

ства, вмѣстѣ взятыхъ, откуда послѣ такого, повидимому, уже совершившагося распредѣленія всей прибавочной стоимости, которая вообще подлежала распредѣленію, является еще какая-то избыточная часть прибавочной стоимости, платимая въ видѣ ренты землевладѣльцу".

Разрѣшеніе вопроса Марксъ находитъ въ предположеніи, что строеніе капиталовъ въ земледѣліи ниже средняго общественнаго капитала, т.-е., что перемѣнная часть капитала въ земледѣліи относительно больше, а постоянная часть — относительно меньше. Для абсолютной ренты, говоритъ онъ, „достаточно сдѣлать такое предположеніе. Тамъ, гдѣ оно сдѣлано быть не можетъ, исчезаетъ также и соотвѣтствующая форма ренты". Слѣдовательно, Марксъ связываетъ вопросъ объ абсолютной рентѣ съ вопросомъ о строеніи капитала, и въ низкомъ строеніи земледѣльческаго капитала онъ видитъ источникъ ренты. Что земледѣльческій капиталъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ низкое строеніе—это фактъ, который, по словамъ самого же Маркса, долженъ быть доказанъ статистическимъ путемъ. Доказываетъ ли его статистика? Для провѣрки возьмемъ данныя американскихъ переписей. Относительно сельскаго хозяйства переписи не даютъ оцѣнки сырья, употребляемаго въ производствѣ. Приходится, поэтому, сопоставить только стоимость строеній и инвентаря въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности.

Для обрабатывающей промышленности возьмемъ данныя о капиталистическихъ предпріятіяхъ высшаго типа, консолидированныхъ въ тресты. Всего цензомъ 1900 года было зарегистрировано 183 треста, въ которые вошло 2147 отдѣльныхъ предпріятій. Эти предпріятія имѣли въ строеніяхъ капиталъ въ 254,5 мил. долларовъ и въ орудіяхъ производства—391,2 мил. дол.,— въ общемъ ихъ такъ называемый основной капиталъ равнялся 645,7 мил. дол. Но изъ общаго числа консолидированныхъ предпріятій дѣйствовало только 2029 или 94,5 проц. Предположивъ, что и соотвѣтственный процентъ основного капитала былъ въ эксплоатаціи, мы получаемъ, что сумма эксплоатировавшагося капитала не превышала 610,5 мил. дол. И этотъ капиталъ эксплуатировался 399,2 тыс. чел. въ среднемъ за годъ. Очевидно, что на одного рабочаго въ консолидированныхъ предпріятіяхъ приходится 1529 дол. въ среднемъ. Что эта сумма — максимумъ капитала, приходящагося въ обрабатывающей промышленности на рабочаго, видно изъ того, что всѣхъ видовъ капитала на

одного рабочаго во всей американской обрабатывающей промышленности, включая не только не консолидированную, но и мелкую промышленность,—приходится 1856 дол., между тѣмъ какъ въ одной консолидированной промышленности всѣхъ видовъ капитала приходится на одного рабочаго въ два раза болѣе—3600 дол. Съ другой стороны, въ самой консолидированной промышленности норма приходящагося на одного рабочаго капитала въ орудіяхъ производства и строеніяхъ замѣтно колеблется, поднимаясь въ выработкѣ напитковъ до 7530 дол. и опускаясь въ обработкѣ металловъ до 3411, въ химической промышленности до 2670, въ стальной до 1200, въ ткацкой до 1050 и въ экипажной даже до 670 дол.

Каково же отношеніе между рабочими и капиталомъ въ сельскомъ хозяйствѣ? Американскій цензъ 1900 года опредѣлилъ цѣнность сельскохозяйственныхъ строеній въ 3560 мил. дол. и инвентаря (живого и мертваго) въ 3839 мил. дол. Такимъ образомъ, оба вида сельскохозяйственнаго капитала цензомъ оцѣнены въ 7399 мил. дол. Что касается рабочихъ, которые эксплуатировали этотъ капиталъ, то ихъ число не опредѣлено статистикой. Но извѣстно, что всего сельскохозяйственнаго населенія старше 10 лѣтъ было въ 1900 г. 10,9 мил. чел. Вообще сельскохозяйственная семья считается состоящей изъ 6 чел., изъ коихъ работниковъ 3 чел. Такъ какъ наши данныя опредѣляютъ населеніе старше 10 лѣтъ, то слѣдуетъ принять, что на 3 работника приходится не 3, а только 2 незанимающихся профессіональнымъ трудомъ. По этому разсчету сельскому хозяйству Соединенныхъ Штатовъ отдаетъ свои силы 6 мил. чел., а на каждаго работника приходится капитала въ строеніяхъ и орудіяхъ 1233 дол. Послѣдняя цыфра мало чѣмъ отличается отъ капитала, приходящагося на одного рабочаго въ консолидированной промышленности. Между тѣмъ мы уже говорили, что въ консолидированной промышленности затрата капитала на одного рабочаго значительно выше, чѣмъ въ индустріи вообще, да и въ самой консолидированной промышленности нормы капитальныхъ затратъ сильно колеблятся по разнымъ отраслямъ.

Что полученная нами цыфра сельскохозяйственнаго капитала, приходящагося на одного рабочаго, не преувеличена, видно изъ слѣдующаго. По анкетѣ, произведенной въ Германіи, на 1 гектаръ земли тамъ приходится сельскохозяйственнаго капитала

вмѣстѣ съ земельнымъ 1453 марки, изъ коихъ на земельный капиталъ выпадаетъ 55,5 проц. Слѣдовательно, сельскохозяйственный капиталъ безъ земельнаго на 1 гектаръ оцѣнивается въ 647 марокъ, а такъ какъ на 1 рабочаго въ Германіи считается нормальнымъ участокъ въ 5 гектаровъ, то капиталъ, необходимый для эксплуатаціи его труда, опредѣляется въ 3235 марокъ или 770 дол. И это въ Германіи, гдѣ техника гораздо слабѣе развита, чѣмъ въ Америкѣ, и гдѣ поэтому роль капитала въ производствѣ гораздо слабѣе во всѣхъ видахъ промышленности, а въ сельскомъ хозяйствѣ въ особенности.

Мы не думаемъ, что нашъ разсчетъ исчерпываетъ вопросъ о строеніи сельскохозяйственнаго капитала, сравнительно съ индустріальнымъ. Во всякомъ случаѣ нашихъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы признать, что статистика не поддерживаетъ предположенія Маркса. При этомъ, если строеніе капитала и давало бы въ сельскомъ хозяйствѣ какія-либо преимущества въ смыслѣ повышенія нормы прибыли, то они были бы парализованы той особенностью сельскохозяйственной промышленности, по которой рабочій періодъ въ сельскомъ хозяйствѣ образуетъ только часть года, а потому только часть года сельскохозяйственный капиталъ впитываетъ въ себя живой трудъ, между тѣмъ какъ въ промышленности безпрерывное производство способствуетъ тому, что процессъ кристаллизаціи живого труда продолжается въ теченіе одного года.

Такимъ образомъ, какъ ни остроумно предположеніе, которое дѣлаетъ Марксъ относительно источника и происхожденія земельной ренты, его гипотезу приходится признать столь же неудачной, какъ и аналогичную гипотезу Родбертуса.

V.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія попытки, сдѣланныя до сихъ поръ экономистами, чтобы опредѣлить сущность и происхожденіе поземельной ренты. Несмотря на то, что въ этой области проявлено очень много творчества, нельзя сказать, что въ вопросѣ о поземельной рентѣ экономическая наука успѣла завоевать вполнѣ безспорныя позиціи. Наоборотъ, какъ видно изъ нашего анализа главнѣйшихъ попытокъ объясненія поземельной ренты, мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной теоріи, которая не вызы-

вала бы серьезныхъ возраженій. Заслуживаетъ, однако, вниманія слѣдующее обстоятельство. Какъ ни разнородны всѣ попытки объясненія поземельной ренты, онѣ имѣютъ одно общее между собою, которое въ однихъ случаяхъ выступаетъ прямо, а въ другихъ фигурируетъ въ прикрытомъ видѣ. Адамъ Смитъ прямо устанавливаетъ связь между поземельной рентой и монопольными цѣнами на продукты земли. Эта связь достаточно видна и у физіократовъ, такъ какъ ихъ „чистый продуктъ", какъ источникъ поземельной ренты, фактически является ни чѣмъ инымъ, какъ результатомъ относительно высокихъ цѣнъ на продукты земли. Большое родство съ теоріей ренты, построенной физіократами, имѣетъ рента Рикардо, которая основывается на томъ, что земледѣльческіе продукты оцѣниваются по производительности худшихъ земель; слѣдовательно, и тутъ исходнымъ моментомъ для ренты служатъ высокія цѣны. Можно было бы подумать, что у Родбертуса совершенно отсутствуетъ всякая связь между рентой и высокими цѣнами. Но разъ Родбертусъ, предполагая, что сельское хозяйство не имѣетъ капитала въ сырьѣ, строитъ цѣны на произведенія земли въ томъ разсчетѣ, какъ бы капиталъ въ сырьѣ имѣется, то не ясно ли, что и онъ въ общемъ исходитъ изъ того соображенія, что цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ расцѣниваются выше того, какъ онѣ должны были бы расцѣниваться, при условіи отсутствія въ сельскомъ хозяйствѣ сырья. Вѣдь норма прибыли и по Родбертусу стремится къ уравненію въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Очевидно, разъ въ сельскомъ хозяйствѣ норма прибыли имѣетъ тенденцію стоять выше средняго уровня, то это должно вызвать усиленный притокъ капиталовъ въ сельское хозяйство, что въ свою очередь неминуемо должно было бы привести къ упадку цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Если же этого нѣтъ, то ясно, что поземельная рента такъ или иначе связана съ цѣнами, которыя стоятъ выше того, какъ онѣ могли бы стоять. Все сказанное о теоріи ренты Родбертуса цѣликомъ относится и къ теоріи ренты Маркса. Почему Марксъ не думаетъ, что извѣстное строеніе капитала создаетъ благопріятныя условія для той или иной индустріи и допускаетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ предполагаемое имъ строеніе капитала даетъ именно этотъ результатъ? Очевидно, если въ сельскомъ хозяйствѣ высокую норму прибыли удается сохранить, между тѣмъ какъ въ той или иной обрабатывающей

промышленности она уничтожается въ соотвѣтственно пониженныхъ цѣнахъ на продукты, то ясно, что и по мнѣнію Маркса существуетъ извѣстное отношеніе между рентой и высокими цѣнами на продукты земли.

Всѣ дороги одинаково ведутъ въ Римъ. Какія бы остроумныя теоріи ренты ни придумывались, онѣ въ конечномъ результатѣ учитываютъ то же условіе, о которомъ Адамъ Смитъ говоритъ прямо и открыто, именно непосредственную связь поземельной ренты съ рыночными цѣнами на сельскохозяйственные продукты, т. е. учитываютъ то, противъ чего всѣ экономисты послѣ Адама Смита возстаютъ особенно упорно. И нужно сказать, что этой своей непослѣдовательностью экономисты обнаруживаютъ бо́льшую проницательность и большее пониманіе фактическихъ отношеній, чѣмъ тѣми своими теоретическими построеніями, которыя отличаются остроуміемъ и оригинальностью. Всего ближе къ реальному объясненію ренты стоитъ Марксъ. Онъ по существу не исключаетъ того факта, что земледѣльческіе продукты продаются по монопольной цѣнѣ, но, исходя изъ предполагаемаго имъ строенія сельскохозяйственнаго капитала, онъ думаетъ, что монопольная цѣна земледѣльческихъ продуктовъ объясняется не тѣмъ, что она стоитъ выше цѣнности, а тѣмъ, что она равна ей или даже ниже ея, но не стоитъ на уровнѣ возможныхъ цѣнъ, опредѣляемыхъ между прочимъ и строеніемъ капитала, какъ это происходитъ въ разныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности. Кромѣ того Марксъ допускаетъ, что на извѣстномъ уровнѣ рента основывается даже на настоящей монопольной цѣнѣ, которая опредѣляется „не цѣною производства, не стоимостью товаровъ, а потребностью и платежной способностью покупателя, и разсмотрѣніе которой относится къ ученію о конкуренціи, гдѣ изслѣдуется дѣйствительное колебаніе рыночныхъ цѣнъ“.

Трудно сказать, какой видъ приняла бы теорія ренты Маркса, если бы ему удалось „потребить“ „производительно“ или „теоретически“ тотъ богатый матеріалъ для изученія вопроса о поземельной рентѣ, который далъ такъ называемый сельскохозяйственный кризисъ, едва начавшій опредѣляться при жизни Маркса. „Вотъ уже два года, писалъ въ 1880 году Марксъ, какъ въ Times'ѣ — а также въ земледѣльческихъ другихъ газетахъ — печатаются письма фермеровъ, въ которыхъ приводятся статьи расходовъ, требуемыхъ для обработки ихъ фермъ, при чемъ они

сравниваютъ ихъ съ доходами, получаемыми ими при настоящихъ цѣнахъ, при чемъ въ концѣ концовъ оказывается положительный недочетъ. Вѣрите ли, что ни единому изъ спеціалистовъ, распространяющихся объ этихъ отчетахъ, даже и на мысль не пришло сообразить, какой видъ примутъ эти отчеты, если статья „рента“ во многихъ случаяхъ будетъ вычеркнута совершенно или очень чувствительно сокращена во многихъ другихъ“ [1]). Въ этихъ словахъ мы видимъ новое направленіе во взглядахъ Маркса на природу поземельной ренты, и не трудно сообразить, какой бы это дало результатъ, если бы Марксу пришлось присутствовать при развитіи сельскохозяйственнаго кризиса къ срединѣ 80-хъ гг. и въ особенности въ 90-ые годы. То, о чемъ въ 1880 году ни одинъ изъ „спеціалистовъ“, по свидѣтельству Маркса, не догадывался, было совершено на практикѣ, ибо уже въ срединѣ 80-хъ годовъ въ Англіи вполнѣ обнаружилось, что сельскохозяйственный кризисъ—не что иное какъ кризисъ поземельной ренты.

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что этотъ характеръ сельскохозяйственнаго кризиса въ Англіи не является исключительной особенностью 80-хъ гг. Въ Англіи сельскохозяйственные кризисы были и ранѣе, и каждый такой кризисъ отзывался прежде всего на поземельной рентѣ—съ той разницей, что до уничтоженія хлѣбныхъ пошлинъ каждый кризисъ сопровождался затрудненіемъ хлѣбнаго привоза и искусственнымъ вслѣдствіе этого повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Первый кризисъ въ теченіе настоящаго столѣтія разразился въ 1802 году, а въ 1804 году былъ проведенъ билль, поднявшій пошлину на ввозный хлѣбъ. Затѣмъ въ виду того, что землевладѣльцы выражали опасеніе относительно упадка ренты, хлѣбная пошлина была повышена и въ 1814 году. Въ 1820 г. вслѣдствіе четырехъ предшествовавшихъ хорошихъ урожаевъ цѣна пшеницы упала до 38 шил. за квартеръ, ренты стали уплачиваться плохо и „поднялись жалобы землевладѣльцевъ... на ихъ бѣдственное положеніе“. Во время кризиса 30-хъ годовъ мы уже встрѣчаемся съ фактами запущенія полей. Во многихъ мѣстахъ обработка земли убавилась на двѣ трети, и это тамъ, гдѣ лэндлорды отказывались сбавить ренту.

---

[1]) Письмо приведено въ предисловіи къ русскому изданію второго тома „Капитала“.

Тамъ же, гдѣ лэндлорды были болѣе сговорчивы, запущеніе полей не замѣчалось. Такимъ образомъ уже въ первую половину XIX ст. каждый сельскохозяйственный кризисъ въ Англіи сопровождался либо усиліемъ монопольности хлѣбныхъ цѣнъ при посредствѣ пошлинъ, либо сокращеніемъ ренты, либо, наконецъ, запущеніемъ полей [1]).

Этотъ процессъ особенно усилился въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Освободившись отъ хлѣбныхъ пошлинъ, Англія болѣе къ нимъ не возвращалась; этимъ она разъ на всегда покончила съ монопольными цѣнами на продукты земли. Какой же это дало результатъ для англійскаго сельскаго хозяйства? Когда усовершенствованные пути сообщенія сблизили съ англійскими потребительными рынками страны съ дешевымъ хлѣбомъ, англійское сельское хозяйство вступило въ критическій періодъ, который длится до сихъ поръ. Раньше новое состояніе англійскаго сельскаго хозяйства называлось общимъ названіемъ кризиса. Теперь, однако, для всѣхъ уже ясно, что Англія не съ обыкновеннымъ кризисомъ имѣетъ дѣло, а съ упадкомъ сельскаго хозяйства, который происходитъ какъ слѣдствіе двухъ причинъ: широкаго развитія крупнаго землевладѣнія и дороговизны поземельной ренты. Мѣстами находятъ еще возможнымъ бороться съ результатами низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ путемъ пониженія ренты, и рента съ каждымъ годомъ все падаетъ ниже и ниже. Но въ частной земельной собственности, само собою разумѣется, лежитъ предѣлъ, ниже котораго рента опуститься не можетъ, и тогда наступаетъ моментъ, когда земля вовсе уходитъ изъ сельскохозяйственнаго оборота.

Къ инымъ послѣдствіямъ сельскохозяйственный кризисъ приводитъ въ странахъ европейскаго континента. Въ такихъ странахъ, какъ Бельгія и Данія, низкія цѣны, подрывающія фундаментъ, на которомъ держится рента, приводятъ къ тому, что земля переходитъ въ руки самихъ земледѣльцевъ, которые, такимъ образомъ, освобождаются отъ необходимости оплачивать монопольное право землевладѣльца на землю. Въ другихъ странахъ—напр., въ Германіи, Франціи, Италіи—гдѣ государство считаетъ себя обязаннымъ выступать въ защиту права землевла-

---

1) Большой матеріалъ по этому вопросу сгруппированъ Н. Каблуковымъ въ его работѣ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи.

дѣльцевъ на ренту, монопольный характеръ хлѣбныхъ цѣнъ оберегается пошлинами на иноземный привозъ.

Все сказанное лучше всего раскрываетъ истинную природу поземельной ренты. Не какое-нибудь исключительное плодородіе земель, не какія-нибудь особенныя усовершенствованія въ техникѣ, не какія-нибудь другія преимущества въ производствѣ и сбытѣ служатъ для такихъ странъ, какъ Россія, Америка, Аргентина, средствомъ конкуренціи на хлѣбныхъ рынкахъ Западной Европы, а одна дешевизна земли и, какъ слѣдствіе этой дешевизны, низкія нормы поземельной ренты. Столкновеніе дорогого хлѣба съ дешевымъ—это не что иное, какъ столкновеніе высокихъ рентъ съ низкими рентами. До тѣхъ поръ, пока Западная Европа сама могла нормировать хлѣбныя цѣны, рентѣ грозила одна опасность—отъ случайнаго совпаденія ряда хорошихъ урожаевъ. Связанная съ монопольными цѣнами, рента не могла мириться съ переполненіемъ хлѣбныхъ рынковъ, нарушавшимъ силу монопольности хлѣбныхъ цѣнъ. Но когда на сцену выступили страны съ землей сравнительно дешевой, либо вовсе лишенной цѣнности, какъ, напр., отдаленные штаты Сѣверной Америки, Канада, Австралія, то стали обычнымъ явленіемъ тѣ сравнительно низкія хлѣбныя цѣны, которыя въ былое время являлись результатомъ случайнаго совпаденія ряда урожайныхъ лѣтъ.

VI.

Но если поземельная рента имѣетъ непосредственную связь съ монопольными цѣнами на продукты земли, то важно выяснить, какого рода эта связь: что тутъ является причиной и что слѣдствіемъ. Адамъ Смитъ и всѣ послѣдующіе экономисты, прямо или косвенно, устанавливали тотъ взглядъ, что рента—не причина, а слѣдствіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. До извѣстной степени это совершенно справедливо. Но для того, чтобы понять значеніе указаннаго факта, необходимо имѣть въ виду особенности положенія землевладѣльца сравнительно съ капиталистомъ. Капиталистъ разсматривается экономистами, какъ лицо, совершенно свободное въ распоряженіи своимъ капиталомъ. Если какая-либо отрасль промышленности не даетъ капиталисту нормальной прибыли, онъ оставляетъ ее и переводитъ свой капиталъ въ другую отрасль промышленности. Буквально и въ полной

степени такая подвижность капиталовъ не оправдывается на практикѣ. Всякій переходъ капиталовъ изъ одной промышленности въ другую сопряженъ со значительными убытками, безъ крайности къ такому переходу, слѣдовательно, не прибѣгаютъ, потому сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ, что въ теченіе большого числа лѣтъ разныя промышленности даютъ разныя нормы прибыли. Однако, когда прибыль опускается ниже опредѣленнаго предѣла, это заставляетъ капиталы мѣнять предметы своего приложенія, хотя бы такой актъ и сопровождался потерями. Такимъ образомъ, у капиталиста все-таки имѣется до извѣстной степени возможность отстаивать необходимую прибыль. Въ иномъ положеніи находится землевладѣлецъ. Земля, которая служитъ источникомъ его дохода, которая поставляетъ ему ренту, можетъ быть использована однимъ только способомъ: она либо обрабатывается и тогда даетъ ренту, либо нѣтъ и тогда приходится распрощаться и съ рентой. Слѣдовательно, если существуютъ условія, которыя вліяютъ на ренту невыгодно, землевладѣлецъ все-таки не имѣетъ возможности изъять землю изъ обработки, потому что тогда онъ потеряетъ всю ренту. Другими словами, въ то время какъ капиталистъ, путемъ обращенія къ новымъ отраслямъ промышленности, можетъ такъ или иначе оказывать воздѣйствіе на рынокъ,—землевладѣльцу остается только подчиняться требованіямъ рынка, потому что со своей землей онъ ни въ одной отрасли промышленности не можетъ имѣть того значенія, которое онъ имѣетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ Прометей былъ пригвожденъ къ скалѣ, такъ землевладѣлецъ со своей землей пригвожденъ къ сельскому хозяйству. Въ этомъ-то и лежитъ объясненіе того, почему землевладѣлецъ можетъ только пользоваться результатами монопольныхъ цѣнъ, но не можетъ создавать ихъ самъ, если, впрочемъ, государство не приходитъ ему на помощь.

Крайне ошибочно, однако, предполагать, что рента существуетъ сама по себѣ, внѣ того или иного воздѣйствія землевладѣльца. Дѣло только въ томъ, что нынѣшніе землевладѣльцы пожинаютъ плоды отъ посѣвовъ, сдѣланныхъ въ прошлыя времена, что нынѣшіе землевладѣльцы пользуются результатами воздѣйствія, имѣющаго историческое происхожденіе, унаслѣдованнаго отъ тѣхъ временъ, когда землевладѣльцы обладали дѣйствительной силой воздѣйствія на хозяйственную конъюнктуру. На нашъ взглядъ, всѣ затрудненія экономистовъ къ тому именно

сводятся, что они игнорируютъ, что ренту необходимо понимать, какъ историческую категорію, имѣющую объясненіе только въ историческихъ фактахъ и условіяхъ, такъ какъ рента создана не новыми условіями хозяйственнаго существованія, а условіями докапиталистическаго строя экономической жизни.

Когда мѣстное потребленіе удовлетворялось только мѣстнымъ производствомъ, когда разстояніе въ сотню-другую верстъ препятствовало продуктамъ однѣхъ земель конкурировать съ продуктами другихъ, когда всякая мелкая территоріальная единица являлась чѣмъ-то совершенно замкнутымъ либо естественными границами, либо приходившими послѣднимъ на помощь границами политическими, подъ которыми мы разумѣемъ внутренніе таможенные шлагбаумы,—въ это время землевладѣлецъ былъ неограниченнымъ господиномъ положенія, имѣя почти неограниченный просторъ, въ установленіи высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, обезпечивать себѣ достаточную на его взглядъ поземельную ренту. Въ XVII ст. французскіе города вели отчаянную борьбу съ землевладѣльцами, которые употребляли всяческія хитрости, чтобы поддерживать хлѣбную дороговизну [1]). Д. Аржансонъ, генералъ-лейтенантъ парижской полиціи, писалъ въ декабрѣ 1697 г.: „Сеньоры сосѣднихъ земель и фермеры стараются не открывать своихъ амбаровъ до тѣхъ поръ, пока цѣна не достигнетъ наивысшаго предѣла. У фермеровъ есть эмиссары, которые распускаютъ тревожные слухи на базарахъ и производятъ покупки хлѣба единственно съ цѣлью уменьшить его обиліе на рынкѣ и продать его съ барышомъ“. Чрезъ годъ о томъ же пишетъ интендантъ Де-Вобуръ. „Дороговизна, по его словамъ, есть слѣдствіе жадности частныхъ лицъ, придерживающихъ хлѣбъ и разсчитывающихъ продать его дороже около Пасхи“.

Тамъ, гдѣ, благодаря удобнымъ путямъ сообщенія или близости странъ съ дешевымъ хлѣбомъ, землевладѣлецъ не могъ полагаться на собственныя силы для обезпеченія себѣ ренты, ему на помощь приходило съ предупредительнымъ содѣйствіемъ государство, являвшееся костью отъ его кости, и, установленіемъ пошлинъ на привозный хлѣбъ въ однихъ случаяхъ, а также выдачей премій на хлѣбный вывозъ въ другихъ, содѣйствовало землевладѣльцу устанавливать необходимыя для его ренты хлѣб-

---

1) Г. Е. Аѳанасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи. Гл. I.

ныя цѣны. Обильный матеріалъ, иллюстрирующій эту практику, даетъ исторія таможенной политики въ Англіи. Годы изобилія 1666—1671 повели къ запретительному закону, по которому пшеница обложена была таможенной пошлиной въ 16 шил. 4 пенса, если цѣна ея стоитъ ниже 53 шил. 4 пенсовъ за квартеръ, и пошлиною въ 8 шил., когда цѣна ниже 80 шил. Послѣ революціи была установлена даже вывозная премія въ 5 шил. на квартеръ, когда цѣна не превышала 48 шил. „Когда цѣны падали, какъ случилось это въ періодъ 1715—1765 гг., повсюду поднимались жалобы на бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства, въ концѣ концовъ всегда сводящееся къ уменьшенію ренты землевладѣльцевъ". И правительство такъ отзывчиво относилось къ этимъ жалобамъ, что въ концѣ концовъ дорогія цѣны, по справедливому выраженію Роджерса, вошли въ привычку [1]).

Нельзя не учесть и того обстоятельства, что въ то время, когда создавалась почва для ренты, когда рента пускала глубокіе корни въ народномъ сознаніи, индустрія еще не имѣла того характера, какой она получила теперь, характера важнѣйшаго источника народной доходности и широкаго объекта для приложенія народнаго труда; капиталъ и трудъ принуждены были видѣть въ землѣ главный, иногда и единственный объектъ, для своего приложенія. Въ этомъ обстоятельствѣ землевладѣлецъ находитъ дополнительное, временами весьма серьезное, средство для обезпеченія себѣ ренты. Когда монопольныя цѣны не служили достаточнымъ источникомъ ренты, или совпаденіе какихъ-либо иныхъ явленій вліяло на ренту неблагопріятно,—волей-неволей приходилось въ однихъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, случаяхъ капиталу, а въ другихъ—и они дѣйствовали всего чаще и сильнѣе—труду отвѣчать на настоятельныя требованія землевладѣльца. Въ Англіи жалобы фермеровъ на чрезмѣрно высокую ренту, не стоящую ни въ какой связи съ цѣнами, отмѣчается уже для XVI ст. Одинъ епископъ писалъ въ XVI ст.: „Отецъ мой имѣлъ ферму, за которую платилъ ежегодно отъ 3 до 4 ф. стерлинговъ... Ферма его давала возможность надѣлить приданымъ въ 5 ф. ст. или 10 марокъ всѣхъ своихъ дочерей, принимать гостей и давать бѣднымъ милостыню. Теперешній фермеръ платитъ за ту же самую

---

1) Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи. Стр. 400 и 378.

землю 16 ф. ст. аренды, и ему не остается ничего для королевскихъ податей и собственныхъ сбереженій для обезпеченія своихъ дѣтей и для бѣдныхъ“ [1]).

Особенно въ Англіи благопріятенъ былъ для ренты XVII вѣкъ, когда „ренты увеличились въ шесть и восемь разъ“, и это „было результатомъ сильнаго и продолжительнаго давленія“. Извѣстную роль тутъ сыграло повышеніе цѣнъ, которое „было прежде всего слѣдствіемъ безчестнаго и обманнаго образа дѣйствій правительства“ [2]). Не мало, однако, пострадали и арендаторы. Положеніе послѣднихъ характеризуется слѣдующими словами писателя XVII ст. Плэттза. „Я не вижу, говоритъ онъ, причины, почему бы арендаторъ... сталъ стараться, если выгоды отъ его трудовъ идутъ въ чужіе карманы“ [3]) (землевладѣльцевъ) Не лучше было дѣло и въ XVIII ст. Артуръ Юнгъ, яростный защитникъ сельско-хозяйственнаго прогресса, считаетъ самой мудрой хозяйственной политикой порядокъ, по которому трудъ дешевъ, какія бы лишенія ни возникли отъ этого для трудящихся классовъ, а увеличеніемъ ренты до крайнихъ размѣровъ возбуждаютъ энергію арендатора и лѣчатъ его отъ безпечности и невѣжества. Юнгъ опредѣляетъ арендную плату для своего времени около 10 шил., а это было выше, чѣмъ въ средніе вѣка, въ 20 разъ, между тѣмъ цѣна пшеницы увеличилась въ $6^1/_2$ разъ, а заработная плата даже въ $3^1/_2$ раза [4]). Слѣдовательно, рента увеличилась въ 3 раза сильнѣе, чѣмъ цѣна на пшеницу, а увеличенная заработная плата осталась позади удорожанія пищевыхъ продуктовъ, т.-е. положеніе рабочихъ классовъ ухудшилось. Какъ сильно пострадалъ рабочій отъ роста ренты, видно изъ того, что въ XVIII ст. для пріобрѣтенія такого же количества продуктовъ, что въ XV ст., требовался заработокъ, въ $7^1/_2$ разъ большій [5]). Ясно, что и при увеличенной заработной платѣ положеніе труда стало въ 2 раза хуже.

Какое значеніе эксплоатація фермера и рабочаго со стороны землевладѣльца могла имѣть для ренты въ докапиталистическое время, можно, отчасти, видѣть по обстановкѣ, въ которой про-

---

1) Тамъ же, стр. 369.
2) Роджерсъ, стр. 372 и 374.
3) Тамъ же, стр. 377.
4) Тамъ же, стр. 393 и 396.
5) Тамъ же, стр. 399.

исходитъ нормировка ренты въ нѣкоторыхъ странахъ нашего времени. Въ Германіи, гдѣ голосъ юнкера имѣетъ до сихъ поръ рѣшающую силу въ политикѣ, и гдѣ значительная часть народнаго потребленія покрывается привознымъ хлѣбомъ, государство стоитъ на стражѣ поземельной ренты традиціоннымъ способомъ—пошлинами на привозный хлѣбъ, которыя увеличиваются съ каждымъ новымъ пересмотромъ таможенныхъ тарифовъ. Это средство, конечно, недоступно такимъ государствамъ, какъ Россія, которая не только не привозитъ иноземнаго хлѣба, но нуждается въ вывозѣ для своего собственнаго. Зато здѣсь слабое развитіе внѣсельско-хозяйственной промышленности и малоземелье крестьянскихъ массъ заставляютъ послѣднихъ, арендуя частновладѣльческія земли, отдавать, въ видѣ ренты, предпринимательскую прибыль, а также часть заработной платы, когда одна предпринимательская прибыль не удовлетворяетъ аппетитовъ землевладѣльцевъ.

Намъ скажутъ: поскольку поземельная рента зависитъ отъ такого неэкономическаго фактора, какъ монопольная цѣна, или связана съ искусственной эксплоатаціей землевладѣльцемъ арендатора или рабочаго, постольку ее нельзя разсматривать, какъ необходимую категорію капиталистическаго дохода, наравнѣ съ капиталистическою прибылью и заработной платой. Совершенно справедливо. Все дѣло въ томъ, что на поземельную ренту въ самомъ дѣлѣ нельзя смотрѣть, какъ на категорію капиталистическаго дохода. Рента—порожденіе феодализма. Съ того времени, какъ земля стала частной собственностью, она начала давать землевладѣльцу безвозмездный доходъ. И то обстоятельство, что съ наступленіемъ денежнаго хозяйства натуральный доходъ землевладѣльца, доходъ, который поставлялся ему крѣпостными, превратился въ доходъ денежный,—это обстоятельство ничего не измѣнило въ томъ, что рента досталась капиталистическому времени, какъ наслѣдіе феодализма. Но поскольку новому времени удалось освободиться отъ феодализма въ его политической формѣ, постольку непосильной для него оказалась борьба съ матеріальной основой феодализма—частной поземельной собственностью, не только не оказывающей никакихъ услугъ капитализму, но служащей тяжелымъ тормазомъ для свободной предпріимчивости капитала и труда, этихъ двухъ рычаговъ капиталистическаго хозяйства. Рента, слѣдовательно, имѣетъ свое объясненіе

только въ исторіи и въ тѣхъ пережиткахъ, съ которыми волей-неволей приходится считаться вслѣдствіе того, что въ капиталистическій фазисъ экономической жизни врѣзался чисто феодальный клинъ—земельная собственность. Вотъ почему капитализмъ до сихъ поръ разсматривался, какъ противорѣчіе для сельскаго хозяйства. Ошибка была только въ томъ, что не сельскому хозяйству противорѣчитъ капитализмъ, а частной земельной собственности. Отражается же это противорѣчіе на сельскомъ хозяйствѣ потому, что безъ земли сельское хозяйство существовать не можетъ. Роль молодыхъ странъ съ очень дешевой землей или землей не составляющей даже вовсе частной собственности, въ такъ называемомъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ объясняется не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что ихъ земля либо вовсе не обременена никакою „наслѣдственностью“, либо обременена ею въ слабой степени. Поэтому по мѣрѣ того, какъ старые Штаты Сѣверной Америки подчиняются взгляду на землю, существующему въ странахъ старой культуры, сельское хозяйство и тамъ падаетъ, передвигаясь все болѣе на Западъ и къ границѣ Канады.

VII.

Итакъ, рента существуетъ потому, что землевладѣлецъ имѣетъ возможность заставлять либо потребителя, либо земледѣльца уплачивать ее ему. Отсюда слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока земля находится въ рукахъ землевладѣльца, а конкуренція между хлѣбомъ, свободнымъ отъ ренты, и хлѣбомъ, обремененнымъ ею, не достигла той силы, при которой возможность монопольныхъ цѣнъ была бы устранена вовсе, до тѣхъ поръ рента существуетъ, ибо до тѣхъ поръ земля безъ ренты земледѣльцу недоступна, а процессъ формированія хлѣбныхъ цѣнъ обремененъ историческими гирями. То, что происходитъ теперь съ сельскимъ хозяйствомъ и что обычно называется сельскохозяйственнымъ кризисомъ, есть въ самомъ дѣлѣ вполнѣ нормальная эволюція, вызванная наступательнымъ ходомъ хозяйственной жизни, ведущей сельское хозяйство быстрыми шагами къ освобожденію отъ феодальныхъ цѣпей путемъ уничтоженія поземельной ренты. Институтъ земельной собственности обреченъ на гибель безразлично. Если его не уничтожитъ народное сознаніе, то онъ сдѣлается жертвой постепенно приближающейся къ естественной смерти

поземельной ренты. Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, какова будетъ возможная судьба земельной ренты, если народное сознаніе опередитъ необходимый ходъ событій. Но подобный вопросъ умѣстенъ въ такихъ странахъ, какъ Германія, гдѣ сущность и характеръ ренты затемняются тѣмъ, что, при посредствѣ создаваемыхъ таможенной политикой монопольныхъ цѣнъ, къ ея уплатѣ привлекается все населеніе, хотя и тутъ, обременяя предметы первой необходимости, рента ложится главной своей тяжестью на малосостоятельные слои населенія, точнѣе на рабочіе классы, вызывая острое недовольство и возмущеніе. Въ такихъ странахъ, какъ Россія, вопросъ упрощается. Тутъ рента уплачивается не столько потребителемъ, сколько земледѣльцемъ, и вполнѣ очевидно, что вопросъ о рентѣ есть вопросъ о справедливомъ вознагражденіи труда, вопросъ объ освобожденіи земледѣльческаго населенія, вѣрнѣе трудового крестьянства, отъ уплачиваемой имъ землевладѣльцу дани. Въ Россіи, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Западной Европѣ, и наравнѣ съ другими странами хлѣбнаго экспорта, уничтоженіе земельной собственности должно идти рука объ руку съ уничтоженіемъ ренты.

Если у англійскаго земледѣльца былъ бы вопросъ о судьбѣ ренты и тогда, когда института земельной собственности не стало бы, такъ какъ близость большихъ потребительныхъ рынковъ даетъ англійскому земледѣльцу возможность продавать хлѣбъ съ нѣкоторой преміей надъ цѣной, которую выручаетъ американскій или русскій земледѣлецъ, продающій Англіи свои произведенія, то никакихъ такихъ вопросовъ не можетъ быть въ странахъ хлѣбнаго экспорта, которыя уже теперь должны продавать свой хлѣбъ по нормальнымъ цѣнамъ, по цѣнамъ производства. Слѣдуетъ болѣе сказать: если подъ рентой понимать не все то, что уплачиваетъ земледѣлецъ землевладѣльцу за пользованіе собственностью послѣдняго, а только излишекъ, остающійся отъ монопольной цѣны продуктовъ земли надъ ихъ нормальной цѣной, то въ Россіи и ей подобныхъ странахъ уже и теперь о поземельной рентѣ нельзя говорить, потому что ее всю успѣло поглотить то, что называютъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ и что въ дѣйствительности есть борьба съ историческими пережитками, борьба свободнаго торговаго обмѣна съ остатками мѣновыхъ отношеній, опирающихся на разныя произвольныя дѣй-

ствія, искусственно вздувающія цѣны по соображеніямъ, съ экономикой ничего общаго не имѣющимъ.

Такимъ образомъ, мы получаемъ совершенно опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами въ началѣ очерка вопросъ о судьбѣ поземельной ренты при соціализаціи земли. Не имѣя никакаго иного для себя объясненія, кромѣ того, что существуетъ институтъ поземельной собственности, черпая источникъ для себя изъ эксплоатаціи либо потребителя, либо арендатора, либо рабочаго, либо и того, и другого, и третьяго въ совокупности, а вовсе не изъ особенностей сельскохозяйственной промышленности и поставляемаго ею дохода, какъ думали экономисты до сихъ поръ,—поземельная рента неминуемо должна перестать существовать въ тотъ моментъ, когда будетъ уничтоженъ институтъ поземельной собственности. Слѣдовательно, совершенно ошибочна позиція сторонниковъ націонализаціи земли, полагающихъ, что только съ переходомъ въ руки государства земли, а потому и поземельной ренты, будетъ устранена историческая несправедливость. Если государство, сдѣлавшись собственникомъ земли, будетъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ дохода, для каковой цѣли будетъ сохранена поземельная рента,—оно должно будетъ принять на себя и всѣ функціи землевладѣльца, т.-е., устранивъ частнаго эксплоататора потребителя, фермера и рабочаго, государство само станетъ на его мѣсто. Разрѣшитъ ли это земельную проблему, предъ которой стоитъ человѣчество съ перваго же дня, какъ земля волей историческихъ судебъ пріобрѣла собственника? Если все дѣло въ томъ, чтобы уравнять интересы всѣхъ земледѣльцевъ путемъ передачи поземельной ренты государству, то эта задача, конечно, достигается націонализаціей земли. Но ни потребитель, ни арендаторъ, ни тѣмъ болѣе рабочій отъ реформы не выиграютъ ничего, такъ какъ для нихъ безразлично, кто будетъ выколачивать земельную ренту—самъ ли частный землевладѣлецъ или государство въ роли частнаго землевладѣльца. Наоборотъ, въ тотъ моментъ, когда поземельная рента будетъ присвоена государствомъ, историческая несправедливость получитъ всю ту силу незыблемости, которую ей придастъ государственный авторитетъ.

Возможно такое предположеніе. Сдѣлавшись единственнымъ собственникомъ земли, государство откажется отъ ренты, какъ результата эксплоатаціи разныхъ категорій населенія, но оно

получитъ достаточную для себя компенсацію въ рентѣ, какъ излишекъ въ доходахъ лучшихъ земель сравнительно съ худшими, или, употребляя терминологію Маркса, государство откажется отъ абсолютной ренты, сохранивъ дифференціальную. Но еще Родбертусъ указалъ, что дифференціальная рента не оправдывается фактическимъ положеніемъ вещей. Такъ какъ доходность земли опредѣляется не только ея плодородіемъ, но и рядомъ другихъ факторовъ, между тѣмъ мы нигдѣ не видимъ, чтобы участки земли располагались въ такомъ порядкѣ, какъ это предполагали Рикардо, Тюнинъ и др., то вполнѣ справедливо предположеніе Родбертуса, что разные факторы сельскохозяйственной доходности взаимно уничтожаются, уравнивая тѣмъ самымъ доходность различныхъ земельныхъ участковъ [1]). Слѣдуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что, если при мало развитыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, нѣкоторыя, хотя далеко не существенныя, различія въ доходности разныхъ участковъ имѣются, то съ прогрессомъ сельскохозяйственной культуры уравнивается плодородіе различныхъ земель, съ усовершенствованіемъ организаціи производства каждый участокъ земли получаетъ возможность быть использованнымъ въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ его природными качествами, и, наконецъ, съ улучшеніемъ путей сообщенія и установленіемъ перевозныхъ тарифовъ на раціональномъ фундаментѣ устраняется вліяніе различнаго расположенія земельныхъ участковъ въ отношеніи центровъ потребленія. Французскіе крестьяне говорятъ: tel seigneur—telle terre, и это самая вѣрная оцѣнка вліянія различныхъ качествъ земли на доходъ: всякая земля хороша въ умѣлыхъ и знающихъ рукахъ—одна земля для одной цѣли и другая—для другой. Вообще и намъ общее правило, если дифференціальная рента еще имѣетъ какое-нибудь значеніе въ мало развитомъ народномъ хозяйствѣ, то съ его прогрессомъ и оно аннулируется.

---

[1]) Съ этимъ утвержденіемъ автора на счетъ дифференціальной ренты мы не можемъ вполнѣ согласиться. Впрочемъ, если бы значеніе дифференціальной ренты было вполнѣ ничтожнымъ, а въ будущемъ и вовсе „аннулировалось“, то автору пришлось бы оспаривать право коллектива облагать спеціальнымъ налогомъ добавочный доходъ съ земли, обусловленный разнымъ качествомъ ея. Но онъ „не оспариваетъ“ этого налога, очевидно, признавая его справедливость и понимая, что безъ него нельзя установить уравнительность трудового пользованія землей.

Прим. редакціи.

Дифференціальная рента и теперь должна разсматриваться, какъ явленіе исключительное, столь же исключительное, какъ та добавочная прибыль (surplusprofit), которая и въ индустріи дается предпріятіями, почему-либо находящимися въ исключительно выгодныхъ условіяхъ. Составитъ ли такая добавочная прибыль самостоятельный видъ національнаго дохода? На этотъ вопросъ отрицательно отвѣчаетъ и Марксъ, который въ данномъ случаѣ почему-то одну и ту же добавочную прибыль находитъ возможнымъ называть просто добавочной прибылью, когда рѣчь идетъ объ индустріи, и спеціальнымъ терминомъ дифференціальной ренты, когда добавочная прибыль доставляется сельскимъ хозяйствомъ. Никто не станетъ оспаривать права государства обкладывать спеціальнымъ налогомъ ту добавочную прибыль, которая выручается вслѣдствіе совпаденія случайно сложившихся обстоятельствъ или тѣхъ или иныхъ улучшеній, получившихся, какъ результатъ воздѣйствія государства на хозяйственную жизнь. Можно только спорить о томъ, чьимъ правомъ должно быть такое спеціальное обложеніе: самого ли государства, общинъ ли, либо болѣе крупныхъ публичныхъ коллективовъ? Но, кому бы ни принадлежало право устанавливать спеціальные налоги на доходы земли, оно ничего общаго не можетъ имѣть съ правомъ собственника взимать поземельную ренту исключительно потому, что существуетъ поземельная собственность.

Вотъ почему идея выкупа частновладѣльческой собственности за счетъ поземельной ренты, которая, якобы, существуетъ, какъ самостоятельный доходъ, чужда земельной проблемѣ, предъ которой мы теперь стоимъ. Сохраненіе поземельной ренты и одновременное соблюденіе справедливыхъ интересовъ земледѣльца— это задача, въ корнѣ противорѣчащая истинной природѣ поземельной ренты. Кого земледѣлецъ будетъ эксплоатировать для того, чтобы получать ту сверхъ-прибыль, которая образуетъ поземельную ренту? Въ качествѣ предпринимателя и рабочаго одновременно, земледѣлецъ могъ бы имѣть поземельную ренту въ одномъ случаѣ—если бы государство обезпечило ему монопольную цѣну на его произведенія. Не говоря о томъ, что такая политика совершенно недоступна странамъ хлѣбнаго экспорта, но и въ странахъ, потребляющихъ привозный хлѣбъ, сохраненіе монопольныхъ цѣнъ съ цѣлью дать возможность земледѣльцу платить государству поземельную ренту было бы очевиднымъ фи-

нансовымъ абсурдомъ, такъ какъ это было бы установленіемъ прикрытаго косвеннаго налога, когда государство можетъ его установить и не въ замаскированномъ видѣ, если онъ ему нуженъ...

И такъ, соціализація земли, какъ отрицаніе земельной собственности, есть въ тоже время и отрицаніе поземельной ренты. Въ тотъ моментъ, когда земледѣлецъ скажетъ: я имѣю право на землю, въ тотъ же моментъ онъ скажетъ: я ни предъ кѣмъ не обязанъ поземельной рентой.

С. Закъ.

Соціализація земли и прогрессъ сельскаго хозяйства.

I.

Понятіемъ прогресса сельскаго хозяйства можетъ быть охвачено весьма широкое содержаніе. Въ это содержаніе могутъ входить одинаково, какъ вопросы производства, такъ и вопросы распредѣленія. Соціализація земли рѣшаетъ сама по себѣ вопросъ о возможно болѣе равномѣрномъ распредѣленіи основного средства земледѣльческаго производства, но вопросъ о производительности земли и труда, при этой системѣ, остается открытымъ. Посильный отвѣтъ на вопросъ о направленіи развитія хозяйственныхъ производительныхъ силъ, при соціализаціи земли, и составляетъ основное содержаніе настоящей статьи. Производительныя силы сельскаго хозяйства—земля, трудъ и капиталъ; приближеніемъ къ наиболѣе цѣлесообразному и планомѣрному взаимодѣйствію этихъ факторовъ производства и создается производительность сельскаго хозяйства. При существующемъ земельномъ правовомъ строѣ участіе каждаго фактора въ производствѣ направляется въ опредѣленныхъ предѣлахъ институтомъ частной собственности на землю. Отмѣна частной поземельной собственности, установленіе соціализаціи земли на основѣ всеобщаго и равнаго права гражданъ на землю принесетъ съ собою коренное измѣненіе во взаимоотношеніи сельскохозяйственныхъ производительныхъ силъ. Чтобы выяснить себѣ содержаніе этихъ измѣненій, необходимо прежде всего остановиться на опредѣленіи производственнаго значенія—земли, труда и капитала при существующемъ частно-правовомъ земельномъ строѣ Россіи, а также и на тѣхъ преобразованіяхъ, которыя наступятъ въ факторахъ земледѣльческаго производства, при установленіи соціализаціи земли. Прежде всего попытаемся выяснить участіе въ сельскохозяйственномъ производствѣ важнѣйшаго изъ его факторовъ—земли.

Наиболѣе продуктивной формой сельскохозяйственнаго пользованія земной поверхностью является назначеніе земли подъ посѣвы. Высшая продуктивность этой формы пользованія обусловливается тѣмъ, что собираемыя съ полей растительныя массы служатъ непосредственно или черезъ посредство скотоводства и технической переработки удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ нуждъ человѣка. Кормовые продукты для скота въ наибольшемъ количествѣ могутъ быть получены также при посѣвѣ травъ въ поляхъ. Въ указанномъ отношеніи болѣе продуктивными могутъ быть только угодья, находящіяся въ исключительныхъ условіяхъ, какъ, напр., естественные выгоны, въ родѣ альпійскихъ горныхъ пастбищъ, приморскихъ низменностей, или заливные покосы. Однако, всѣ угодья послѣдней категоріи могутъ имѣть существенное хозяйственное значеніе только въ мѣстностяхъ, находящихся въ исключительныхъ условіяхъ. Внѣ этихъ мѣстностей ихъ хозяйственное значеніе ничтожно.

Наименѣе прогрессивной формой сельскохозяйственнаго пользованія слѣдуетъ считать отведеніе значительныхъ площадей подъ лѣсъ. Въ то время какъ потребности, удовлетворяемыя продуктами полеводства, не поддаются замѣщенію иначе, какъ вредными для жизни и здоровья суррогатами, потребительное значеніе древесины сокращается въ результатѣ экономическаго прогресса. Въ странахъ европейской культуры слѣдомъ за развитіемъ индустріи древесное топливо замѣщается минеральнымъ, а строительное и подѣлочное назначеніе древесины—продуктами керамики и металлургіи—кирпичемъ, камнемъ и желѣзомъ. Такимъ образомъ, наиболѣе прогрессивной формой использованія земли въ смыслѣ развитія сельскохозяйственной производительности является отведеніе земли подъ посѣвы. Борозда, проведенная пашущимъ орудіемъ, является первымъ шагомъ на пути сельскохозяйственнаго прогресса.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній посмотримъ, какъ используется земная поверхность въ указанномъ выше отношеніи въ хозяйствѣ частныхъ землевладѣльцевъ, подлежащемъ ликвидаціи, и въ хозяйствѣ трудовомъ, долженствующемъ распространиться по всей площади земель, превращенныхъ въ общенародное достояніе. Въ этихъ цѣляхъ, въ помѣщаемой ниже таблицѣ, производится исчисленіе въ процентахъ посѣвной площади въ частновладѣль-

ческомъ и крестьянскомъ хозяйствѣ по отношенію ко всей площади удобныхъ земель *):

РАЙОНЫ.	% посѣвовъ къ общей площади удобныхъ земель.	
	Частновлад. земли.	Крестьянск. над. земли.
Сѣверный [1])	2,9	20,9
Сѣверо-восточный [2])	1,4	32,2
Восточный [3])	21,8	22,6
Средне-приволжскій [4])	26,5	47,8
Средне-земледѣльческій:		
а) Юго-восточн. группа [5])	34,2	48,8
б) Сѣверо-западн. [6])	33,8	49,3
Средне-промышленный [7])	4,8	33,7
Прибалтійскій [8])	10,2	28,1
Сѣверо-западный [9])	14,6	41,6
Юго-западный [10])	30,0	50,1
Малороссійскій [11])	35,3	47,6
Новороссійскій [12])	43,8	58,5
По Европейской Россіи [13])	19,9	37,9

*) Посѣвная площадь 1900 г., площадь облагаемыхъ частновладѣльческихъ земель и общее количество крестьянскихъ удобныхъ земель взято изъ „Матеріаловъ комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній". Поэтому распредѣленіе губерній на районы принято то же, какъ въ «Матеріалахъ».

[1]) Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская, С.-Петербургская и Псковская губерніи. [2]) Вятская и Пермская. [3]) Самарская, Уфимская и Оренбургская. [4]) Нижегородская, Казанская и Симбирская. [5]) Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Воронежская и Харьковская. [6]) Курская, Орловская, Тульская, Рязанская. [7]) Владимірская, Костромская, Ярославская, Тверская, Московская, Калужская, Смоленская. [8]) Курляндская, Лифляндская, Эстляндская. [9]) Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Ковенская и Гродненская. [10]) Кіевская, Волынская и Подольская. [11]) Полтавская и Черниговская. [12]) Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская. [13]) Въ счетъ не вошли юго-восточныя губерніи—Астраханская и Донская область вслѣдствіе неясности исчисленія по казачьимъ землямъ.

Приведенныя выше цифры говорятъ сами за себя. Использованіе земель въ цѣляхъ сельскохозяйственной культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти вдвое выше, чѣмъ у частныхъ землевладѣльцевъ. Особенно крупная разница въ способахъ пользованія землей крестьянъ и помѣщиковъ наблюдается по нечерноземной половинѣ Европейской Россіи—въ губерніяхъ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ, среднихъ промышленныхъ, прибалтійскихъ и сѣверо-западныхъ. Въ первыхъ трехъ районахъ крестьянами отводится подъ сельско-хозяйственную культуру изъ одинаковой площади въ 10—20 разъ больше земли, чѣмъ помѣщиками.

Указанная здѣсь разница въ способахъ пользованія землей объясняется различіемъ въ распредѣленіи по угодьямъ надѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель. Общая площадь удобныхъ земель Европейской Россіи въ предѣлахъ той и другой категоріи владѣльцевъ распредѣлялась по свѣдѣніямъ за 1881 г. слѣдующимъ образомъ:

УГОДЬЯ.	Распредѣленіе земель по угодьямъ въ %%.	
	Крестьянск. надѣл.	Частно-владѣл.
Пашня	59,4	30,9
Огородн. и усадьба	4	1,2
Луга	13,7	11,8
Выгонъ	11,5	13,4
Лѣсъ	11,4	42,7

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ подъ земледѣльческую культуру—пашню и огороды—отводится почти $^2/_3$ (63,4%) общей площади удобныхъ земель, кормовая площадь (луга и выгоны) занимаетъ $^1/_4$, остальная земля (11,4%) находится подъ лѣсомъ. Совершенно въ иномъ порядкѣ распредѣляются угодья въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ: земледѣльческой культурой занято лишь $^1/_3$ всей земельной площади; центральнымъ же угодьемъ въ хозяйствѣ является лѣсъ. Подъ лѣсами и выгонами, представляющими наиболѣе экстенсивную форму хозяйственнаго пользованія земной поверхностью было занято въ помѣщичьемъ хозяйствѣ болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель. За исключеніемъ губерній крайняго сѣвера—Архангельской и Вологодской, въ которыхъ

преобладающимъ угодьемъ и на земляхъ надѣльныхъ являлся лѣсъ, а также прибалтійскихъ съ преобладаніемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ кормовыхъ угодій (луговъ и выгоновъ); по всѣмъ остальнымъ районамъ господствующимъ угодьемъ среди надѣльныхъ земель еще въ 1881 году была пашня. Въ то же время на владѣльческихъ земляхъ преобладаніе пашни надъ другими угодьями наблюдалось въ районахъ центральномъ земледѣльческомъ [1]), малороссійскомъ [2]), средневолжскомъ [3]) и юго-западномъ [4]). По всѣмъ сѣвернымъ нечерноземнымъ губерніямъ рѣшительное преобладаніе надъ прочими угодьями пріобрѣтаетъ лѣсъ. Въ новороссійскомъ [5]) и нижневолжскомъ [6]) районахъ столь же рѣшительное преобладаніе имѣли кормовыя угодья, луга и выгоны (степь). Если степь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сгущенія населенія и подъема арендныхъ цѣнъ на пахотныя земли, подвергается распашкѣ, то этого нельзя сказать про лѣсныя земли нечерноземной Россіи, которыя совершенно не обнаруживаютъ тенденцію сокращаться въ своемъ пространствѣ.

Типичной въ этомъ отношеніи представляется Московская губернія.

По позднѣйшему изслѣдованію, произведенному въ 1898—1900 годахъ распредѣленіе земель по угодьямъ въ Московской губ. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Изъ 100 дес. удобной земли находится подъ				
	усадьбой.	пашней.	покосомъ.	лѣсомъ.	выгономъ и пр.
Крестьянск. надѣльн. земли	4,2	45,9	17,4	29,8	2,7
Частновладѣльческ. „	1,8	8,6	11,2	72,1	6,3

[1]) Губерніи: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская. [2]) Харьковская, Полтавская, Черниговская. [3]) Саратовская, Симбирская, Нижегородская, Казанская, Пензенская. [4]) Кіевская, Волынская, Подольская. [5]) Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Донская обл. [6]) Астраханская, Самарская, Оренбургская. Дѣленіе губерній на районы, принятое Центр. Статист. Комит. при разработкѣ свѣдѣній о распредѣленіи земель по угодьямъ (Статист. временникъ Россійск. Импер. серія III, вып. IV).

Въ то время, какъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ болѣе половины земли отводится подъ сельскохозяйственную культуру, частные землевладѣльцы вынуждены направить всѣ свои усилія на выращиваніе древесины и это—при наличности обширнѣйшаго столичнаго рынка съ постоянно возрастающимъ спросомъ на всевозможнѣйшіе продукты сельскохозяйственной культуры. Но что еще болѣе заслуживаетъ вниманіе—это то, что площадь помѣщичьихъ лѣсовъ въ центрѣ страны не только не сокращается, но имѣетъ наклонность все болѣе и болѣе расширяться. Значительная часть частновладѣльческихъ лѣсовъ образовалась на запущенныхъ пашняхъ. По изслѣдованіямъ 1879 г. въ дворянскихъ имѣніяхъ % сокращенія пашни съ 1861 года колебался по уѣздамъ около 80%. Наиболѣе высокій % сокращенія пашни наблюдался по промышленнымъ уѣздамъ, достигая по Богородскому уѣзду, гдѣ уже въ то время (1879 г.) многія дворянскія имѣнья перешли въ руки купцовъ, 88,8%; переходъ этотъ сказывался тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ все полевое хозяйство въ этихъ имѣніяхъ приканчивалось и земля запускалась подъ лѣсъ [1]). И въ послѣдующій затѣмъ періодъ продолжавшійся переходъ дворянскихъ имѣній въ руки купцовъ сопровождался такими же послѣдствіями. Недавнее происхожденіе значительной доли частновладѣльческихъ лѣсовъ Московской губерніи подтверждается ихъ возрастнымъ распредѣленіемъ, обнаруживающимъ въ составѣ лѣсной площади весьма высокій % молодыхъ зарослей (24,1% противъ 13,4% въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, занимающихъ неизмѣнно за ближайшее къ намъ время одну и ту же площадь) [2]). Что же представляютъ изъ себя эти владѣльческіе лѣса, заполняющіе нѣкогда культурныя угодья? Изслѣдованіе самаго послѣдняго времени обнаруживаетъ, что хозяйство въ частновладѣльческихъ лѣсахъ въ рѣдкихъ случаяхъ ведется по устроенному плану; устроенныя лѣсныя дачи занимаютъ всего 28,1% общей площади владѣльческихъ лѣсовъ [3]). Такимъ образомъ одичаніе культурныхъ земель не сопровождается даже сколько-нибудь правильнымъ лѣснымъ хозяйствомъ. Вся

[1]) „Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губерніи", т. V, выпускъ I, стр. 128 и слѣд.

[2]) „Московская губ. по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 г.". Томъ II, выпускъ II, стр. 8—9.

[3]) ib. стр. 9—10.

земледѣльческая культура въ центрѣ страны поддерживается крестьянскимъ хозяйствомъ. По своимъ хозяйственнымъ условіямъ Московская губ. нѣсколько напоминаетъ процессъ земледѣльческихъ преобразованій, совершавшихся въ Англіи за вторую половину прошлаго вѣка. Отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ земледѣлія промысловыми заработками и дешевый хлѣбъ, подвозимый изъ районовъ экстенсивнаго хозяйства, вотъ тѣ условія, которыя имѣли мѣсто, какъ въ англійскомъ, такъ и подмосковномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какая крупная разница. Въ то время, какъ въ Англіи обезлюденіе деревень и паденіе хлѣбныхъ цѣнъ вызывало превращеніе пашни изъ-подъ зерновыхъ хлѣбовъ въ искусственные выгоны для выпаса высококультурныхъ породъ скота, замѣщеніе недостающихъ рабочихъ рукъ капиталомъ скотоводства, въ центрѣ Россіи не могло быть найдено иного выхода кромѣ какъ въ переходѣ къ наиболѣе экстенсивной системѣ хозяйства въ формѣ забрасыванія земли подъ естественное заращиваніе лѣсомъ.

Хозяйственныя условія Московской губерніи являются общими для всего центральнаго промышленнаго района и сосѣднихъ съ нимъ губерній. Возвращеніе культурѣ одичавшихъ пашень и освобожденіе изъ-подъ лѣса новыхъ пахотныхъ и луговыхъ пространствъ, при хозяйственныхъ условіяхъ нечерноземной Россіи, возможно въ настоящее время только при переходѣ земель въ распоряженіе трудового хозяйства. Очищеніе земель изъ-подъ лѣса въ нечерноземной полосѣ Россіи является первымъ шагомъ на пути сельскохозяйственнаго прогресса, а этотъ шагъ можетъ быть сдѣланъ только крестьянской культурой.

Ходячее возраженіе, что обезлѣсеніе приведетъ къ ухудшенію климатическихъ условій, порождено стремленіемъ объяснять наши хозяйственныя невзгоды не общими экономическими и соціальными условіями, а независимыми отъ воздѣйствія естественно-историческими причинами. Нечерноземная Россія, въ особенности ея сѣверо-западная четверть, страдаетъ не недостаткомъ, а избыткомъ почвенной влаги,—здѣсь урожай создаетъ засушливое лѣто. Даже въ болѣе заслушливыхъ мѣстностяхъ средней земледѣльческой полосы сосѣдство лѣса отражается неблагопріятно на урожаѣ. Такъ, по наблюденію Шатиловской опытной станціи въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи на поляхъ сосѣднихъ съ лѣсомъ рожь страдала отъ выпрѣваній и вымочекъ.

Для накопленія и сохраненія почвенной влаги существуютъ другіе болѣе культурные пріемы, чѣмъ лѣсное одичаніе почвы.

Что съ переходомъ земель въ пользованіе трудовыхъ земледѣльцевъ есть полное основаніе ожидать значительнаго распространенія запашки, т.-е. болѣе культурно-прогрессивное использованіе земной поверхности въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ, то этому можетъ служить подтвержденіемъ неизмѣнно возрастающій процентъ пашни въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ. Земли крестьянскихъ надѣловъ въ 1887 г. были распаханы болѣе, чѣмъ на половину (56,$_5$%), а по свѣдѣніямъ 1893 г., которыя были собраны въ 46 губерніяхъ (безъ трехъ прибалтійскихъ и Донской) почти на двѣ трети (65,$_6$%). Среднее увеличеніе пахотной площади крестьянскихъ надѣловъ за двѣнадцать лѣтъ (1881—93) соотвѣтствовало среднему приросту населенія и составляло по 1,$_{35}$% въ годъ (по А. Ф. Фортунатову, литографированный курсъ сельскохозяйственной статистики). Если въ условіяхъ гнетущаго недостатка въ площади кормовыхъ угодій, которымъ почти повсемѣстно страдаетъ крестьянское хозяйство, когда всякое увеличеніе распаханности надѣловъ обостряетъ безкормицу, распашка надѣльной земли не отставала отъ прироста населенія, то тѣмъ болѣе вѣроятности въ расширеніи площади сельскохозяйственной культуры въ случаѣ перехода всей земли съ болѣе богатыми кормовыми угодьями въ распоряженіе трудовыхъ земледѣльцевъ.

Какъ примѣръ того предѣла, до котораго можетъ быть доведено относительное значеніе различныхъ сельскохозяйственныхъ угодій, ниже приводится таблица о распредѣленіи земли по угодьямъ въ важнѣйшихъ странахъ Западной Европы [1]):

	въ %%.								
							Европ. Россія.		
	Венгрія.	Австрія.	Германія.	Франція.	Италія.	Великобр. и Ирландія.	Всего.	Кр. над.	Частновл.
Неудобн. земли . .	4,76	6,1	9,3	14,3	16,2	17,6	19,1	9,5	11,9
Лѣсъ	27,8	32,6	25,8	15,8	—	3,9	38,8	10,1	37,6
Лугъ и пастбища .	23,4	23,8	16	10,5	—	30,3	15,9	26,6	23,3
Пашня (сады, виноград. etc.) . . .	43,79	37,5	48,7	59,4	46,2	48,2	26,2	53,7	27,2

[1]) Цифры распредѣленія земель по угодьямъ заимствованы изъ брошюры пр. А. Ф. Фортунатова. „Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ".

Изъ предыдущаго изложенія выяснилось то задерживающее вліяніе, которое оказываетъ на прогрессъ сельскаго хозяйства крупное землевладѣніе способомъ пользованія земной поверхностью, находящейся въ его распоряженіи. Переходимъ теперь къ выясненію роли капитала въ сельскохозяйственномъ производствѣ Россіи. Полемъ наиболѣе широкаго примѣненія капитала въ земледѣліи являются тѣ отрасли сельскохозяйственнаго производства, которыя связаны съ технической переработкой земледѣльческихъ продуктовъ и на первомъ мѣстѣ свеклосахарное и винокуренное производство. Оба названныхъ производства служатъ источникомъ крупныхъ государственныхъ доходовъ и потому находятся подъ особымъ покровительствомъ государственной власти. Но форма этого покровительства является довольно своеобразной.

Такъ, напр., въ свеклосахарномъ производствѣ это покровительство направлено къ ограниченію потребленія сахара и къ пониженію связаннаго съ этимъ потребленіемъ государственнаго дохода въ интересахъ обезпеченія высокихъ прибылей владѣльцевъ свекло-сахарныхъ предпріятій.

Въ указанныхъ цѣляхъ принимаются мѣры къ поддержанію высокихъ цѣнъ сахара на внутреннихъ рынкахъ, что достигается установленіемъ правительственной нормировки свеклосахарнаго производства. Ежегодно министромъ финансовъ устанавливается тотъ контингентъ сахара, который можетъ быть выпущенъ съ заводовъ на внутренній рынокъ. Весь избытокъ производства частью зачисляется въ неприкосновенный (для потребителей) запасъ на случай неурожая свекловицы въ послѣдующемъ году, а большей частью удаляется со внутренняго рынка за границу по цѣнамъ ниже стоимости производства. Происходящій при этомъ убытокъ многократно покрывается искусственно создаваемымъ сахарнымъ голодомъ на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ, выгодность приложенія капитала въ свеклосахарномъ производствѣ Россіи обезпечивается не производительными функціями этого капитала, а безсовѣстной эксплоатаціей всей массы потребителей въ интересахъ кучки земельныхъ магнатовъ, входящихъ въ составъ правительственной камарильи.

Другой выгодной формой приложенія капитала въ земледѣліи является винокуренное производство. Правительственная политика по отношенію къ этому важнѣйшему источнику государ-

ственныхъ доходовъ не менѣе своеобразная, чѣмъ въ области свеклосахарнаго производства, раскрываетъ передъ нами другую поучительную картину въ области аграрнаго капитализма въ Россіи. Послѣ отмѣны откуповъ (1863 г.) по установленіи акциза на спиртъ, подъ наблюденіе акцизнаго надзора должно было попасть въ 1866 г. 3484 винокуренныхъ заводовъ, съ общимъ производствомъ 68 милл. ведеръ спирта въ 40°, 19,5 тыс. вед. въ среднемъ на одинъ заводъ. Многочисленность мелкихъ винокуренныхъ заводовъ приводила къ затруднительности и дороговизнѣ надзора. Поэтому правительственная политика въ акцизный періодъ первоначально была направлена къ поощренію концентраціи производства. Число винокуренныхъ заводовъ быстро и послѣдовательно сократилось съ 3484 въ 1866/7 г. до 2107 въ 1886—1890 г.г.

Такъ какъ параллельно съ этимъ происходило повышеніе акцизныхъ ставокъ, чему концентрація производства открывала техническую возможность, то потребленіе спирта, несмотря на приростъ населенія держалось приблизительно около одной и той же абсолютной величины. Послѣ исчезновенія мелкихъ винокурень дальнѣйшій процессъ концентраціи производства, вызывавшій развитіе крупныхъ промышленныхъ винокуренныхъ предпріятій, отдѣлявшихся отъ земледѣлія, началъ затрогивать интересы крупныхъ сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, находившихся въ собственности лицъ, входившихъ въ составъ правящаго класса. Тогда выступило на сцену обсужденіе вопроса о паденіи сельскаго хозяйства, который и разрѣшился изданіемъ поощрительнаго закона о сельскохозяйственномъ винокуреніи (1890 г.). По этому закону правительство отчисляетъ въ пользу винокуренныхъ заводчиковъ часть выкуреннаго спирта безъ взиманія акциза, т.-е. отказывается отъ части своихъ доходовъ, взимая съ потребителей спиртовой акцизъ не только въ пользу государства, но также и въ пользу владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ.

Отчисленіе въ пользу заводчика составляло тѣмъ большій процентъ, чѣмъ мельче предпріятіе. Такимъ образомъ, когда концентрація производства достигла предѣла, затрогивающаго интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, законодательство повернуло фронтъ и направило свои усилія къ задержкѣ этого процесса. Кромѣ общаго безакцизнаго отчисленія, было установлено допол-

нительное безакцизное отчисленіе въ пользу сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ. Такимъ путемъ было передано въ пользу винокуренныхъ заводчиковъ, начиная 1891 г., болѣе 10 милл. рублей ежегодно, отъ 4 до 5 тысячъ рублей въ среднемъ на 1 заводъ.

Несмотря на столь щедрые подарки со стороны казны въ пользу такъ называемыхъ сельскохозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, промышленное винокуреніе въ силу своихъ техническихъ преимуществъ упорно удерживало свою позицію и составляло въ 1891/2 гг. 24,4%, въ 1892/3 гг. 22,2%, 1893/4 гг.—19,8%, 1894/5 гг.—21,0% общей выкурки спирта по Имперіи.

Тогда на помощь сельскохозяйственному винокуренію пришла казенная продажа питей. Финансовое управленіе въ своемъ послѣдовательномъ повышеніи акцизныхъ ставокъ на спиртъ въ концѣ концовъ уперлось въ стѣну; всякое дальнѣйшее обложеніе спирта вызывало соотвѣтствующее пониженіе душевого потребленія и потому не приносило прироста доходовъ казны. Тогда сторонники неприкосновенности священной частной собственности произвели въ грандіозныхъ размѣрахъ конфискацію доходовъ частныхъ торговцевъ питьями, предпринимателей по обработкѣ спирта въ питья и многомилліонныхъ доходовъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ, получавшихся за разрѣшеніе торговли питьями въ предѣлахъ селеній [1]). Послѣ такой богатой добычи произошелъ выдѣлъ соотвѣтствующей доли винокуреннымъ заводчикамъ. Являясь единственнымъ покупателемъ спирта, казна получила возможность по своему усмотрѣнію разверстывать выгоды спиртокуренія по отдѣльнымъ категоріямъ предпринимателей. Безакцызное отчисленіе стало выдаваться деньгами и расходъ казны на поощреніе такъ называемаго сельскохозяйственнаго винокуренія достигъ въ 1903 г. 13 милліон. руб. Цѣны на спиртъ по казеннымъ поставкамъ были повышены. Кромѣ того, винокуреннымъ заводчикамъ были выданы крупныя льготныя ссуды на постановку ректификаціонныхъ аппаратовъ и сданы на ректификацію казенныя поставки по цѣнамъ въ нѣсколько разъ

---

[1]) Между прочимъ, заслуживаетъ вниманіе, что при этой обширной конфискаціи были вознаграждены разныя феодальныя питейныя права остзейскихъ барономъ. Неприкосновенность священной частной собственности оказалась пропорціональной близости къ придворной камарильѣ.

превышающимъ ту расцѣнку, по которой обходится ректификація спирта казнѣ на собственныхъ заводахъ. Кто же такіе столь любезные казенному сердцу винокуренные заводчики? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ, если обратимъ вниманіе на средніе размѣры пашни, приходящейся на 1 винокуренный заводъ; въ этихъ цѣляхъ я заимствую таблицу изъ послѣдней оффиціальной публикаціи по статистикѣ производствъ, облагаемыхъ акцизомъ [1]).

Площадь пашни на 1 сельскохоз. винок. зав. въ десятинахъ

Губерніи		Губерніи	
Сѣверныя	301	Сѣверо-западныя	641 дес.
Восточныя	1585	Юго-западныя	1232 „
Ср. промышл.	510	Южныя	2045 „
Ср. черноземн.	1884	Привислинск.	778 „
Малороссійск.	993	Сибирь и Туркест.	730 „
Прибалтійск.	554		

Изъ приведенныхъ свѣдѣній не трудно придти къ заключенію, что подобную запашку могутъ развить только владѣльцы крупныхъ земельныхъ латифундій.

Представляютъ ли изъ себя однако имѣнія при винокуренныхъ заводахъ, столь обильно оплачиваемыя изъ народныхъ средствъ, дѣйствительные образцы интенсивной культуры? Законъ 1890 г. подразумѣваетъ подъ сельскохозяйственнымъ винокуреніемъ производство на такихъ заводахъ, при которыхъ состоитъ достаточное количество пашни для полученіи матеріаловъ винокуренія въ заводскомъ имѣніи.

Поэтому законъ устанавливаетъ предѣльное соотношеніе между выкуркой и площадью пашни въ хозяйствѣ, при превышеніи котораго дополнительныя отчисленія на поощреніе сельскохозяйственнаго винокуренія прекращаются. Полученіе винокуренныхъ матеріаловъ въ собственномъ хозяйствѣ дѣйствительно связано съ интенсификаціей этого хозяйства, съ введеніемъ въ посѣвъ въ обширныхъ размѣрахъ культуры корнеплодовъ (картофеля). Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Въ сельскохозяйственномъ винокуреніи получаетъ все большее распространеніе перекурка кукурузы и при томъ въ такихъ губерніяхъ, какъ въ нечерно-

[1]) 1903 г. Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. СПБ. 1905. Изд. Главн. Упр. Неокл. Сбор.

земныхъ и сѣверной черноземной полосы, гдѣ кукуруза не сѣется, и слѣдовательно винокуреніе ведется на кукурузѣ привозной. Бываютъ годы, въ случаѣ неурожая кукурузы на югѣ Россіи, когда матеріалъ для винокуренія привозится изъ С. Шт. С. Америки. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ, если и производится поощреніе сельскаго хозяйства, то во всякомъ случаѣ не русскаго, а американскаго. Указанные факты обнаруживаютъ, что представляется болѣе выгоднымъ подвозить кукурузу изъ отдаленныхъ районовъ, чѣмъ выращивать кортофель въ собственномъ хозяйствѣ. Винокуренное производство, несмотря на всѣ поощрительныя мѣры, имѣетъ тенденцію къ разрыву связи съ мѣстнымъ хозяйствомъ и къ превращенію въ промышленный типъ. При всемъ томъ, для полученія казенныхъ субсидій при имѣніяхъ числится узаконенное количество пашни, но эта пашня можетъ сдаваться и въ аренду крестьянамъ.

Изслѣдованіе состоянія двухъ крупнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ производствъ, открывающихъ наибольшую возможность къ интенсификаціи хозяйства, обнаруживаетъ, что эта интенсификація обусловливается не производительными функціями капитала, а государственной организаціей, направленной къ эксплуатаціи потребителей и плательщиковъ государственныхъ налоговъ. Только при наличности этой организаціи оказывается возможнымъ оплачивающееся примѣненіе капитала въ хозяйствахъ высшихъ ступеней интенсивности.

Однимъ изъ выгоднѣйшихъ для производительнаго капитала предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ является поставка на рынокъ сѣменного товара. Чтобы выяснить тѣ условія, при которыхъ оправдывается доходность примѣненія капитала къ этому дѣлу въ русскихъ условіяхъ, я остановлюсь на Моховскомъ хозяйствѣ Шатиловыхъ въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ. Это имѣніе издавна пользуется широкой и громкой извѣстностью, какъ выдающееся и образцовое. Высокая доходность имѣнія обезпечивается прочной репутаціей сѣменного товара, доставляемаго имѣніемъ на рынокъ—шатиловскаго овса, который спѣшно разбирается по цѣнамъ, вдвое превышающимъ рыночныя [1]). Всей земли

[1]) Свѣдѣнія, относящіяся до описанія Шатиловск. хоз. заимствованы изъ статьи В. В. Винеръ. „Что приносятъ крестьянамъ образцовыя хозяйства“, напечатанной въ журналѣ „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства“ за 1906 г. №№ 17 и 18.

въ имѣніи 2765,5 дес., изъ этого количества находится въ экономической запашкѣ 1578, 3 дес. Чистый доходъ имѣнія достигалъ въ среднемъ за 1890—1899 гг.—21.961 р., что составитъ около 14 р. (13 р. 91 к.) на 1 дес., находящуюся въ эксплоатаціи владѣльца.

Столь высокая сравнительно доходность обезпечивается прежде всего условіями сбыта важнѣйшаго продукта производства въ имѣніи — овса. Чистая премія, получаемая хозяйствомъ на превышеніи рыночныхъ цѣнъ, достигаетъ 12 тыс. рублей, т.-е. большей половины чистаго дохода хозяйства. Если бы имѣніе было поставлено въ обычныя условія рыночнаго сбыта, то чистый доходъ понизился бы до 6 р. съ дес. пашни. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣнію неизбѣжно грозила бы опасность разложенія на мелкія подесятинныя полосы для сдачи въ аренду, такъ какъ этимъ способомъ было бы обезпеченъ владѣльцу болѣе значительный доходъ. Но мы здѣсь задаемся цѣлью выяснить условіе доходности сѣменного хозяйства, какъ формы, открывающей возможность болѣе полнаго проявленія производительныхъ функцій капитала въ сельскомъ хозяйствѣ. Чѣмъ же объясняется высокая доходность имѣнія помимо исключительныхъ условій сбыта? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ, если обратимся къ выясненію формъ эксплоатаціи труда въ Шатиловскомъ хозяйствѣ. Моховское хозяйство производитъ при помощи экономическаго инвентаря и годовыхъ рабочихъ посѣвъ и обработку только главныхъ хлѣбовъ (озимаго и овса), всѣ остальныя работы производятся крестьянами (обработка малонадежныхъ яровыхъ посѣвовъ, гречихи и гороха, сдается исполу съ исключительно крестьянской обработкой); возка навоза, уборка хлѣбовъ и травъ, возка урожая—все это производится съ помощью крестьянскаго инвентаря и по большей части въ видѣ отработокъ (з а д о л г и). Какъ оплачивается при этомъ трудъ крестьянъ можно сдѣлать заключеніе изъ слѣдующихъ сопоставленій. Стоимость вывозки навоза на 1 дес. при рыночной оплатѣ труда (80 к. въ день работнику съ лошадью) обойдется при среднемъ разстояніи полей въ имѣніи $4^1/_2$ в. въ 20 рублей, тогда какъ крестьянамъ платятъ всего 6 рублей. Доставка 1 копны хлѣба, при средней мѣстной рыночной цѣнѣ работнику съ лошадью въ періодъ уборки 1 р. 50 к., обойдется 30 коп., крестьнамъ же въ зависимости отъ разстоянія уплачивается 10—15 к. съ копны.

Изъ этихъ недоплатъ и создается доходность Моховскаго имѣнія. Кабальная зависимость крестьянъ отъ экономіи была обезпечена при самомъ выходѣ на волю, когда крѣпостные Шатиловыхъ получили въ надѣлъ всего по $1^1/_2$ дес. на ревизскую душу. Будучи въ постоянномъ долгу у экономіи крестьяне вынуждены соглашаться на приведенныя выше условія оплаты ихъ труда. Капиталъ, раздаваемый въ долгъ крестьянамъ подъ работу, приноситъ 200—300 % дохода. Можно ли назвать такія функціи капитала производительными? Нѣтъ, капиталъ въ образцовомъ хозяйствѣ исполняетъ ростовщическія функціи. Высокая прибыль въ образцовомъ сѣменномъ хозяйствѣ обезпечивается не производственными, а ростовщическими функціями капитала. Капиталъ своимъ обращеніемъ въ сѣменномъ производствѣ не можетъ обезпечить нормальной прибыли.

Картину способовъ производства и формъ эксплоатаціи труда въ другихъ имѣніяхъ, поставленныхъ на капиталистическихъ началахъ, открываетъ намъ судебная хроника по аграрнымъ процессамъ послѣдняго времени. Я не буду останавливаться на нихъ, достаточно и приведенныхъ примѣровъ по хозяйствамъ высшихъ ступеней интенсивности, чтобы составить себѣ понятіе о производительныхъ функціяхъ капитала въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Капиталъ, приложенный къ земледѣльческимъ условіямъ Россіи, стремится оторваться отъ своихъ производительныхъ функцій и наверстать свою норму прибыли въ процессѣ торговаго и кредитнаго обращенія. Торговый капиталъ раскинулъ свою ростовщическую паутину надъ русской деревней, убивая производительныя силы сельскаго хозяйства.

Гнетущее малоземелье, безпощадный финансовый гнетъ, ужасающее безправіе крестьянскаго населенія создали тотъ субстратъ, на которомъ, какъ грибы на гнили, распустились пышнымъ цвѣтомъ паразитическія функціи капитала. Значительный приростъ сельскаго земледѣльческаго населенія, при сохраненіи надѣльнаго землевладѣнія въ первоначальныхъ границахъ, сопровождался усиленіемъ финансоваго гнета и разрушеніемъ натуральныхъ формъ удовлетворенія потребностей.

Хозяйство земледѣльческаго населенія, какъ налоговой системой, такъ и еще въ большей степени направленіемъ экономическаго процесса неизбѣжно втягивалось въ процессъ мѣнового обращенія.

По мѣрѣ прироста сельскаго населенія и нарастанія потребностей, удовлетворяемыхъ мѣновымъ путемъ, всѣ продукты крестьянскаго хозяйства становятся предметомъ мѣнового обращенія.

Не только продукты, предназначенные къ отчужденію, но также скудные продовольственные запасы и средства производства (напр. сѣмена) втягиваются въ мѣновой оборотъ и вновь возвращаются въ хозяйство только послѣ выполненія надъ ними капиталомъ своего торгово-ростовщическаго освященія. Вмѣстѣ съ тѣмъ спросъ на землю неизмѣнно возрастаетъ; къ землѣ были предъявлены новые запросы—служить не только къ удовлетворенію потребительныхъ нуждъ своими продуктами, какъ это имѣетъ мѣсто при натуральномъ хозяйствѣ, но также и къ покрытію, черезъ посредство мѣнового оборота, потребностей, удовлетворяемыхъ денежнымъ путемъ. Доходами съ земли обезпечивалась также норма прибыли торговаго капитала, управляющаго мѣновымъ обращеніемъ. При указанныхъ условіяхъ арендныя цѣны на землю начинаютъ быстро возрастать и достигаютъ предѣла, превышающаго чистую доходность земледѣльческаго хозяйства, арендный фондъ дробится на мелкія подесятинныя полосы, а срокъ аренды сокращается до предѣльной сдачи на одинъ посѣвъ.

Слѣдомъ за подъемомъ арендныхъ цѣнъ взвинчивались продажныя цѣны на землю. Земельный рынокъ открылъ готовое и облегченное поприще земельной спекуляціи. Государственный крестьянскій поземельный банкъ вмѣстѣ съ частными банками земельнаго кредита явились въ качествѣ организованныхъ проводниковъ земельнаго ажіотажа. Этимъ путемъ капиталъ въ земельной сцекуляціи находитъ для себя достаточную норму прибыли и новую сферу приложенія въ области сельскохозяйственныхъ угодій.

Такимъ образомъ, крестьянинъ въ каждомъ моментѣ своей хозяйственной дѣятельности, приступаетъ ли онъ къ арендѣ необходимой для него земли, втягивается ли онъ въ разорительную для него земельную покупку, выноситъ ли на рынокъ продукты своего земледѣльческаго хозяйства, неизбѣжно накрывается ростовщической паутиной торговаго капитала, которымъ и устанавливается норма эксплоатаціи земледѣльческаго труда и норма прибыли циркулирующаго капитала. Между тѣмъ количество

продуктовъ, получаемыхъ средствами крестьянскаго хозяйства во много разъ превышаетъ количество тѣхъ же продуктовъ, получаемыхъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, предметомъ торгово-капиталистической эксплоатаціи становится наибольшая доля земледѣльческой производительности страны.

Въ силу этой особенности и норма прибыли на сельскохозяйственный капиталъ, какъ завязанный въ наибольшей своей долѣ въ торговой и земельной спекуляціи, опредѣляется не въ моментъ земледѣльческаго производства, а при выполненіи капиталомъ его торгово-ростовщическихъ функцій.

Въ изложенныхъ условіяхъ капиталъ земледѣльческаго производства неизбѣжно подчиняется и въ своихъ производительныхъ функціяхъ нормамъ, установленнымъ ростовщичествомъ и спекуляціей.

Норма прибыли капитала въ производствѣ неизмѣнно ниже нормы прибыли торговаго и ростовщическаго капитала. Это общее правило находитъ себѣ наиболѣе рѣзкое подтвержденіе въ условіяхъ русской сельскохозяйственной дѣйствительности. Свободный трудъ, привлеченный капиталомъ къ сельскохозяйственному производству для выработки прибавочной стоимости, не въ состояніи создать ту норму прибыли, которую въ состояніи извлечь тотъ же капиталъ при эксплоатаціи мелкихъ земледѣльческихъ производителей. Для привлеченія капитала въ сельскохозяйственное производство представляется необходимымъ обставить производство торгово-ростовщическими аксессуарами, образцы которыхъ были приведены выше. Тамъ, гдѣ этихъ условій не достаточно, приходитъ на помощь государство при посредствѣ правительственной организаціи по эксплоатаціи всей массы потребителей, какъ это мы могли наблюдать на примѣрѣ свеклосахарнаго и винокуреннаго производствъ. Прибыль высокоинтенсивныхъ хозяйствъ при техническихъ предпріятіяхъ создается не въ производствѣ, а въ торговомъ обращеніи капитала. Такъ, напр., оплата сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ свеклосахарномъ хозяйствѣ (свекловицы) опредѣляется той искусственно приподнятой цѣной на сахаръ, которая создается правительственной нормировкой свекло-сахарнаго производства. Перемѣнная доля производственнаго капитала, имѣющаго назначеніемъ оплату труда наемныхъ работниковъ, несетъ на себѣ всѣ послѣдствія, связанныя съ низкой оплатой чисто производствен-

ныхъ функцій капитала. Чтобы найти свою норму прибыли, перемѣнный капиталъ вынужденъ принимать на себя выполненіе кредитныхъ операцій въ формѣ выдачи ссудъ подъ отработки и вступать въ конкуренцію съ чисто ростовщическимъ капиталомъ; въ своемъ чистомъ видѣ перемѣнный капиталъ, внесенный въ сельскохозяйственное производство, оказывается неспособнымъ принудить захваченныя имъ рабочія силы выработать столь высокую прибавочную стоимость, которой могъ бы удовлетвориться сельскохозяйственный капиталъ. Въ изложенныхъ условіяхъ сельскохозяйственный капиталъ обладаетъ слабой притягательной силой по отношенію къ труду, поэтому потребленіе труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ Россіи является незначительнымъ по сравненію съ тѣмъ обширнымъ запасомъ свободныхъ рабочихъ рукъ, которыя накопляются въ перенаселенныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Въ силу законовъ экономическаго развитія капитализмъ сжалъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всю сельскохозяйственную производительность Россіи, но не въ состояніи былъ повысить ея производительныхъ силъ. Исполняя свою провиденціальную миссію въ образованіи прибыли, капиталъ нашелъ для себя болѣе обширное поприще въ эксплоатаціи труда мелкихъ земледѣльцевъ, не отрывая послѣднихъ отъ средствъ производства.

Норма эксплоатаціи земледѣльческаго труда въ наиболѣе наглядной формѣ проявляется въ нашихъ арендныхъ отношеніяхъ. На обширномъ пространствѣ Европейской Россіи, за исключеніемъ, быть можетъ, юго-восточнаго Заволжья и наиболѣе рѣдко населенныхъ частей Новороссіи, на землю устанавливаются столь высокія арендныя цѣны, что этими цѣнами поглощается не только прибыль земледѣльческаго производства, но и часть заработной платы съемщика земли. Такимъ образомъ, при мелкой съемкѣ земли трудъ арендатора оплачивается ниже нормы заработной платы. Продовольственная аренда, распространяясь на постоянно возрастающее пространство земель, подчиняетъ внѣкапиталистической нормѣ продовольственной ренты поземельныя отношенія страны. Рента котируется на русскомъ поземельномъ рынкѣ по продовольственнымъ отмѣткамъ. Въ эти отмѣтки входитъ прибыль и даже часть заработной платы мелкаго земледѣльца.

Но земельная рента при одномъ и томъ же качествѣ почвы (абсолютная рента) не можетъ испытывать значительныхъ колебаній въ зависимости отъ формъ хозяйства мелкаго или крупнаго. Высота земельной ренты въ конечномъ счетѣ опредѣляется господствующей формой земледѣльческаго производства. Развитіе продовольственной аренды неизбѣжно должно отразиться на высотѣ ренты въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Какъ доказательство этого положенія можетъ служить тотъ фактъ, что въ мѣстностяхъ съ широкимъ развитіемъ долгосрочной аренды, носящей въ сильной степени капиталистическій типъ, разность въ цѣнахъ на землю при этой формѣ найма, по сравненіи съ уровнемъ платъ при погодной съемкѣ, являлась въ восьмидесятыхъ годахъ въ нѣсколько разъ значительнѣе, чѣмъ при противоположныхъ условіяхъ, т.-е. при широкой погодной сдачѣ (продовольственной арендѣ). Цѣны найма погодно и на „года“ стремятся уравняться съ ихъ возрастаніемъ[1]). Этотъ послѣдній фактъ доказываетъ, что по мѣрѣ развитія продовольственной аренды создаваемая ею высота земельной ренты неизбѣжно распространяется и на сферу капиталистическаго земледѣлія.

Въ процессѣ развитія продовольственной аренды прибыль на капиталъ въ земледѣліи постепенно поглощается земельной рентой до окончательнаго исчезновенія. При одновременномъ существованіи продовольственной и капиталистической ренты прибыль на капиталъ покрывается изъ разницы между высотой капиталистической и продовольственной ренты. Но такъ какъ по мѣрѣ роста земледѣльческаго населенія и его мѣновыхъ потребностей повышается потребительная съемка земли и указанная разница все болѣе и болѣе сокращается, то прибыль на капиталъ можетъ покрываться исключительно за счетъ заработной платы, что и наблюдается въ русской сельскохозяйственной дѣйствительности, въ формѣ ростовщическихъ функцій перемѣннаго капитала. Капитализмъ въ русскомъ земледѣліи держится на кражѣ заработной платы, замаскированной различными ссудными операціями, совершаемыми при наймѣ сельскохозяйственныхъ работниковъ. Но подобная кража заработной платы, пониженіе ея ниже уровня рыночныхъ цѣнъ можетъ происходить только по отношенію къ обнищавшимъ мелкимъ земледѣльцамъ.

---

[1]) См. Н. Карышевъ—Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды, стр. 291—292.

По отношенію же къ рабочему-пролетарію, лишенному собственныхъ средствъ прозиводства и собственнаго хозяйства, подобное пониженіе заработной платы не выполнимо, такъ какъ оно равносильно приговору къ голодной смерти. Вымираніе же рабочихъ не въ интересахъ капитала. Капиталу во всякомъ случаѣ приходится поддерживать рабочихъ, хотя бы на границахъ голода.

Кража заработной платы, держащейся на уровнѣ продовольственныхъ потребностей, можетъ происходить только у мелкаго земледѣльца, тогда какъ по отношенію къ рабочему-пролетарію на капиталѣ лежитъ вынужденная обязанность кормить его. Тамъ, гдѣ по условіямъ производства требуется значительная наличность свободныхъ рабочихъ рукъ, какъ напр. въ интенсивныхъ хозяйствахъ, капиталъ не въ состояніи справиться съ своими обязательствами—принести прибыль владѣльцу и прокормить рабочихъ;—на помощь капиталу приходитъ правительство съ своими нормировками свеклосахарной и винокуренной промышленности, разлагая невыполненное обязательство капитала на всю массу потребителей. Въ болѣе свободныхъ отношеніяхъ находится капиталъ къ мелкимъ земледѣльцамъ, „обезпеченнымъ въ своемъ бытѣ“ собственными надѣлами. По отношенію къ этой категоріи полухозяевъ-полурабочихъ у капитала нѣтъ таковой обязанности ихъ кормить. Когда эксплоатируемые капиталомъ и землевладѣніямъ массы населенія переходятъ границу голода, какъ напр. въ текущемъ году, то на помощь вынуждены приходить правительство и общественная благотворительность. Изъ всего изложеннаго становится яснымъ, что аграрный капитализмъ въ Россіи не въ состояніи выполнить во сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ своей провиденціальной миссіи въ области соціальныхъ отношеній—отдѣленіе производителя отъ средствъ производства. Выполненіе подобной миссіи было бы невыгодно капиталу.

Изъ всего предыдущаго анализа сельскохозяйственныхъ отношеній выяснилось, что крупнѣйшими экономическими препятствіями на пути сельскохозяйственнаго прогресса въ Россіи являются:

1) Частная земельная собственность и связанное съ ней слабое использованіе земельной поверхности въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ.

2) Строй капиталистическихъ отношеній въ земледѣліи—его торгово-ростовщическій характеръ, ограничивающій производственныя функціи капитала.

3) Господствующая роль продовольственной ренты въ опредѣленіи земельныхъ отношеній, отталкивающая капиталъ отъ земли.

Всѣ эти условія находятся въ тѣсной взаимной связи: экстенсивный характеръ пользованія земельной территоріей въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ обусловливается слабымъ притокомъ производственнаго капитала къ земледѣлію, а слабость притока капитала къ земледѣлію обусловливается господствующей ролью продовольственной ренты, которая въ свою очередь порождается частной собственностью на землю.

Только отмѣна частной собственности на землю въ состояніи разорвать этотъ узелъ отношеній, затягивающій въ своей мертвой петлѣ сельско-хозяйственную производительность Россіи. Наиболѣе же совершенной формой отмѣны частной собственности во всѣхъ ея разновидностяхъ является соціализація земли, опирающаяся въ своихъ юридическихъ основахъ на всеобщее и равное для всѣхъ гражданъ право на землю. Съ установленіемъ соціализаціи земли открывается широкій путь для притока капитала къ земледѣлію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальная опора для организованнаго противодѣйствія поглащенію его производственныхъ функцій торгово-ростовщической спекуляціей. Выясненію путей, открывающихся для прогресса сельскаго хозяйства при соціализаціи земли, и посвящены слѣдующія страницы.

II.

Прогрессъ сельскаго хозяйства въ русскомъ земледѣліи связанъ съ повышеніемъ урожаевъ и упроченіемъ устойчивости послѣднихъ. Урожаи въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ весьма низки и составляютъ по свѣдѣніямъ министерства земледѣлія въ въ среднемъ за 1881—1900 гг. 43,1 пд. ржи и 40,8 п. овса съ десятины. Это болѣе чѣмъ въ 2 раза ниже германскихъ урожаевъ, гдѣ средній сборъ ржи съ 1 десятины достигалъ за послѣдніе годы 100 пудовъ [1]). Связанная съ низкимъ сборомъ хлѣбовъ слабая устойчивость урожаевъ нерѣдко повергаетъ цѣлыя области Россіи въ бѣдствіи голодовки. Культурные методы, ведущіе къ

[1]) А. И. Чупровъ—„Мелкое земледѣліе и его основныя нужды". Лекціи въ русск. высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, стр. 368.

повышенію урожаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ упрочиваютъ и устойчивость послѣднихъ.

Сдѣлаемъ самый краткій обзоръ тѣхъ культурныхъ пріемовъ, которые приводятъ къ повышенію урожаевъ. Прежде всего остановимся на выясненіи условій къ повышенію урожаевъ въ черноземной полосѣ Россіи. Урожаи ржи въ черноземной полосѣ являются наиболѣе отзывчивыми къ ранней обработкѣ пара, допускающей сбереженіе почвенной влаги. По даннымъ Шатиловской опытной станціи (Новосильскаго у. Тульской губ.) ранняя обработка пара сопровождается болѣе крупнымъ эффектомъ, чѣмъ полное навозное удобреніе. Рожь, высѣянная по іюльскому пару, обычное время взмета паровъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, принесла 66 пуд. съ десятины, въ то время какъ по пару, поднятому въ апрѣлѣ, урожаи ржи достигали 102 пуд., на 36 пуд. или 55% болѣе. Навозное удобреніе по майскому пару подняло урожай ржи съ 93 пуд. до 119 п., на 26 пудовъ или 28%. На Шатиловской опытной станціи выдѣлено два участка, гдѣ ведется трехпольное хозяйство безъ всякаго удобренія; на одномъ паръ взметывается хорошими плугами ранней весной (въ апрѣлѣ), на другомъ—сохами во второй половинѣ іюня. Ржаные посѣвы на первомъ полѣ даютъ всегда въ $1^1/_2$—2 раза лучшіе урожаи, чѣмъ на второмъ [1]). Еще большій эффектъ производитъ вспашка пара съ осени и поддержка, ради сохраненія влаги, его поверхности въ разрыхленномъ состояніи и свободнымъ отъ сорной растительности (черный паръ).

По сообщенію К. Н. Ходнева, на основаніи опыта, произведеннаго въ одномъ черноземномъ хозяйствѣ, въ неурожайный 1905 г. въ то время, какъ съ полосъ, обработанныхъ обычнымъ крестьянскимъ способомъ было собрано всего 3 пуда зерна съ десятины, урожай съ чернаго пара, при надлежащемъ за нимъ уходѣ, достигалъ 70—100 пуд. зерна [2]).

Другимъ пріемомъ, ведущимъ къ повышенію урожаевъ въ черноземной полосѣ, является углубленіе пахотнаго слоя. Чтобы иллюстрировать то повышеніе урожаевъ, которое связано съ

---

[1]) В. В. Винеръ. Рожь.—Изданіе Тульскаго губ. земства Тула 1906. стр. 19.

[2]) К. Н. Ходневъ—докладъ по поводу „недорода" Симбирскъ 1906 г. стр. 9.

углубленіемъ пахатнаго слоя, ниже приводятся соотвѣтствующія свѣдѣнія на основаніи данныхъ той же Шатиловской опытной станціи [1]):

Глубина взмета	УРОЖАИ РЖИ	
	По навозному удобренію	Безъ удобренія
6 вершковъ	134 п.	112 п.
$4^1/_2$ „	132 „	107 „
3 „	128 „	99 „
$1^1/_2$ „	114 „	90 „

Съ экономической точки зрѣнія въ приведенныхъ цифрахъ заслуживаетъ вниманіе во-первыхъ тотъ фактъ, что наибольшій эффектъ наблюдается при первомъ шагѣ къ углубленію пахотнаго слоя съ $1^1/_2$ до 3 вершковъ, доступномъ силѣ современнаго крестьянскаго рабочаго скота, тогда какъ дальнѣйшія углубленія пахотнаго слоя, требующія болѣе сильныхъ лошадей, приводятъ къ послѣдовательно уменьшающимся прибавкамъ урожая, и, во-вторыхъ—приростъ урожая отъ углубленія пахотнаго слоя является менѣе значительнымъ, чѣмъ своевременный взметъ пара.

Третьимъ весьма продуктивнымъ пріемомъ повышенія урожая является удобреніе чернозема. Многочисленные, какъ вегетаціонные опыты, такъ и полевые, произведенные въ различныхъ частяхъ черноземной Россіи, убѣждаютъ въ высокомъ удобрительномъ эффектѣ фосфорнокислыхъ удобреній. Наиболѣе выпаханный черноземъ, подвергавшійся многолѣтней истощающей культурѣ, даетъ многократный приростъ урожая при односторонемъ удобреніи фосфатами. Примѣненіе фосфорнокислыхъ удобреній на черноземѣ въ состояніи замѣстить полное навозное удобреніе: внесеніе въ почву какихъ-нибудь 20 пуд. томасъ-шлака, стоимостью 4—6 р., въ состояніи принести по отношенію къ ближайшему урожаю тѣ же результаты, какъ удобреніе 2400 пудовъ навоза, одна стоимость вывозки котораго обойдется при среднихъ

[1]) В. В. Винеръ. Опыты по вопросу объ удобреніи чернозема. Библіотека хозяина № 42 С.-Петербургъ 1904, стр. 47.

условіяхъ 15—20 рублей. Драгоцѣннымъ свойствомъ чернозема является его неистощимость по отношенію къ наиболѣе дорогому изъ питательныхъ для растенія веществъ—азоту. Это свойство облегчаетъ какъ нельзя болѣе возможность крупнаго культурнаго переворота средствами мелкаго хозяйства. Такимъ образомъ, для повышенія урожаевъ въ черноземномъ хозяйствѣ является необходимымъ въ первую очередь измѣненіе въ обработкѣ пара—болѣе ранній взметъ и примѣненіе искусственныхъ фосфорнокислыхъ удобреній и лишь во вторую очередь углубленіе пахотнаго слоя.

Пути улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ въ значительной степени выяснились. Это—переходъ къ многопольному хозяйству съ посѣвомъ травъ и распространеніе искусственныхъ удобреній, въ которыхъ менѣе богатыя сѣверныя нечерноземныя почвы нуждаются еще въ большей степени, чѣмъ богатый черноземъ. Однако центръ тяжести хлѣбной производительности Россіи сосредоточенъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Изъ 2.575 милл. пудовъ хлѣба, собираемыхъ въ среднемъ за годъ въ десятилѣтіе 1891—1900 гг., 1.809 милл. п. или 70% получено съ полей черноземныхъ губерній [1]). Поэтому и въ дальнѣйшемъ изложеніи я имѣю въ виду остановиться преимущественно на выясненіи условій повышенія урожаевъ въ черноземной полосѣ Россіи.

Какъ уже было указано, первымъ шагомъ въ этомъ направленіи является болѣе своевременная обработка пара. Освовнымъ препятствіемъ для этого шага въ крестьянскомъ хозяйствѣ является то обстоятельство, что паръ служитъ въ большинствѣ случаевъ единственнымъ лѣтнимъ выгономъ для скота. Благодаря этому обстоятельству, содержаніе скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ черноземной полосы обходится неимовѣрно дорого. Не говоря уже о крупной потерѣ въ цѣлую треть пашни, остающуюся внѣ обработки, слѣдуетъ отмѣтить ту колоссальную потерю въ урожаѣ, которая является въ результатѣ уплотненія и изсушенія пара, какъ послѣдствіе пастбищнаго пользованія паромъ. Всѣ эти потери должны быть перенесены на стоимость содержанія скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Наиболѣе неблагопріятныя послѣдствія вызываются подобнымъ способомъ пользо-

---

[1]) По матеріаламъ „комиссіи по вопросу о движеніи благосостоянія etc.“.

ванія паромъ въ засушливые годы, приводящіе къ полному неурожаю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ потери значительной доли скота, содержаніе котораго столь дорого обходится крестьянскому хозяйству. Поэтому переходъ къ своевременной обработкѣ пара въ условіяхъ крестьянскаго хозяйства связанъ съ болѣе глубокимъ культурнымъ переворотомъ. Представляется необходимымъ увести скотъ съ пара, что можетъ быть достигнуто только нарушеніемъ трехполья путемъ установленія четвертаго кормового и выгоннаго клина. Какъ природныя, такъ и экономическія условія черноземной полосы, вызывающія необходимость пользованія черноземомъ въ качествѣ пашни, должны привести въ концѣ концовъ къ стойловому содержанію скота. Постепенность выполненія этого крутого перелома облегчается установленіемъ четвертаго выгоннаго клина, который, по мѣрѣ удлиненія стойловаго періода содержанія скота, будетъ заполняться пропашными и кормовыми растеніями на укосъ, постепенно превращая полевую систему въ слѣдующій удвоенный четырехпольный или восьмипольный сѣвооборотъ, предложенный наиболѣе выдающимися изъ нынѣ живущихъ русскихъ агрономовъ, И. А. Стебутомъ: 1) паръ, 2) озимь, 3) пропашн. и бобовыя, 4) ярь, 5) паръ, 6) озимь, 7) однолѣтнія кормовыя травы на укосъ и выгонъ, 8) ярь.

Переходъ къ указанному сѣвообороту побуждаетъ отмѣченная выше совокупность экономическихъ условій, связанныхъ съ чисто продовольственной неизбѣжностью содержанія скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Это побужденіе отсутствуетъ въ современномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, взятомъ въ массѣ. Содержаніе скота въ этомъ хозяйствѣ ничтожно даже по сравненію съ бѣднымъ скотомъ крестьянскимъ хозяйствомъ. По свѣдѣніямъ дворянскаго земельнаго банка около половины имѣній черноземной полосы изъ числа заложенныхъ въ банкѣ не имѣютъ ни скота, ни инвентаря, такъ какъ вся пахотная площадь или сдается въ аренду или обрабатывается наемнымъ крестьянскимъ инвентаремъ [1]). Въ цѣломъ рядѣ крупныхъ имѣній мы не встрѣтимъ никакого иного скота, кромѣ выѣздныхъ и верховыхъ лошадей. Даже въ хозяйствахъ, въ которыхъ запашка ведется собственнымъ инвентаремъ, нерѣдки случаи, когда содержится одинъ ра-

---

[1]) См. статью Н. А. Каблукова въ сборникѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“.

бочій скотъ, а содержаніе пользовательнаго скота ограничивается тѣми немногими коровами, которыя необходимы для доставки продуктовъ къ помѣщичьему столу. Даже тонко-рунное овцеводство, составлявшее еще въ недавнее время необходимую принадлежность южно-русскаго крупнаго хозяйства, находится въ процессѣ неустранимаго упадка подъ вліяніемъ повышенія земельной ренты, поднимаемой расширеніемъ полевого хозяйства. Другимъ косвеннымъ показателемъ жалкаго состоянія помѣщичьяго скотоводства является положеніе нашего экспорта животныхъ продуктовъ. Этотъ экспортъ становится на твердую почву только въ томъ случаѣ, когда въ международный торговый оборотъ вовлекалось крестьянское хозяйство, примѣромъ чему можетъ служить сибирское крестьянское маслодѣліе и колоссальный экспортъ яицъ отъ крестьянскаго птицеводства. Между тѣмъ, даже и наиболѣе усиленныя попытки къ развитію вывоза животныхъ продуктовъ помѣщичьяго хозяйства не имѣли другихъ результатовъ, кромѣ нѣкоторой запутанности въ счетахъ учрежденій, пользовавшихся обильными правительственными субсидіями на постановку этого дѣла. Объясненіе неуспѣха скотоводства въ крупномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы слѣдуетъ искать въ исключительномъ рыночномъ характерѣ этой формы производства, какъ условіи экономическомъ, и въ нѣкоторыхъ свойствахъ черноземной почвы, какъ условіи физическомъ. При рыночномъ скотоводствѣ, разсчитанномъ на сбытъ продуктовъ, доходность скотнаго двора обусловливается той стоимостью навоза, по которой послѣдній обходится хозяйству. Только въ исключительныхъ условіяхъ, какъ, напр., въ пригородномъ хозяйствѣ, при выгодномъ сбытѣ цѣльнаго молока, стоимость корма и содержанія скота можно оплатиться вполнѣ, такъ что навозъ достанется хозяйству даромъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ рыночная стоимость продуктовъ скотоводства не въ состояніи покрыть расходовъ по содержанію скота, и на навозъ устанавливается въ хозяйствѣ опредѣленная цѣнность. Однако эта цѣнность можетъ реализироваться только въ видѣ прибавки къ урожаю, полученной въ результатѣ навознаго удобренія. Слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ въ опредѣленіи доходности скотоводства является оплата навознаго удобренія. Между тѣмъ богатство черноземной почвы отражается слабымъ эффектомъ

навознаго удобренія. Урожайность опредѣляется тѣмъ факторомъ, который находится въ почвѣ въ minimum'ѣ. Такимъ минимальнымъ факторомъ для черноземныхъ почвъ является влага и фосфорная кислота. Повышеніе влажности почвы достигается своевременной обработкой пашни, а пополненіе запасовъ фосфорной кислоты можетъ быть достигнуто съ значительно меньшими издержками введеніемъ въ почву фосфорно-кислыхъ удобреній. Какъ уже было выше отмѣчено, стоимость такихъ удобреній въ нѣсколько разъ ниже одной стоимости вывозки громоздкихъ массъ навоза, необходимыхъ для полученія одинаковаго урожая. Черноземная почва, богатая азотными и калійными солями, при низкихъ хлѣбныхъ цѣляхъ, свойственныхъ черноземной полосѣ, не въ состояніи дать настолько солидной оплаты навозному удобренію, чтобы обезпечить доходность рыночнаго скотоводства. Къ этому присоединяется незначительность спроса внутренняго рынка на продукты животноводства вслѣдствіе поголовной бѣдности массъ населенія.

Совокупностью всѣхъ изложенныхъ условій и объясняется то жалкое состояніе скотоводства въ помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземныхъ губерній, которое было отмѣчено на предшедствовавшихъ страницахъ. При незначительномъ количествѣ скота помѣщики далеко не стѣснены такъ въ выгонахъ, какъ крестьяне. Поэтому частные землевладѣльцы имѣютъ возможность приступить къ болѣе своевременному взмету пара, не нарушая господствующей трехпольной системы, къ чему ихъ побуждаетъ также и состояніе трудового рынка въ различные періоды сельскохозяйственнаго сезона. Всѣ работы съ парами должны быть непремѣнно закончены до наступленія періода уборки, когда уже нѣтъ возможности заполучить не только крестьянскаго инвентаря, но и поденныхъ или сроковыхъ рабочихъ для обработки пашни собственнымъ инвентаремъ. Поэтому къ подъему паровъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ обычно приступаютъ тотчасъ по окончаніи яровыхъ посѣвовъ, когда имѣются на лицо свободныя рабочія руки и свободный крестьянскій инвентарь, въ центральной черноземной полосѣ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая; въ крестьянскомъ же хозяйствѣ взметъ пара обычно производится во второй половинѣ іюня. Только благодаря этому единственному массовому техническому преимуществу крупнаго хозяйства урожаи на частновладѣльческихъ земляхъ, независимо отъ болѣе высокаго каче-

ства этихъ земель, превышаютъ средніе сборы хлѣбовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ отсутствуетъ тотъ настоятельный стимулъ, который сдѣлалъ бы безусловно необходимымъ переходъ къ новой полевой системѣ ради осуществленія возможности болѣе раціональной обработки пашни. Кромѣ того, четвертый кормовой и пастбищный клинъ, распространенный на четвертую часть пашни, поставилъ бы помѣщичье хозяйство въ весьма затруднительное положеніе. Тѣ пропашныя и кормовыя растенія, которыя составляютъ предметъ культуры въ четырехпольномъ сѣвооборотѣ, требуютъ для своего использованія болѣе значительнаго развитія скотоводства, чѣмъ это допускается выясненными выше условіями помѣщичьяго черноземнаго хозяйства. Воздѣлываніе другихъ пропашныхъ растеній, могущихъ составить предметъ культуры въ четвертомъ полѣ, какъ, напр., торговыхъ масляничныхъ растеній (рапсъ, сурѣпка и т. п.) все болѣе и болѣе подрывается конкуренціей болѣе дешевыхъ минеральныхъ смазочныхъ маслъ. Всѣ отмѣченныя условія дѣлаютъ помѣщичье хозяйство черноземной полосы мало приспособленнымъ къ крупному агрикультурному перевороту.

Въ иныхъ условіяхъ находится крестьянское хозяйство. Содержаніе, какъ рабочаго, такъ и пользовательнаго скота составляетъ въ этомъ хозяйствѣ неизбѣжную необходимость. Потеря рабочаго скота создаетъ такую гнетущую зависимость и настолько повышаетъ шансы на обезземеленіе, что крестьянинъ всѣми силами держится за лошадь или иной видъ рабочаго скота. Корова является единственной кормилицей крестьянскихъ дѣтей и поставщицей продуктовъ, сколько-нибудь подправляющихъ исключительно растительную пищу русскаго крестьянина. Отъ овцы въ восточной половинѣ Россіи и свиньи, въ западной, крестьянинъ получаетъ единственное столь рѣдкое въ его быту мясное блюдо.

Потребительный характеръ крестьянскаго скотоводства открываетъ для него широкій путь количественнаго умноженія и качественнаго улучшенія вмѣстѣ съ ростомъ крестьянскихъ потребностей, прежде чѣмъ создастся широкій внутренній рынокъ для продуктовъ животноводства. Такимъ образомъ, крупныя агрикультурныя перемѣны, представляющія самый крупный шагъ на пути сельскохозяйственнаго прогресса, диктуются не крупнымъ хозяйствомъ, а настоятельными нуждами мелкаго крестьянскаго хозяйства, тѣсно связаннаго съ удовлетвореніемъ потребностей

земледѣльческихъ семей. Къ этому необходимо прибавить, что агрикультурный прогрессъ черноземнаго хозяйства въ значительной степени обезпечивается тѣмъ, что въ ближайшемъ будущемъ не предвидится необходимости, въ цѣляхъ обезпеченія этого прогресса, пополненія состава крестьянскихъ стадъ до уровня, превышающаго потребительный запросъ крестьянскихъ семей. Въ то время, какъ въ нечерноземной полосѣ Россіи крупное повышеніе урожаевъ по необходимости связано съ значительнымъ накопленіемъ удобрительныхъ запасовъ въ видѣ навоза, что вызываетъ, въ свою очередь, необходимость въ столь же значительномъ повышеніи количества скота, въ черноземной полосѣ, при неоднократно отмѣченныхъ выше особенностяхъ почвы, тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ исключительно примѣненіемъ фосфорнокислыхъ удобреній. Между тѣмъ послѣдняя форма примѣненія сельскохозяйственнаго капитала какъ нельзя болѣе приспособлена къ нуждамъ мелкаго хозяйства. Поэтому поводу проф. А. И. Чупровъ говоритъ слѣдующее: „въ отличіе отъ другихъ земледѣльческихъ улучшеній, химическія удобренія и лучшія сѣмена дѣйствуютъ быстро, можно сказать, немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильной, а иногда даже съ громадной, прибылью. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность, потому что, благодаря ему, открылась возможность примѣнять новыя системы не только собственникамъ, но и временнымъ владѣльцамъ и арендаторамъ, которые иногда снимаютъ землю не больше, чѣмъ на годъ. Минеральныя удобренія оказываютъ свое дѣйствіе и въ крупныхъ и въ мелкихъ владѣніяхъ, и на тучныхъ и на тощихъ земляхъ... Для поднятія урожаевъ при помощи новыхъ пріемовъ не нужно ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала. Даже скотоводство перестаетъ теперь быть обязательнымъ для земледѣльца: съ тѣхъ поръ, какъ навозное удобреніе начало съ успѣхомъ замѣняться минеральнымъ, количество содержимаго скота стало опредѣляться не потребностью въ поддержаніи плодородія почвы, какъ прежде, а исключительно степенью его доходности [1]). Конечно, расходы на минеральные туки, въ особенно-

[1]) Послѣднее утвержденіе проф. А. И. Чупрова, технически правильное по отношенію къ черноземнымъ почвамъ, не вполнѣ точно по отношенію къ

сти, когда ихъ примѣненіе соединяется еще съ посѣвомъ улучшенныхъ сѣмянъ и съ болѣе тщательной обработкой почвы, требуются не малые; но какъ скоро затраты дѣлаются лишь на одинъ хозяйственный годъ и сопровождаются вѣрнымъ барышемъ, то требующіяся суммы безъ труда могутъ добываться при помощи обычнаго краткосрочнаго кредита“ [1]).

Изъ приведенныхъ здѣсь соображеній нетрудно видѣть, что первые наиболѣе крупные шаги въ области агрикультурнаго прогресса въ черноземной полосѣ идутъ черезъ мелкое хозяйство, значительное расширеніе котораго неизбѣжно связано съ первыми моментами соціализаціи земли.

Послѣ сдѣланнаго анализа условій сельскохозяйственнаго прогресса въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ сосредоточено до 70% хлѣбной производительности страны, переходимъ къ подобному же анализу по отношенію къ нечерноземнымъ губерніямъ. Уже изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ первой главѣ настоящаго очерка, можно было убѣдиться въ жалкомъ состояніи крупнаго помѣщичьяго хозяйства въ сѣверной половинѣ Россіи. Распредѣленіе угодій показываетъ, что крупное землевладѣніе сосредоточило всѣ свои усилія на выращиваніи древесины; посѣвная площадь по отношенію ко всей площади землевладѣнія составляетъ ничтожную величину.

Изъ общаго сбора 766 милл. пудовъ зернового хлѣба (въ среднемъ за десятилѣтіе 1891—1900 гг. по матеріаламъ „комиссіи о движеніи благосостоянія сельскаго населенія etc“), собираемаго въ нечерноземныхъ губерніяхъ получено съ помѣщи-

---

типамъ нечерноземныхъ почвъ, требующихъ навознаго удобренія не только для поддержанія плодородія, но также и для улучшенія физическихъ свойствъ, чего не всегда возможно достигнуть однимъ минеральнымъ удобреніемъ. Кромѣ того для собиранія свободнаго азота воздуха представляется необходимымъ значительный высѣвъ азотособирающихъ бобовыхъ растеній, для использованія которыхъ необходимо содержать скотъ въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Содержаніе скота въ хозяйственныхъ цѣляхъ земледѣльческаго производства станетъ излишнимъ съ дальнѣйшими шагами агрономической техники, когда будутъ выработаны методы распространенія въ почвѣ азотособирающихъ бактерій безъ посредства посѣва бобовыхъ растеній, что также, какъ и минеральныя удобренія, послужитъ несомнѣнно на пользу мелкаго хозяйства.

[1]) См. сборникъ „Русская Высш. Школа Общ. наукъ въ Парижѣ“, лекціи профессоровъ. С.-Петербургъ 1905, стр. 303.

чьихъ земель[1]) всего 20%. Какая часть этого сбора получена собственно въ помѣщичьемъ хозяйствѣ не поддается опредѣленію, но во всякомъ случаѣ оно значительно менѣе 20%, на всю ту сумму урожая, которая собирается крестьянами-арендаторами. Въ изложенныхъ условіяхъ прогрессъ сельскаго хозяйства въ нечерноземныхъ губерніяхъ является синонимомъ прогресса мелкаго земледѣльческаго хозяйства.

Въ предшествовавшемъ изложеніи уже былъ намѣченъ путь сельскохозяйственныхъ улучшеній въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, выработанный самой жизнью. Переходъ къ травопольной системѣ хозяйства, примѣненіе искусственныхъ удобреній и улучшеніе породы молочнаго скота—вотъ тѣ очередныя задачи агрикультурнаго прогресса, которыя стоятъ передъ крестьяниномъ нечерноземной Россіи и которыя съ большимъ успѣхомъ, въ настоящее время, покамѣстъ главнымъ образомъ по отношенію къ распространенію травопольной системы, проводятся въ крестьянскую среду даже современнымъ дворянскимъ земствомъ.

Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ явится коренное улучшеніе покосныхъ земель и расчистка лѣсовъ подъ культурныя земледѣльческія угодья.

Приведенныхъ соображеній мнѣ представляется достаточно для доказательства, что мелкое земледѣльческое хозяйство не только не представляетъ препятствія для осуществленія важнѣйшихъ очередныхъ задачъ агрикультурнаго прогресса, но въ наибольшей степени обезпечиваетъ быстрое проведеніе въ жизнь крупнѣйшихъ улучшеній въ земледѣльческой техникѣ. При существующихъ экономическихъ условіяхъ успѣхи земледѣльческой техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ упираются, какъ въ стѣну, въ крестьянское малоземелье. Чтобы выдѣлить опредѣленную часть пашни подъ посѣвъ пропашныхъ или кормовыхъ растеній и травъ, а также подъ особый выгонъ, представляется необходимымъ произвести соотвѣтствующее сокращеніе въ посѣвѣ зерновыхъ хлѣбовъ, урожаемъ которыхъ обезпечиваются какъ продовольственныя нужды населенія, такъ и въ значительной долѣ неизбѣжный

[1]) Въ оффиціальныхъ публикаціяхъ свѣдѣній объ урожаяхъ въ рубрику сбора хлѣбовъ на частновладѣльческихъ земляхъ заносится также и сборъ крестьянъ-арендаторовъ. Сборъ хлѣбовъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ не одно и то же, что сборъ хлѣбовъ съ помѣщичьихъ земель; послѣдняя сумма будетъ больше на всю величину сбора крестьянъ-арендаторовъ.

въ существующемъ хозяйствѣ мѣновой оборотъ. Проведеніе въ жизнь указанныхъ техническихъ улучшеній мыслимо только при условіи сохраненія въ распоряженіи крестьянскаго хозяйства прежней площади зерновыхъ посѣвовъ, что въ свою очередь можетъ быть достигнуто не иначе, какъ увеличеніемъ крестьянской полевой земли не менѣе, какъ на одну треть [1]) наличной площади крестьянской надѣльной пахотной земли. Если принять во вниманіе значительную категорію малоземельнаго и безземельнаго населенія, то не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что очередная аграрная реформа, вызываемая настоятельнымъ требованіемъ сельскохозяйственнаго прогресса, должна поглотить всѣ земли иныхъ категорій владѣнія.

Все предшествующее разсужденіе приводитъ насъ къ необходимости поставить на очередь вопросъ о томъ, какая форма землепользованія является наиболѣе обезпечивающей прогрессъ земледѣльческой техники: мелкая поземельная собственность или муниципальный арендный фондъ по программѣ Россійской соціаль-демократической партіи, образованіе ли государственнаго запаса, защищаемаго большинствомъ к.-демократической партіи или соціализація земли, выдвигаемая партіей соціалистовъ-революціонеровъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, представляется необходимымъ обратиться къ болѣе детальному анализу тѣхъ условій, которыми въ наибольшей степени обезпечивается проведеніе въ жизнь тѣхъ агрикультурныхъ улучшеній, которыя были намѣчены на предыдущихъ страницахъ.

При разсматриваніи условій техническихъ усовершенствованій крестьянскаго хозяйства приходится неизбѣжно считаться съ тѣмъ существеннымъ фактомъ русской дѣйствительности, что преобладающее большинство земледѣльческаго населенія Россіи живетъ не отдѣльными хуторами, а въ болѣе или менѣе значительныхъ поселкахъ, при чемъ размѣры селеній представляются болѣе значительными въ черноземной полосѣ Россіи. Безводье, свойственное степнымъ и юговосточнымъ губерніямъ, значительно

---

[1]) Арендуемая крестьянами пашня въ расчетъ не принимается, такъ какъ при существующихъ арендныхъ цѣнахъ въ пользованіи арендатора остается только солома и мякина, т.-е. кормовые матеріалы, повышеніе запаса которыхъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, составляетъ задачу установленія четвертаго кормового клина.

увеличиваетъ средніе размѣры селеній. Въ предшествовавшемъ изложеніи было установлено, что техническія улучшенія въ черноземной полосѣ связаны съ накопленіемъ почвенной влаги. Это измѣненіе въ сельскохозяйственной техникѣ усиливается въ своемъ значеніи по мѣрѣ увеличенія засушливости мѣстностей, которая, какъ уже было указано, приводитъ къ увеличенію поселковъ, образуемыхъ земледѣльческимъ населеніемъ.

Такимъ образомъ, настоятельность техническихъ усовершенствованій, связанныхъ съ накопленіемъ и сохраненіемъ почвенной влаги, въ извѣстной мѣрѣ пропорціональна среднимъ размѣрамъ селеній.

Всякій, кто считается съ подобнымъ фактомъ, — долженъ признать, что массовое улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ преобладающему большинству земледѣльческаго населенія исключительно поселенный характеръ.

Такой коренной агрикультурный переворотъ, какъ переходъ къ иной системѣ полеводства, мыслимъ только въ томъ случаѣ, когда къ нему приступаетъ селеніе въ полномъ составѣ. Несмотря на поразительные факты, доставляемые практикой широкаго распространенія травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечерноземной полосы при общинной формѣ землевладѣнія, до сего времени еще сохранились оригинальные мыслители, утверждающіе, что важнѣйшимъ препятствіемъ къ сельскохозяйственному прогрессу является община, налагающая тяжелыя стѣсненія на личную иниціативу. Дѣйствительно, подобное стѣсненіе, при веденіи хозяйства на отдѣльныхъ полосахъ въ общемъ полѣ, несомнѣнно существуетъ, но существованіе подобнаго стѣсненія обусловлено не общинной формой землевладѣнія, а системой полевого хозяйства, при которой различныя части пашни послѣдовательно служатъ общимъ пастбищемъ. Указанная форма полеводства, неизбѣжная при трехпольной системѣ, приводитъ къ одинаковымъ стѣсненіямъ личной иниціативы независимо отъ формъ землевладѣнія. Дѣло нисколько не измѣнится отъ того, будетъ ли полевая земля въ трехпольномъ сѣвооборотѣ находиться въ общинной, въ подворнонаслѣдственной или въ частной личной собственности, какъ это наблюдается въ случаяхъ основанія поселковъ на купленной землѣ. Наоборотъ, въ указанныхъ условіяхъ ограниченность распорядительной власти сельскаго схода

по отношенію къ землямъ, находящимся въ подворной собственности, приводила къ такимъ стѣсненіямъ, съ которыми легко справляется земельная община.

Тѣмъ не менѣе наличные рессурсы агрономической техники допускаютъ возможность цѣлаго ряда техническихъ улучшеній и въ условіяхъ принудительнаго сѣвооборота, связаннаго съ трехпольемъ. Къ этой категоріи улучшеній относятся примѣненія болѣе совершенныхъ орудій обработки почвы, искусственныхъ удобреній и улучшенныхъ сѣмянъ. При всемъ томъ, всѣ указанныя мѣры въ условіяхъ нашего черноземнаго хозяйства представляются слабыми палліативами. Болѣе совершенная обработка почвы далеко не достигаетъ своей цѣли при невозможности своевременнаго выполненія связанныхъ съ нею работъ. Искусственныя удобренія и улучшенныя сѣмена не въ состояніи дать полнаго эффекта при недостаткѣ почвенной влаги. Только система агрикультурныхъ мѣръ, направленныхъ къ накопленію и сохраненію почвенной влаги, въ состояніи привести въ обращеніе колоссальныя богатства черноземной почвы, вдохнуть жизнь, въ прямомъ смыслѣ слова, въ мертвую минеральную и органическую массу, составляющую черноземъ, значительно повысить результаты болѣе совершенной обработки, эффектъ искусственныхъ удобреній и улучшенныхъ сѣмянъ. Всѣ же техническія мѣры, связанныя съ накопленіемъ и сохраненіемъ почвенной влаги, могутъ перейти съ опытныхъ станцій на крестьянскія поля лишь при условіи коренного измѣненія системы полевого хозяйства, съ переходомъ отъ трехполья къ многополью, при выдѣленіи особаго кормового и пастбищнаго клина. Слѣдовательно, вся совокупность сельскохозяйственнаго прогресса обусловливается въ конечномъ счетѣ тѣми земельными условіями, при которыхъ представляется наиболѣе достижимымъ указанный агрикультурный переворотъ въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, при отмѣченныхъ выше особенностяхъ разселенія преобладающаго большинства земледѣльческаго населенія Россіи. Прежде всего я остановлюсь на опредѣленіи условій проведенія въ жизнь указаннаго агрикультурнаго переворота при мелкой личной поземельной собственности, которая внезапно нашла цѣлый рядъ горячихъ сторонниковъ одинаково, какъ въ буржуазныхъ, такъ и демократическихъ кругахъ русскаго общества. Представимъ себѣ, что въ итогѣ революціи Россія превратилась въ сплошную страну мел-

кихъ личныхъ собственниковъ, и посмотримъ, насколько при этомъ аграрномъ переворотѣ будетъ обезпечена возможность быстраго проведенія въ жизнь указанныхъ выше агрикультурныхъ перемѣнъ. Если, при этомъ, распредѣленіе земельныхъ участковъ останется въ томъ же черезполосномъ видѣ, какъ это наблюдается въ настоящее время, одинаково, какъ при общинномъ, такъ и подворномъ владѣніи, то возможность проявленія личной иниціативы въ дѣлѣ видоизмѣненія полевой системы не только не облегчается, но весь этотъ агрикультурный переворотъ въ значительной степени затрудняется отмѣной распорядительной власти сельскаго схода въ земельныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, каковая отмѣна является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ господства частной собственности на землю. Поэтому мы допустимъ лучшую обстановку дѣла.

Предположимъ, что вмѣстѣ съ установленіемъ личной собственности на землю будетъ изданъ законъ по регулированію земли, ставящій себѣ цѣлью выработку юридическихъ нормъ по обмѣну земельныхъ участковъ и отводу всей площади землевладѣнія отдѣльнаго лица къ одному мѣсту и при томъ въ формѣ наиболѣе удобной для хозяйственнаго пользованія. Допустимъ далѣе, что всѣ экспропріированныя земли также отводятся въ собственность цѣльными хозяйственными кусками.

Что же при этомъ получится? При способѣ разселенія, присущемъ большинству мѣстностей черноземной полосы, указанный выше выдѣлъ земельныхъ участковъ къ одному мѣсту не въ состояніи удовлетворить второму наиболѣе существенному требованію—удобству хозяйственнаго пользованія. Этотъ выдѣлъ могъ бы осуществиться исключительно въ формѣ длинныхъ и узкихъ ремней, въ нѣсколько саженъ шириною и на много верстъ длиною. Само собой разумѣется, что никакое раціональное пользованіе землей при такой фигурѣ владѣнія немыслимо. Чтобы получить болѣе удобное расположеніе земли необходимо предпринять въ широкихъ размѣрахъ разселеніе по хуторамъ.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ гидрологическими условіями большинства мѣстностей черноземной полосы, не позволяющихъ произвольнаго разселенія. Сдѣлаемъ еще новое допущеніе, что путемъ гидрологическихъ предпріятій, въ родѣ устройства артезіанскихъ колодцевъ, удалось устранить всѣ указанныя препятствія и населеніе получило возможность размѣститься самымъ

идеальнымъ образомъ. Вся культурная площадь подѣлена на квадраты и въ центрѣ каждаго квадрата посажено по земледѣльческой семьѣ. При какихъ условіяхъ возможенъ намѣченный выше агрикультурный переломъ въ этомъ идеальномъ землеустройствѣ?

Свобода хозяйственнаго пользованія каждаго такого мелкаго землевладѣльца своимъ земельнымъ участкомъ попрежнему будетъ въ значительной степени стѣснена хозяйственными порядками его ближайшихъ сосѣдей. Придется каждому отдѣльному двору старательно огораживать свои посѣвы отъ возможности потравы скотомъ его сосѣдей, къ чему наше степное безлѣсье представитъ новыя серьезныя затрудненія.

При указанной схемѣ землеустройства крупный переломъ въ системѣ полевого хозяйства возможенъ только въ томъ случаѣ, когда къ нему приступитъ единовременно вся совокупность хозяевъ данной мѣстности, расположенныхъ по сосѣдству другъ съ другомъ. Къ тому же этотъ переходъ въ изложенныхъ условіяхъ не допускаетъ постепенности установленія стойловаго содержанія скота, какъ это возможно при общинномъ пастбищномъ клинѣ, когда надзоръ одного пастуха за большимъ стадомъ обезпечиваетъ посѣвы отъ потравы; установленіе болѣе совершенной системы полеводства при распыленномъ состояніи землевладѣнія осложняется необходимостью немедленнаго перехода къ стойловому содержанію скота. Слѣдуетъ также принять во вниманіе огромную потерю въ культурной площади на границы между отдѣльными мелкими владѣніями и на особыя дороги къ отдѣльному мелкому земельному участку.

Попытаемся теперь резюмировать всѣ тѣ затрудненія къ техническому прогрессу, которыя встрѣчаются на пути мелкой частной собственности:

1) Чтобы привести мелкую личную собственность въ состояніе, удобное для хозяйственнаго пользованія, представляется необходимымъ изданіе особаго законодательства по регулированію землевладѣнія. Образцомъ подобнаго законодательства является прусскій законъ о регулированіи, изданный въ 1821 г., при чемъ за 85 лѣтъ цѣли, поставленныя этому законодательству, еще далеко не достигнуты, несмотря на то, что германскому законодательству не пришлось имѣть дѣла и съ сотой долей тѣхъ затрудненій, которыя неизбѣжно возникнутъ въ Россіи въ общинныхъ навыкахъ преобладающаго большинства населенія.

2) Приведеніе мелкой земельной собственности въ состояніе, удобное для хозяйственнаго пользованія, связано съ потребностью въ широкомъ разселеніи населенія по хуторамъ.

3) Въ цѣляхъ осуществимости разселенія представляется необходимымъ проведеніе по большинству мѣстностей черноземной полосы обширныхъ гидрологическихъ мѣропріятій.

4) При мелкой земельной собственности переходъ къ высшимъ формамъ полевого хозяйства неизбѣжно связанъ съ крутымъ переломомъ хозяйственныхъ навыковъ населенія. Раздробленность владѣнія земельными участками не допускаетъ той постепенности въ переходахъ, которая возможна при общинномъ землепользованіи.

Изъ всего изложеннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что прогрессъ сельскохозяйственной техники при мелкой земельной собственности въ Россіи дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, во всякомъ случаѣ дѣло столѣтія.

Правда, Каутскій предполагаетъ, что даже при раздѣлѣ земли въ частную собственность, скоро можетъ снова подняться сельскохозяйственное крупное производство, основанное на раціональномъ капиталистическомъ базисѣ [1]). Это по отношенію къ Россіи. У себя же въ Германіи Каутскій въ своей полемикѣ съ Давидомъ вынужденъ былъ къ слѣдующимъ утвержденіямъ: „крестьянинъ исчезаетъ не такъ быстро, какъ мы ожидали. За послѣднія 10-лѣтія онъ потерялъ очень мало земли, а, пожалуй, (!) и совсѣмъ не потерялъ ея. Но дальнѣйшій ходъ развитія сейчасъ трудно предсказать". И далѣе—„весь ходъ развитія вплоть до настоящаго времени показываетъ, до чего велика устойчивость отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ, *главнымъ образомъ въ зависимости отъ характера частной собственности на землю* (курсивъ мой. П. В.), до чего консервативно въ этомъ отношеніи сельское хозяйство" [2]). При указанномъ противорѣчіи у такого признаннаго „учителя", какъ К. Каутскій, не приходится удивляться тому невообразимому сумбуру, который господствуетъ по аграрному вопросу въ головахъ русскихъ „учениковъ". При установленіи мелкой собственности въ Россіи, прежде, чѣмъ обнаружатся первые шаги по пути сельскохозяйственнаго прогресса, начнется бѣшеная спекуляція земельными участками.

---

[1]) К. Каутскій—Аграрный вопросъ въ Россіи. [2]) К. Каутскій—соціализмъ и сельское хозяйство. Отвѣтъ Э. Давиду—Москва 1906, стр. 29.

Съ переходомъ земли въ собственность крестьянъ не будетъ создано почвы для производственнаго приложенія капитала. Наоборотъ, для русскаго аграрнаго капитализма откроется еще болѣе обширное поле къ проявленію его торгово-ростовщическихъ навыковъ: покупка и перепродажа земельныхъ участковъ, залоговой кредитъ и связанное съ нимъ ростовщичество, эксплоатація разрозненныхъ мелкихъ производителей и т. п.—вотъ наиболѣе вѣроятный путь приложенія капитала въ земледѣліи при господствѣ мелкой собственности.

Всѣ приведенныя соображенія въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что мелкая собственность на землю не только не можетъ облегчить развитія агрикультурнаго прогресса, но явится сильнѣйшимъ тормазомъ на пути поднятія производительности сельскаго хозяйства въ Россіи.

Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію вѣроятнаго вліянія другихъ формъ землепользованія на технику сельскаго хозяйства, я постараюсь болѣе детально выяснить тѣ условія, при которыхъ переходъ къ высшимъ техническимъ формамъ сельскохозяйственнаго производства представляется наиболѣе возможнымъ.

Въ предшествовавшемъ изложеніи уже было выяснено, что наиболѣе необходимыя техническія улучшенія въ земледѣльческомъ производствѣ наталкиваются на крестьянское малоземелье. Переходъ ко всякой многопольной системѣ неизбѣжно связанъ съ сокращеніемъ въ посѣвѣ крестьянскихъ продовольственныхъ хлѣбовъ. Важнѣйшимъ назначеніемъ этихъ посѣвовъ является удовлетвореніе продовольственныхъ потребностей земледѣльческихъ семей, а такъ какъ при наличныхъ условіяхъ продовольствіе земледѣльческаго населенія держится на границѣ голода, переходя въ неурожайные годы черезъ эту границу, то населеніе неизбѣжно должно остановиться въ раздумьи передъ малѣйшей попыткой къ сокращенію обычной площади посѣвовъ. При экспропріаціи частновладѣльческихъ земель площадь посѣвовъ, обезпечивающихъ продовольственныя потребности населенія, значительно увеличится. Этимъ будетъ создано матеріальное основаніе къ возможности перехода къ болѣе правильной системѣ полевого хозяйства. Но эта возможность, внѣ установленія опредѣленной системы землепользованія, осуществится по отношенію ко всему крестьянскому хозяйству въ цѣломъ, но не по отноше-

нію къ каждой отдѣльной земледѣльческой семьѣ. Между тѣмъ, разверстка полей на новые клинья въ зависимости отъ требованія многопольной системы, можетъ быть достигнута только при достаточномъ единодушіи всѣхъ дворовъ даннаго селенія. Чѣмъ же можетъ быть достигнуто подобное единодушіе? Съ матеріальной стороны, которая въ данномъ случаѣ является важнѣйшей, ни чѣмъ инымъ, какъ средствами къ покрытію продовольственныхъ потребностей каждой отдѣльной семьи. При неравномѣрномъ распредѣленіи пахотной площади, при крупной разницѣ въ продовольственной обезпеченности каждой отдѣльной семьи, переходъ къ иной системѣ полеводства, связанный съ сокращеніемъ высѣва зерновыхъ хлѣбовъ, затрагиваетъ далеко не одинаково отдѣльныя семьи даннаго селенія. Въ то время, какъ для однѣхъ семей указанное сокращеніе высѣва не представитъ значительныхъ неудобствъ, для другихъ, менѣе обезпеченныхъ размѣрами своего землепользованія, всякое подобное сокращеніе неизбѣжно представляется, какъ угроза бѣдствіями голодовки. Поэтому вѣроятность приближенія къ тому единодушію, которое представляется необходимымъ для перехода къ новой системѣ полеводства, увеличивается пропорціонально уравнительности въ пользованіи земельной площадью. Въ силу изложенныхъ выше соображеній становится яснымъ, что въ основѣ этой уравнительности долженъ лежать продовольственный принципъ, или потребительная норма. Подобную же уравнительность землепользованія можетъ принести съ собой только соціализація земли, опирающаяся въ своихъ основахъ на всеобщее и равное для всѣхъ гражданъ право на землю. Соціализація земли создаетъ возможность массоваго перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства цѣлыхъ селеній. При соціализаціи земли не требуется ни массовыхъ разселеній по хуторамъ, ни обширныхъ гидрологическихъ мѣропріятій, ни огораживанія полей, всего того, что является необходимымъ для подобнаго перехода при господствѣ мелкой частной собственности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ черноземной полосѣ, соціализація земли, обезпечивающая переходъ къ инымъ системамъ полеводства цѣлыми селеніями, допускаетъ столь необходимую въ этомъ дѣлѣ постепенность перехода къ стойловому содержанію скота.

Только соціализація земли обезпечиваетъ столь же необходимое въ этомъ дѣлѣ единство хозяйственной организаціи, под-

чиняя однородному и общему праву отдѣльныя части земельной территоріи всякаго селенія и предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ полноту хозяйственной распорядительной власти земельному сходу общины.

Ничего подобнаго не можетъ дать ни муниципализація крупной земельной собственности, ставящая себѣ цѣлью усиленіе неравномѣрности въ пользованіи землей, ни проектъ аграрной реформы к.-д. партіи съ его регламентаціей, убивающей всякую хозяйственную самодѣятельность земледѣльческаго населенія.

Такимъ образомъ, только соціализація земли обезпечиваетъ возможность проведенія въ жизнь наиболѣе крупнаго шага на пути агрикультурнаго прогресса. Только съ переходомъ къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства открывается широкій просторъ, какъ къ дальнѣйшему усовершенствованію техники земледѣлія, такъ и къ полнотѣ проявленія хозяйственной иниціативы отдѣльной личности и общинной коллективности.

Нѣкоторые писатели по аграрному вопросу предполагаютъ, что прогрессъ сельскаго хозяйства заключается преимущественно въ распространеніи машинъ: многолемешныхъ плуговъ, косилокъ, жатокъ, паровыхъ молотилокъ и т. п. Эти писатели не принимаютъ во вниманіе одного въ высшей степени существеннаго обстоятельства, что вся совокупность этихъ машинъ, ускоряя и удешевляя производство нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ операцій, преимущественно при уборкѣ урожая, не въ состояніи повысить самого урожая, повысить производительность десятины земли. Чаще наблюдается совершенно обратное явленіе, что широкое распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ является признакомъ господства хищническаго хозяйства, неизбѣжно приводящаго къ пониженію уровня урожаевъ. Всѣмъ извѣстной особенностью сельскаго хозяйства является участіе въ качествѣ орудія и матеріала производства—земли. Въ различныхъ экономическихъ условіяхъ этотъ факторъ входитъ въ неодинаковыя комбинаціи съ другими факторами земледѣльческаго производства—трудомъ и капиталомъ. Въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ съ обширными пространствами невоздѣланной земли, при недостаткѣ рабочихъ рукъ сельскохозяйственное производство направляется къ экстенсивному использованію свободныхъ даровъ природы, при чемъ въ пользованіи почвой получаютъ перевѣсъ естественные процесы возобновленія ея плодородія. Изъ всѣхъ фак-

торовъ земледѣльческаго производства представленъ въ минимумѣ—трудъ, и важнѣйшей задачей сельскохозяйственной техники, при отмѣченныхъ условіяхъ, является сбереженіе труда за счетъ расточенія плодородія почвы, какъ обильнѣйшаго фактора производства. Подобно тому, какъ производительность почвы обусловлена тѣмъ элементомъ, который она содержитъ въ минимумѣ, точно также результаты земледѣльческаго производства обусловлены производительностью того фактора, который является минимальнымъ при данныхъ экономическихъ условіяхъ. По мѣрѣ сгущенія населенія и скопленія свободныхъ рабочихъ рукъ, какъ это наблюдается въ большинствѣ земледѣльческихъ мѣстностей Россіи, такимъ минимальнымъ факторомъ сельскохозяйственнаго производства становится почва; поэтому важнѣйшимъ содержаніемъ прогресса сельскохозяйственной техники въ послѣднихъ условіяхъ является повышеніе производительности пользованія земельной территоріей, созданіе условій къ экономически наиболѣе выгодному превращенію богатства почвы въ плодородіе, предназначенное къ использованію опредѣленнымъ растеніемъ, введеннымъ въ культуру. Сельскохозяйственная механика, сохраняя все свое крупное значеніе въ дѣлѣ сбереженія труда, тѣмъ не менѣе отодвигается на второй планъ въ дѣлѣ земледѣльческаго прогресса. На первое мѣсто выдвигаются тѣ пріемы техники, которыми создается болѣе производительное пользованіе почвой и земельной территоріей, которыми обусловлено полученіе большихъ массъ урожая съ опредѣленной единицы пространства. Изъ приведенныхъ ранѣе соображеній выяснилось, что такимъ пріемомъ техники, открывающимъ широкій просторъ къ сельскохозяйственному прогрессу Россіи, является измѣненіе системы полеводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось также, что соціализація земли въ наибольшей степени обезпечиваетъ возможность быстраго проведенія въ жизнь агрикультурнаго переворота въ системахъ полеводства. Такимъ образомъ, соціализація земли должна явиться наиболѣе могущественнымъ условіемъ къ прогрессу сельскаго хозяйства въ Россіи.

Однако, слѣдуетъ помнить, что земля не представляетъ изъ себя единственнаго фактора земледѣльческаго производства, а рядомъ съ тѣмъ и сельскохозяйственнаго прогресса. Необходимымъ условіемъ прогресса сельскохозяйственной техники является примѣненіе капитала къ земледѣлію. Изъ приведеннаго выше

анализа аграрнаго капитализма въ Россіи мы пришли къ заключенію о преобладаніи въ русской сельско-хозяйственной дѣйствительности земельно-спекулятивныхъ и торгово-ростовщическихъ функцій капитала. Поэтому другимъ требованіемъ, которое должно быть предъявлено въ интересахъ сельскохозяйственнаго прогресса къ строю земельныхъ отношеній, является способность этого строя обезпечить возможно большій притокъ капитала къ производственнымъ функціямъ въ земледѣліи и возможно большее ограниченіе торгово-ростовщическихъ функцій капитала. Соціализація земли въ корнѣ прекращаетъ всѣ торговыя операціи съ землей, отмѣняетъ куплю-продажу земли вмѣстѣ со всѣми формами ипотечнаго кредита. Съ провозглашеніемъ права на землю нотаріальныя земельныя книги закрываются, а ипотечные банки приступаютъ къ подведенію своего ликвидаціоннаго баланса. Поэтому вслѣдъ за аграрной реформой освобождаются къ болѣе производительному назначенію тѣ капиталы, которые ранѣе разыскивали для себя помѣщеніе въ земельныхъ покупкахъ и въ ипотекахъ. Въ значительной долѣ эти капиталы не носили спекулятивнаго характера, такъ, напр., помѣщеніе денегъ въ закладные листы кредитныхъ учрежденій всегда считалось одной изъ наиболѣе прочныхъ формъ помѣщенія капитала. Въ своей наибольшей долѣ это не капиталъ спекуляторовъ, а капиталъ рантье, ищущаго прочнаго помѣщенія своихъ денегъ, хотя бы за небольшой процентъ. Какъ велико накопленіе капитала въ указанной формѣ, можетъ служить показателемъ задолженность нашего частнаго землевладѣнія по закладнымъ листамъ, достигавшая къ 1 іюля 1904 г.—2.128.100.043 рублей. Накопленіе такого рентнаго капитала, не рискующаго погоней за крупными барышами, а ищущаго въ силу психологическихъ особенностей своихъ держателей (рантье) прочнаго помѣщенія, не только не прекратится въ дальнѣйшемъ, послѣ провала ипотечнаго кредита, связаннаго съ соціализаціей земли, но, несомнѣнно, какъ это показываетъ намъ примѣръ строя западно-европейской культуры, сильно разовьется съ дальнѣйшими успѣхами индустріальнаго капитализма [1]). Этимъ освобожденіемъ капитала отъ непроизводительныхъ функцій будетъ создана матеріальная основа къ притоку средствъ производства въ земледѣльческое хозяйство при посредничествѣ

[1]) Помѣщаться онъ будетъ, конечно, ужъ не подъ залогъ земли.

кооперативныхъ учрежденій. Тѣ же кооперативныя учрежденія являются при капиталистическомъ строѣ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ ограниченію торгово-ростовщическихъ функцій капитала. Слѣдовательно, весь вопросъ объ усиленіи производительныхъ функцій капитала въ земледѣліи сводится къ анализу условій сельскохозяйственныхъ кооперацій при соціализаціи земельныхъ отношеній. Къ этому анализу я и перехожу въ слѣдующей главѣ.

III.

Прежде, чѣмъ перейти къ поставленному выше вопросу, сдѣлаемъ краткій очеркъ по исторіи возникновенія и развитія кооперативнаго движенія въ сельскомъ хозяйствѣ Западной Европы [1]). Это выяснитъ намъ тѣ формы земледѣльческой кооперацiи, которыя выдвигаются западно-европейской дѣйствительностью, а затѣмъ уже перейдемъ къ опредѣленію условій приложенія этихъ формъ при соціализаціи земли.

Кооперативное движеніе въ земледѣльческомъ населеніи Зап. Европы представляется явленіемъ самаго послѣдняго времени. Въ Баваріи первый райфейзенскій ферейнъ возникъ въ 1877 г., въ Баденѣ первое закупочное общество въ 1882 г., въ Даніи первое молочное товарищество—въ 1882 г., во Франціи первый земледѣльческій синдикатъ въ 1883 г., въ Италіи первая сельскохозяйственная касса въ 1883 г. Пышный же расцвѣтъ кооперативнаго движенія относится къ послѣднимъ годамъ XIX вѣка и къ первымъ годамъ текущаго столѣтія. Въ 1890 г. въ Германіи было—3006 товариществъ, въ 1892—4374; 1894 г.—6031; 1896 г.—8986; 1898 г.—11839; 1900 г.—14636; 1902—16097; 1904—18309. Сельскохозяйственныя товарищества Германіи объединили 1.250 тыс. отдѣльныхъ хозяйствъ, что составитъ до $^1/_4$ общаго числа хозяйствъ, опредѣленнаго по переписи 1895 г. въ 5.558 тыс. Чтобы судить о финансовой силѣ германскихъ сельскохозяйственныхъ союзовъ, достаточно отмѣтить, что сумма денежныхъ оборотовъ центральныхъ кассъ имперскаго союза нѣмец-

---

[1]) Фактическія свѣдѣнія о кооперацiи въ Зап. Евр. заимствованы изъ лекцій пр. А. И. Чупрова (см. Русская В. Шк. Общ. наукъ въ Парижѣ изд. Львовича. С.-Пб. 1905) и изъ книги Бургена—Современн. соц. системы. С.-Петерб. 1906 г.

кихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ и Нейвидскаго союза товариществъ достигали въ 1903 г.—2.440 милл. марокъ. Прусская центральная касса товарищества, основанная въ 1896 г. въ цѣляхъ финансоваго объединенія союзовъ товариществъ, сдѣлала въ 1902 г. денежный оборотъ въ 8 милліардовъ марокъ. О быстромъ развитіи земледѣльческихъ синдикатовъ Франціи можно составить себѣ представленіе изъ слѣдующей таблицы:

Годы	Синдикаты	Число членовъ
1885	39	?
1890	648	234.234
1895	1188	403.261
1903	2433	598.834

Рокильи опредѣляетъ всю цифру покупокъ, совершаемыхъ ежегодно французскими синдикатами, около 200.000.000 франковъ.

Важнѣйшими функціями сельскохозяйственныхъ товариществъ Германіи является оказаніе кредита сельскому населенію, а также удешевленіе пріобрѣтаемыхъ имъ продуктовъ и средствъ сельскохозяйственныхъ производствъ путемъ оптовыхъ закупокъ. Послѣднюю цѣль ставятъ себѣ также французскіе земледѣльческіе синдикаты. Но помимо товариществъ, болѣе или менѣе универсальнаго характера, въ родѣ райфейзеновскихъ кассъ Германіи, получили также широкое распространеніе союзы, ставящія себѣ спеціальныя функціи. Въ этомъ отношеніи на первое мѣсто выдвигаются товарищества по переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и въ числѣ послѣднихъ кооперативныя молочныя для выдѣлки масла и сыра. Изъ всѣхъ странъ Западной Европы въ дѣлѣ развитія кооперативнаго маслодѣлія на первое мѣсто выдвигается крестьянская Данія, представляющая рѣдкій примѣръ расцвѣта сельскохозяйственнаго производства при отсутствіи ввозныхъ земледѣльческихъ пошлинъ. Первая кооперативная молочная была устроена въ Даніи въ 1882 г., а къ началу 1899 г. въ Даніи существовало уже 1.013 кооперативныхъ молочныхъ и, кромѣ того, 260,—принадлежащихъ сельскимъ обществамъ.

Въ 1898 г. въ молочныхъ участвовало 148.000 хозяевъ, владѣвшихъ 842000 коровъ, 5,7 коровы въ среднемъ на 1 хозяйство. Благодаря тщательному общественному контролю за скотоводствомъ и выдѣлкою продуктовъ, вывозъ молочныхъ продуктовъ изъ Даніи достигъ громадныхъ размѣровъ и маленькая страна

захватила въ свои руки почти половину ввоза масла въ Англію, при чемъ датское масло расцѣнивается лондонскимъ рынкомъ выше масла, получаемаго изъ другихъ странъ. Примѣру Даніи послѣдовали и другія страны. Ирландія учредила въ короткое время до 200 кооперативныхъ молочныхъ. Въ Швейцаріи число кооперативныхъ сыроваренъ и молочныхъ дошло въ 1903 г.— до 1536, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ почти цѣликомъ все обширное швейцарское сыроваренie. Въ Италіи къ концу 90-хъ годовъ имѣлось около 900 кооперативныхъ молочныхъ. Въ Германіи число кооперативныхъ молочныхъ достигло въ 1904 г.— 2.713, при чемъ 40% производимаго Германіей масла выдѣлывается въ кооперативныхъ молочныхъ. Число земледѣльческихъ производительныхъ обществъ Франціи достигало въ 1901 г.— 2200. Въ наиболѣе крупной изъ французскихъ организацій по обработкѣ молока—въ центральной ассоціаціи кооперативныхъ молочныхъ Шаронты и Пуату—насчитывалось въ 1902 г. 49.516 членовъ, владѣвшихъ 116.061 коровами, съ приходомъ 23.552.000 франковъ. Въ среднемъ на 1 кооперативное хозяйство приходилось 2,3 коровы, средній доходъ 1 хозяйства отъ сбыта молока 475 франковъ, или около 180 р., по 78 рублей въ среднемъ на 1 корову. Къ числу производительныхъ земледѣльческихъ товариществъ относятся также товарищества винодѣловъ, получающія широкое распространеніе въ южной Германіи, Франціи и Италіи.

Сходныя цѣли по отношенію къ другимъ продуктамъ преслѣдуютъ кооперативныя предпріятія по переработкѣ овощей, плодовъ и ягодъ. За послѣдніе годы получаетъ широкое распространеніе также кооперативное пользованіе усовершенствованными земледѣльческими машинами. Къ этому стремятся одинаково, какъ кредитныя и закупочныя товарищества, выдающія пріобрѣтенныя сельскохозяйственныя машины напрокатъ своимъ членамъ, такъ спеціальныя машинныя товарищества, сорганизованныя спеціально для совмѣстнаго пользованія земледѣльческими машинами, недоступными отдѣльному мелкому производителю.

Къ производительнымъ товариществамъ неизбѣжно примыкаютъ кооперативныя организаціи по сбыту продуктовъ. Впереди другихъ странъ въ этомъ отношеніи стоитъ маленькая крестьянская Данія. Помимо солидной постановки организаціи по сбыту масла, о чемъ шла рѣчь выше, въ Даніи кооперація по сбыту охватываетъ также торговлю яицами.

Кооперированные производители учредили строгій контроль за поставкой продуктовъ и значительно подняли цѣны. Въ 1903 г. датскія яйца продавались на англійскомъ рынкѣ въ среднемъ по 3, 4 коп. за штуку, тогда какъ за нѣмецкія платилось лишь 2, 5 коп., а за русскія 2, 1 коп. за штуку. За послѣдніе годы такія товарищества размножаются и въ Германіи. Въ нѣмецкой торговлѣ самымъ высокимъ сортомъ по качеству и цѣнѣ считаются теперь яйца, доставленныя товариществами.

Изъ другихъ видовъ торговли можно отмѣтить кооперативный сбытъ мяса и первые шаги по организаціи кооперативнаго сбыта хлѣба. Формами проявленія кооперацiи являются также различныя скотоводныя общества, ставящія себѣ задачу массовое улучшеніе породы скота и ферейны по организаціи страхованія отъ падежа скота, отъ градобитія и т. п.

Въ кооперативныхъ учрежденіяхъ преимущественно объединяются мелкіе землевладѣльцы. Какъ доказательство послѣдняго утвержденія, является фактъ наибольшаго распространенія товариществъ въ мѣстностяхъ съ господствомъ мелкаго землевладѣнія. Въ Германіи въ настоящее время всего больше товариществъ въ Гессенѣ, Вюртембергѣ, Баденѣ и Баваріи, въ государствахъ, гдѣ мелкими и средними крестьянскими хозяйствами (до 20 гектаровъ) было занято отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ и болѣе всей территоріи. Точно также синдикальное движеніе во Франціи сильнѣе въ ея южной части въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ болѣе мелкихъ формъ хозяйства.

Изъ приведеннаго краткаго очерка развитія кооперативнаго движенія въ Западной Европѣ нетрудно придти къ выводу, что важнѣйшей цѣлью этого движенія является организованная борьба съ торговой и растовщической формами капиталистической эксплоатаціи мелкаго земледѣльца.

Ограничивая торгово-ростовщическія функціи капитала, кооперативныя организаціи тѣмъ самымъ обезпечиваютъ въ значительной степени производительный притокъ капитала къ земледѣлію. Тѣмъ не менѣе эти формы ассоціаціи въ области сельскаго хозяйства встрѣчаютъ серьезныя возраженія со стороны Каутскаго въ его извѣстной книгѣ „Die Agrarfrage“. Однако вся сила критики названнаго автора направлена преимущественно противъ производительныхъ товариществъ по переработкѣ молока. Относительно кредитныхъ и закупочныхъ товариществъ,

захватывающихъ наибольшую долю кооперативнаго движенія и направленныхъ по преимуществу противъ торговыхъ и ростовщическихъ операцій капитала, Каутскій признаетъ ихъ высокую важность для крестьянскаго хозяйства, но видитъ въ этихъ учрежденіяхъ шагъ впередъ не къ соціализму, а по направленію къ капитализму [1]), къ ускоренію побѣды болѣе крупнаго производства надъ болѣе мелкимъ. Къ подобному выводу названный авторъ приходитъ на томъ основаніи, что кооперація приноситъ тѣмъ болѣе выгодъ, чѣмъ крупнѣе земледѣльческое хозяйство. Такъ, выгодами оптовой закупки воспользуется въ наибольшей степени то хозяйство, покупки котораго значительнѣе въ силу его болѣе крупныхъ размѣровъ [2]).

Эта мысль была бы совершенно справедлива, только внѣ зависимости отъ тѣхъ экономическихъ отношеній, на замѣщеніе которыхъ выступаетъ кооперативная организація. Кооперативная организація, какъ уже было выше отмѣчено, въ значительной степени ограничиваетъ, а во многихъ случаяхъ и совершенно устраняетъ эксплоататорскія функціи торговаго посредничества. Между тѣмъ зависимость отъ торговаго капитала и норма ростовщической эксплоатаціи усиливается при меньшихъ размѣрахъ и устойчивости отдѣльнаго хозяйства. Поэтому и выгодами устраненія этой эксплоатаціи воспользуются въ наибольшей степени тѣ хозяйства, которыя сильнѣе эксплотируются т.-е. болѣе мелкіе, чѣмъ крупныя.

Въ сферѣ сбыта Каутскій отмѣчаетъ ту невыгодную сторону кооперированныхъ мелкихъ производителей, что будто бы эти послѣдніе не въ состояніи поставлять на рынокъ столь высокихъ

---

[1]) K. Kautsky.—Die Agrarfrage стр. 118.

[2]) Для иллюстраціи этой мысли, Каутскій приводитъ крайне неудачный примѣръ кооперативной закупки каменнаго угля (стр. 121), выгодами которой, конечно, могли вполнѣ воспользоваться только хозяйства крупнаго размѣра, имѣющія паровыя машины. Не на покупкѣ же каменнаго угля на самомъ дѣлѣ сосредоточены, главнымъ образомъ, обороты земледѣльческихъ товариществъ и не провинція Саксонія, на которую указываетъ Каутскій, какъ на примѣръ кооперативнаго владѣнія паровыми плугами, является мѣстностью наибольшаго развитія кооперативнаго движенія. Не имѣя намѣренія воспользоваться по этому случаю выгодами дешевой полемики, я привожу выше мысль Каутскаго въ той обобщенной формѣ, поскольку она вытекаетъ изъ общей концепціи его замѣчаній по поводу кооперативнаго движенія.

и однородныхъ по качеству продуктовъ, какъ это доступно крупному хозяйству. Отвѣтъ на это замѣчаніе Каутскаго далъ всемірный рынокъ, вынесшій болѣе высокія отмѣтки цѣнъ на продукты кооперативнаго производства.

Хотя Каутскій и признаетъ, что кредитныя товарищества являются наиболѣе важной формой кооперації для крестьянъ, но и здѣсь онъ заявляетъ, что далеко не всѣ крестьяне могутъ воспользоваться такой формой кредита, такъ какъ наиболѣе нуждающіеся въ этомъ кредитѣ являются въ то же время и наименѣе кредитоспособными.

Послѣднее замѣчаніе Каутскаго представляетъ изъ себя поразительный примѣръ игнорированія основъ кредитной сдѣлки, принятой въ наиболѣе распространенномъ среди земледѣльческаго населенія Германіи и другихъ европейскихъ странъ райфейзеновскомъ типѣ кредитныхъ товариществъ. Правда, эти товарищества находятся подъ руководствомъ духовенства и потому является до извѣстной степени вполнѣ послѣдовательнымъ для правовѣрнаго соціаль-демократа игнорированіе этихъ учрежденій, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что въ данномъ случаѣ страстность политической борьбы германской соціаль-демократіи съ клерикализмомъ затемнила въ представленіи Каутскаго важнѣйшую сторону кредитной сдѣлки, принятую въ кассахъ, объединяющихъ мелкое земледѣльческое населеніе. Въ основѣ кредитной сдѣлки лежитъ не кредитоспособность, опредѣляемая имущественной состоятельностью того или иного лица, а производительное употребленіе выданной ссуды въ предпріятіи, для котораго занимаются деньги.

Если существуетъ твердое основаніе думать, что предпріятіе возстановитъ въ заключеніи производительнаго процесса ссуженный капиталъ, то такое предпріятіе должно считаться и считается кредитоспособными, хотя бы у кредитующагося и не было достаточнаго имущества для обезпеченія возврата ссуды. То обстоятельство, что большинство сельскохозяйственныхъ ссудъ предназначено къ производительному потребленію въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, создавая самымъ фактомъ производительнаго потребленія кредитоспособность этого хозяйства, повело къ тому, что помѣщеніе денегъ въ мелкія кредитныя учрежденія стало считаться въ Германіи и Италіи самымъ прочнымъ и эти учрежденія страдаютъ не отъ недостатка, а отъ избытка предложеній

капиталовъ, особенно усилившагося послѣ краха многихъ частныхъ банковъ крупнаго кредита. Въ мелкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ Германіи, какъ напримѣръ въ Нейвидскомъ союзѣ, объединяющемъ райфейзеновскія кассы, большинство ссудъ было выдано изъ $4—4^1/_2\,^0/_0$, по болѣе низкому проценту, чѣмъ при личномъ кредитѣ крупному землевладѣльцу и даже комерсанту[1]).

Такимъ образомъ кооперативная организація въ сельскомъ хозяйствѣ не только устраняетъ торговое посредничество, въ особенности въ его мелкихъ наиболѣе ростовщическихъ операціяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечиваетъ производительный притокъ капитала къ земледѣлію. Поэтому голосъ Каутскаго не нашелъ себѣ широкаго отзвука, и почти во всѣхъ программахъ соціалистическихъ партій существуетъ требованіе о содѣйствіи кооперативному движенію. Слабость критическихъ замѣчаній такого, во всякомъ случаѣ, незауряднаго мыслителя, какъ Каутскій, и его отрицательное отношеніе къ кооперативному движенію въ земледѣліи, въ смыслѣ способности этого движенія оказать содѣйствіе мелкому хозяйству, въ значительной степени объясняется психологическими причинами, созданными той политической обстановкой, при которой протекло кооперативное движеніе въ Германіи.

Въ то время, какъ на соціаль-демократическихъ партейтагахъ, при обсужденіи аграрнаго вопроса, приносились обильныя словесныя жертвоприношенія во славу священной догмы, въ германскомъ земледѣліи разлилось широкой волной могущественное кооперативное движеніе, которое успѣли захватить въ свои руки силы стараго міра—клерикалы и крупные землевладѣльцы, найдя въ кооперації могущественную поддержку своимъ политическимъ стремленіямъ. Только при такой неблагопріятной политической обстановкѣ кооперативнаго движенія въ Германіи, могла возникнуть та успокоительная теорія, что имманентное развитіе капитализма передѣлаетъ кооперації въ капиталистическія предпріятія къ вящшему торжеству крупнаго земледѣльческаго хозяйства надъ мелкимъ и что уступка кооперативнаго движенія въ руки реакціонеровъ безразлична въ политическомъ отношеніи. Къ счастью, подобный аполитическій квіетизмъ не поразилъ соціалистическихъ партій другихъ странъ. Соціалистическія пар-

---

[1]) А. И. Чупровъ, I. с. стр. 338.

тіи, какъ уже было отмѣчено, включили въ свои аграрныя программы кооперативныя требованія, а въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., болѣе всего въ Бельгіи и Италіи, соціалисты нашли въ кооперативномъ движеніи могущественное экономическое средство къ политическому завоеванію деревни.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отъ себя скрывать глубокой политической опасности кооперативнаго движенія, поскольку это движеніе служитъ къ упроченію экономической позиціи мелкой поземельной собственности, въ особенности въ условіяхъ политическаго руководства этимъ движеніемъ реакціонныхъ партій, какъ это наблюдается въ Германіи. Однако, эти опасенія исчезаютъ при соціализаціи земли, устраняющей отъ руководства деревней такія крупныя силы стараго міра, какъ частная собственность на землю вообще и крупное землевладѣніе въ особенности. Клерикальной же опасности нашей деревнѣ не грозитъ, по крайней мѣрѣ, этого, какъ кажется, никто не утверждаетъ.

Кооперативное движеніе въ русской деревнѣ въ настоящее время представляется очень слабымъ, за совершеннымъ отсутствіемъ необходимыхъ для этого политическихъ условій полной свободы собраній, слова и союзовъ. Правительственныя усилія, при посредствѣ бюрократической регламентаціи, были направлены скорѣе къ дезорганизаціи мелкаго кредита, такъ какъ широкое развитіе послѣдняго могло бы оттягивать вклады отъ правительственныхъ сберегательныхъ кассъ, важнѣйшее назначеніе которыхъ составляла реализація государственныхъ займовъ. Роль закупочныхъ товариществъ по удешевленію предметовъ производительнаго сельскохозяйственнаго потребленія начали играть за послѣднее время земскія учрежденія, организовавшія почти повсемѣстно въ земской Россіи склады сельскохозяйственныхъ орудій, машинъ, сѣмянъ и искусственныхъ удобреній. Несмотря на выдающуюся хозяйственную неспособность дворянскаго элемента, стоящаго въ настоящее время во главѣ земскихъ учрежденій, это дѣло шло довольно успѣшно; и обороты земскихъ складовъ ежегодно возрастали. За послѣдніе годы сдѣланы были также первые шаги къ торговому объединенію губернскихъ земствъ въ крупный союзъ. Если и въ настоящее время, при дворянско-бюрократическомъ строѣ земства, принципъ самоуправленія, привлекая къ себѣ интеллигентныя силы, поставилъ земскія торгово-

посредническія операціи на твердую почву, то едва ли возможно сомнѣваться въ широкомъ развитіи этого дѣла, при переходѣ послѣдняго въ руки крестьянъ, въ томъ демократическомъ земствѣ, возникновеніе котораго неизбѣжно связано съ соціализаціей земли. Муниципализація торгово-посредническихъ операцій возникнетъ, какъ естественное послѣдствіе объединенія въ земскомъ самоуправленіи мелкихъ производителей, уравнительно надѣленныхъ землей. Не менѣе крупная роль предстоитъ будущей организаціи земства въ дѣлѣ снабженія населенія улучшеннымъ инвентаремъ. Пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій общественными учрежденіями для пользованія этими орудіями нуждающихся въ томъ земледѣльцевъ составляетъ очередную задачу земской агрономической организаціи уже въ настоящее время, покамѣстъ преимущественно выразившуюся въ устройствѣ земскихъ пунктовъ по очисткѣ и сортировкѣ сѣмянъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла, по мѣрѣ возрастанія существующаго спроса на улучшенный инвентарь со стороны крестьянскаго хозяйства, форма снабженія земледѣльческаго производства этимъ инвентаремъ будетъ получать все болѣе и болѣе общественный характеръ. Пользованіе нѣкоторыми орудіями производства можетъ быть пріурочено къ тѣмъ свободнымъ общинамъ полноправныхъ гражданъ, которыя возникнутъ на соціализированной землѣ взамѣнъ существующаго тягловыхъ общинъ. И въ настоящее время общины, при объединенномъ хозяйственномъ интересѣ своихъ сочленовъ, представляютъ изъ себя нерѣдко готовую форму сельскохозяйственнаго товарищества, которая проявляется во всевозможныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ общины при общественной покупкѣ и арендѣ земли, въ крупныхъ меліоративныхъ предпріятіяхъ на общественныхъ земляхъ, въ совмѣстномъ пріобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и удобреній и т. п. Болѣе сложныя орудія производства, въ особенности въ первоначальной стадіи, до ознакомленія съ ихъ употребленіемъ значительныхъ массъ населенія, могутъ пріобрѣтаться болѣе крупными общественными организаціями, чѣмъ общины, для выдачи этихъ орудій на прокатъ и пользованія какъ общинамъ, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ. Такимъ образомъ, на ряду съ муниципализаціей торгово-посредническихъ операцій, предстоитъ возникновеніе коммунализаціи и муниципализаціи улучшеннаго земледѣльческаго инвентаря.

Превосходство подобной формы проникновенія улучшеннаго инвентаря въ крестьянское хозяйство передъ машинными товариществами является вполнѣ понятнымъ, какъ по своему соціальному содержанію, такъ и по своимъ техническимъ послѣдствіямъ. Машинное товарищество возникаетъ въ результатѣ личной инициативы его участниковъ, а обобществленіе улучшеннаго инвентаря въ результатѣ общественной инициативы учрежденій. Между тѣмъ о значительности роли общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ улучшенія техники земледѣльческаго производства свидѣтельствуетъ вся исторія этихъ улучшеній въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. На ряду съ указанными хозяйственными функціями будущему земству предстоитъ не менѣе крупная хозяйственная роль въ дѣлѣ управленія различными заводскими предпріятіями, связанными съ сельскимъ хозяйствомъ. Германскія сельскохозяйственныя товарищества ходомъ своего собственнаго развитія были приведены къ необходимости устраивать собственные заводы искусственныхъ удобреній, несмотря на широкую частную предпріимчивость въ этомъ дѣлѣ, которая почти отсутствуетъ въ Россіи. Изъ предпріятій, связанныхъ съ переработкой сельскохозяйственныхъ продуктовъ, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены винокуренные заводы по неизбѣжности перехода послѣднихъ въ общественное завѣдываніе. При государственной монополіи на торговлю питьями, винокуренные заводы поставлены передъ организованными рынками и обезпечены заранѣе разсчитаннымъ сбытомъ. Въ настоящее время винокуренные заводчики являются участниками въ тѣхъ выгодахъ, которыя вытекаютъ изъ государственной монополіи. Если казенная продажа питей, при существующемъ государственномъ строѣ, является своего рода организованнымъ разсадникомъ алкоголизма въ населеніи, то принципіальное основаніе къ устраненію частнаго интереса отъ торговли такимъ опаснымъ товаромъ, какъ алкоголь, вполнѣ сохраняетъ свою правильность. Поэтому едва ли могутъ быть основанія, послѣ измѣненія существующаго государственнаго строя, къ передачѣ торговли спиртомъ вновь въ частныя руки. Общественное завѣдываніе торговлей питьями должно сопровождаться культурными и санитарными мѣропріятіями по оздоровленію населенія отъ болѣзни алкоголизма. Между тѣмъ общественная организація сбыта не должна быть источникомъ выгодъ, неизбѣжно извлекаемыхъ производителями спирта. При

общественной организаціи сбыта обобществленіе производства становится неустранимымъ послѣдствіемъ, если не дѣлать изъ винокуренныхъ заводчиковъ привиллегированную касту, состоящую подъ особымъ покровительствомъ государства.

Производительныя товарищества по переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства получили за послѣдніе годы, какъ уже было ранѣе отмѣчено, широкое распространеніе во многихъ странахъ Западной Европы. Изъ этихъ товариществъ наиболѣе широкимъ распространеніемъ пользуются предпріятія, связанныя съ переработкой молока. Несомнѣнно, что будущимъ демократическимъ учрежденіямъ Россіи предстоитъ въ этомъ дѣлѣ также крупная роль. Прежде чѣмъ перейти къ выясненію этой роли, представляется необходимымъ остановиться на тѣхъ критическихъ замѣчаніяхъ, которыя высказаны по поводу производительныхъ товариществъ Каутскимъ [1]).

Каутскій видитъ только ту положительную сторону въ производительныхъ товариществахъ, что послѣднія приводятъ къ индустріализаціи земледѣлія и тѣмъ самымъ къ побѣдѣ капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ. Кооперація мелкихъ производителей вмѣстѣ съ конкуренціей заатлантическихъ странъ поведетъ, по мнѣнію Каутскаго, къ перепроизводству молочныхъ продуктовъ и къ кризису сбыта. Съ наступленіемъ кризиса погибнутъ болѣе мелкія предпріятія, съ недостаточнымъ оборотнымъ капиталомъ, и на ихъ мѣстѣ вырастутъ крупныя фабричныя предпріятія, подчинивъ совершенно своей зависимости мелкое сельскохозяйственное производство. Отрицательную же сторону распространенія молочныхъ товариществъ Каутскій видитъ въ сокращеніи потребленія сельскимъ населеніемъ молочныхъ продуктовъ, разрушающемъ ихъ физическое благосостояніе. Чѣмъ больше продуктовъ мелкій крестьянинъ превращаетъ въ товары, тѣмъ хуже его питаніе. Хотя со времени перваго изданія книги Каутскаго прошло болѣе 7 лѣтъ, но предсказанный имъ въ то время (1899 г.) кризисъ маслодѣлія не наступилъ, производительныя же кооперацiи мелкихъ земледѣльцевъ получили за это время значительное развитіе. Опасность подобнаго кризиса въ значительной долѣ устраняется объединеніемъ молочныхъ товариществъ въ крупные союзы, охватывающіе въ нѣкоторыхъ слу-

---

[1]) Agrarfrage стр. 260 и слѣд.

чаяхъ, какъ, напр., въ Даніи, все экспортное маслодѣліе страны.

Каутскій въ подобномъ объединеніи видитъ покушеніе на интересы потребителей и сравниваетъ ихъ съ картелями крупныхъ предпринимателей. Указанная опасность для потребителей однако будетъ сокращаться съ усиленіемъ общественнаго интереса въ дѣлѣ управленія производительными товариществами. Поэтому муниципализація маслодѣлія и другихъ формъ производственныхъ кооперацій явится могущественнымъ средствомъ, какъ къ урегулированію производства, такъ и къ обезпеченію интересовъ потребителей. Другое замѣчаніе Каутскаго относительно сокращенія потребленія молочныхъ продуктовъ населеніемъ, при развитіи молочныхъ товариществъ, является не новымъ для русскаго читателя.

Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, при увлеченіи части русскаго общества артельными предпріятіями и въ томъ числѣ артельными сыроварнями, А. Н. Энгельгардтомъ было высказано мнѣніе объ отрицательномъ вліяніи сбыта молока на питаніе населенія.

Это совершенно справедливое замѣчаніе не имѣетъ однако того абсолютнаго значенія, какое ему придаетъ Каутскій. Нельзя сказать, что, при всякихъ условіяхъ, сбытъ пищевыхъ продуктовъ оказываетъ отрицательное вліяніе на питаніе земледѣльческаго населенія. Подобному утвержденію противорѣчилъ бы такой крупный фактъ, какъ значительное повышеніе благосостоянія сельскаго населенія центральной Европы при переходѣ отъ натуральнаго хозяйства первой половины прошлаго столѣтія къ рыночному хозяйству современной эпохи. Сбытъ продуктовъ, затрагивающій продовольственные запасы населенія и вызывающій пониженіе потребленія, можетъ быть только вынужденнымъ нищетой населенія. При достаточно высокомъ уровнѣ благосостоянія, когда внѣшнія хозяйственныя условія допускаютъ возможность расширить производство при выгодномъ сбытѣ, напр., при выгодной продажѣ молока, завести вмѣсто одной—двѣ коровы, или путемъ улучшеннаго кормленія поднять соотвѣтствующимъ образомъ удойливость молочнаго скота, опасенія невыгоднаго вліянія сбыта на пищевое довольствіе населенія становятся мнимыми. Поэтому въ дѣлѣ развитія производительныхъ товариществъ является весьма важнымъ удачный выборъ мѣста. Только

при благопріятныхъ природныхъ условіяхъ, напр., при наличности заливныхъ луговъ, или при соотвѣтствующемъ измѣненіи техники земледѣлія путемъ введенія въ сѣвооборотъ кормовыхъ растеній, при упрочившемся благосостояніи земледѣльческаго населенія развитіе производства по обработкѣ молока не будетъ угрожать питанію населенія. Поэтому весьма важнымъ условіемъ правильнаго развитія этой отрасли народнаго хозяйства должно явиться планомѣрное участіе общественныхъ учрежденій въ организаціи производства по переработкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Итакъ, будущимъ органамъ общественнаго самоуправленія несомнѣнно открывается обширное поле хозяйственной дѣятельности. Увѣренность въ томъ, что хозяйственная дѣятельность демократическаго земства направится въ эту сторону, даютъ уже современныя хозяйственныя начинанія земства, проводящаго въ широкихъ размѣрахъ муниципализацію такихъ предпріятій, которыя въ западной Европѣ составляютъ предметъ частной предпріимчивости и частной иниціативы. Внѣ всякаго сомнѣнія, что и хозяйственная дѣятельность сельскихъ общинъ, освобожденныхъ отъ полицейской опеки и произвольнаго распоряженія мірскими доходами со стороны администраціи, получитъ также не менѣе широкое развитіе.

Для читателя можетъ возникнуть вопросъ, почему именно соціализація земли въ наибольшей степени обезпечиваетъ развитіе хозяйственной дѣятельности самоуправляющагося населенія въ указанномъ выше направленіи? Почему всего этого не можетъ быть, напр., при муниципализаціи земли, принятой въ программѣ Р. С.-Д. Р. П.? Казалось бы, что существуетъ прямая связь между муниципализаціей земли и развитіемъ хозяйственной дѣятельности собственника этой земли, областного земства. Но это не такъ. Передача земли въ собственность областныхъ общественныхъ учрежденій превратитъ общественныя собранія въ арену острой борьбы за право пользованія землей и всѣ хозяйственныя начинанія отодвинетъ на второй планъ. Россійская соціаль-демократія, вѣрующая, какъ извѣстно, исключительно въ творческія имманентныя силы капиталистическаго развитія, скептически относится къ соціальному творчеству революціи и отодвигаетъ рѣшеніе основныхъ пунктовъ аграрнаго вопроса до болѣе спокойнаго времени. С.-демократическая программа разрѣшаетъ революціи только найти собственника экспропріируемыхъ

земель и рекомендуетъ экспропріирующему населенію передать земли, добытыя его революціонными усиліями и кровавыми жертвами, въ распоряженіе органовъ областного самоуправленія, которое уже затѣмъ въ болѣе покойное время реакціи, пришествіе которой, повидимому, ожидается русскими соціаль-демократами въ видѣ монархической реставраціи[1]), распорядится на досугѣ этими землями. Несмотря на всю невѣроятность выполненія подобной программы, представимъ мысленно, что земля, вырванная революціей изъ рукъ частныхъ собственниковъ, перешла въ распоряженіе областныхъ земскихъ учрежденій.

Аграрный вопросъ въ той его части, въ разрѣшеніи которой наиболѣе заинтересовано населеніе, для котораго важна не форма собственности, а типъ пользованія землей, останется попрежнему открытымъ. Разрѣшеніе проблемы землепользованія переносится изъ полномочнаго учредительнаго собранія въ областныя земскія собранія съ ихъ неизбѣжно ограниченной правовой компетенціей. Только учредительное собраніе компетентно создать основной земельный законъ и поставить землепользованіе на прочномъ основаніи. При переходѣ земельнаго фонда въ распоряженіе областныхъ земствъ способъ пользованія землей будетъ всякій разъ опредѣляться исходомъ избирательной кампаніи въ областные сеймы. Не только вопросы хозяйственные, но также и вопросы культурные и просвѣтительные неизбѣжно отодвинутся на второй планъ, какъ при выборахъ, такъ и въ текущихъ занятіяхъ областныхъ собраній. Только прочное и широкое разрѣшеніе вопросовъ землепользованія на началахъ основного земельнаго закона, какъ это предполагаетъ проектъ соціализаціи земли, откроетъ для земскихъ учрежденій намѣченный выше широкій путь хозяйственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что соціализація земли, обезпечивая въ наибольшей степени развитіе кооперативной организаціи въ сельскомъ хозяйствѣ въ формахъ наиболѣе совершенныхъ и тѣмъ самымъ создавая организованное противодѣйствіе торгово-ростовщическимъ функціямъ капитала, открываетъ широкую возможность къ привлеченію производительнаго капитала въ земледѣліе и тѣмъ самымъ къ быстрому прогрессу сельскаго хозяйства.

---

1) См., напр., отчетъ о послѣднемъ партійномъ съѣздѣ въ газ. „Свѣточъ“.

Однако, прогрессъ земледѣльческой техники обезпечивается не только производительнымъ притокомъ капитала, но также и притокомъ знаній въ сельское хозяйство. Перечисляя преимущества крупнаго производства, Каутскій [1]) видитъ существеннѣйшую выгоду крупнаго хозяйства въ томъ, что во главѣ подобнаго хозяйства можетъ стоять научно-образованный агрономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крупной особенностью новѣйшаго хозяйства Каутскій признаетъ то, что сельское хозяйство стало наукой [2]). Послѣднее замѣчаніе Каутскаго едва ли можно оспаривать, если подъ сельскимъ хозяйствомъ подразумѣвать не самый способъ веденія земледѣльческаго производства, а совокупность современныхъ агрономическихъ знаній. Поэтому правильнѣе было бы сказать что агрономія изъ собранія эмпирическихъ рецептовъ стала наукой и при томъ болѣе наукой, чѣмъ представляетъ это себѣ Каутскій, стоящій еще на уровнѣ агрономическихъ знаній отдаленной либиховской эпохи и сводящій экспериментальную агрономію къ правильному веденію бухгалтерскихъ книгъ [3]). Вмѣстѣ съ развитіемъ научныхъ знаній минеральная агрономія Либиха уступила мѣсто научному эксперименту надъ живымъ организмомъ. Противопоставленіе изученія производству опытовъ, дѣлаемое Каутскимъ, является такимъ же устарѣлымъ, какъ признаваемое имъ смѣшнымъ утвержденіе, что опытъ идетъ впереди науки. Въ опытной агрономіи, имѣющей дѣло съ такими живыми организмами, какъ бактерія почвы, растеніе и животные, изучать значитъ экспериментировать. Вмѣстѣ съ совершенствованіемъ методовъ научнаго изслѣдованія, ставшихъ доступными только организованнымъ научнымъ учрежденіямъ, производство агрономическихъ опытовъ отдѣляется отъ веденія сельскаго хозяйства. Происходитъ спеціализація и раздѣленіе труда. Производство опытовъ переносится изъ хозяйства на опытныя поля и станціи подъ руководство и наблюденіе научно-подготовленныхъ лицъ. Подобной организаціей сельскій хозяинъ освобождается отъ производства по большей части неудачныхъ опытовъ, а результаты удачнаго опыта не скрываются въ нѣдрахъ отдѣльнаго хозяйства, а дѣлаются общедоступными, какъ при помощи публикацій, такъ и нагляднаго демонстрированія результатовъ опыта. По всѣмъ этимъ причинамъ П. Вагнеръ въ Германіи и Грандо во Франціи,

[1]) К. Каутскій l. c. 97 стр.
[2]) ib. стр. 52.
[3]) ib. стр. 54.

которые, вѣроятно, были бы весьма плохими сельскими хозяевами, своими научными изслѣдованіями сдѣлали для прогресса сельскаго хозяйства своей родины гораздо болѣе, чѣмъ всѣ австрійскіе управляющіе, вмѣстѣ взятые.

Каутскій, столь чуткій къ улавливанію всякихъ симптомовъ капиталистической концентраціи, просмотрѣлъ тѣ преобразованія въ научной агрономіи, которыя по своимъ внѣшнимъ признакамъ значительно напоминаютъ процессъ капитализаціи индустріальнаго производства. При господствѣ натуральнаго хозяйства, крестьянинъ долженъ былъ умѣть не только воздѣлывать свое поле и выращивать скотъ, но также приготовлять одежду, обувь, домашнюю утварь, орудія производства и т. п. Капитализація домашнихъ промысловъ освободила крестьянина отъ настоятельной необходимости въ этихъ энциклопедическихъ познаніяхъ: въ настоящее время онъ все для него необходимое находитъ въ готовомъ видѣ на рынкѣ. Подобное отдѣленіе промышленности отъ сельскаго хозяйства произошло подъ вліяніемъ усовершенствованія въ орудіяхъ промышленнаго производства. Роль орудій производства въ накопленіи агрономическихъ знаній играютъ методы научнаго изслѣдованія. При усовершенствованіи этихъ методовъ произошло то же, что и съ домашней промышленностью натуральнаго хозяйства, при усовершенствованіи орудій промышленнаго производства: научное агрономическое изслѣдованіе отдѣлилось отъ сельскаго хозяйства, полевая эмпирика сельскаго хозяина замѣнилась научно-поставленнымъ вегетаціоннымъ опытомъ. Для примѣненія усовершенствованныхъ орудій производства потребовалась фабрика; для приложенія новыхъ методовъ агрономическаго изслѣдованія—научно-оборудованная опытная станція. Употребляя экономическіе термины, можно сказать, что произошла не только капитализація, но націонализація производства агрономическихъ знаній въ государственныхъ опытныхъ станціяхъ и учебныхъ учрежденіяхъ. При переходѣ промышленнаго производства на фабрики, промышленность должна была озаботиться массовымъ сбытомъ своихъ товаровъ. Точно также, при переходѣ производства научныхъ агрономическихъ знаній на опытныя станціи, возникла потребность въ массовомъ распространеніи формирующихся тамъ новыхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Подъ вліяніемъ этой потребности вырабатывается система педагогическихъ пріемовъ для сообщенія агрономическихъ знаній

хозяйствующимъ массамъ населенія, которая и выливается въ форму общественной агрономической организаціи.

Обобществленіе производства неизбѣжно приводитъ къ обобществленію сбыта. Свѣтъ агрономическаго знанія проникаетъ въ самые глухіе уголки деревни и становится доступнымъ не только крупному, но и мелкому хозяйству.

Посколько, однако, дальнѣйшій прогрессъ агрономической науки можетъ послужить на пользу мелкому земледѣльческому хозяйству и не приведетъ ли онъ въ процессѣ своего развитія къ торжеству крупнаго производства? Я не задаюсь цѣлью гадать о неизвѣстномъ будущемъ, но тѣмъ не менѣе предполагаю, что можно получить до извѣстной степени правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, если обратить вниманіе на основное содержаніе совершающагося прогресса научныхъ агрономическихъ знаній. Направленіе этого прогресса проливаетъ въ извѣстной мѣрѣ свѣтъ на будущее. Не заглядывая въ то болѣе или менѣе отдаленное будущее, когда по предсказанію великаго мастера химическаго синтеза, извѣстнаго французскаго химика Бертло, человѣчество будетъ получать свои пищевые продукты путемъ химическаго синтеза при помощи пользованія внутреннимъ жаромъ нашей планеты, я остановлюсь въ самыхъ краткихъ словахъ на тѣхъ болѣе близкихъ къ намъ перспективахъ, которыя доступны наличнымъ методамъ науки. Покамѣстъ человѣчество для удовлетворенія своихъ нуждъ будетъ пользоваться той естественной мастерской химическаго синтеза, которую представляетъ изъ себя зеленый листъ растенія, агрономіи придется неизмѣнно имѣть дѣло съ потребностями растительнаго организма и съ почвой, какъ складочнымъ мѣстомъ необходимыхъ для растенія питательныхъ веществъ. Воспитаніе обширныхъ площадей хлорофилла листьевъ, какъ живыхъ пріемниковъ потоковъ солнечной энергіи, по всей вѣроятности, еще надолго составитъ ближайшую задачу агрономической науки. Какія же возможности открываетъ намъ современная наука въ этомъ направленіи?

Мертвая минеральная агрономія Либиха оживилась подъ дыханіемъ творческаго генія Пастера. Жизни культурныхъ растеній на всякомъ участкѣ почвы предшествуетъ не менѣе могущественная жизнь невидимыхъ друзей человѣка, подготовляющихъ для растенія питательную среду. Регулированіе этой жизни, культура полезныхъ бактерій почвы, введеніе бактерій въ сѣвообо-

ротъ — вотъ тѣ возможности, которыя открываются передъ современной агрономической наукой. Предохранительныя прививки, получившія такое значительное развитіе въ новѣйшей медицинѣ, какъ средство борьбы противъ бактерій-враговъ, раскрываютъ въ своей проэкціи прививки къ почвѣ бактерій, друзей человѣка. Искусственный подборъ растеній, селекція сѣмянъ, представляетъ изъ себя другое могущественное средство къ прогрессу сельскаго хозяйства путемъ усиленія полезныхъ сторонъ растительнаго организма. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наука стремится путемъ подбора повысить производительность работы природной мастерской по синтезу питательныхъ веществъ. Съ распространеніемъ почвенныхъ прививокъ, будутъ ли эти прививки изготовляться лабораторнымъ или фабричнымъ путемъ, доступность послѣднихъ будетъ одинакова, какъ для мелкихъ, такъ и для крупныхъ хозяйствъ. То же приходится сказать и по отношенію къ усовершенствованнымъ сѣмянамъ, воспитаннымъ на селекціонныхъ станціяхъ. Это не паровой плугъ, который нельзя раздѣлить на части и распредѣлить по отдѣльнымъ мелкимъ хозяйствамъ. Прогрессъ агрономической техники болѣе тѣсно связанъ съ прогрессомъ біологическихъ знаній, чѣмъ съ прогрессомъ прикладной механики, которая болѣе всего обезпечиваетъ техническія преимущества крупнаго производства. Не замѣнитъ ли съ прогрессомъ бактеріологіи біологическая обработка почвы механическую, работа невидимой бактеріи—работу громоздкаго парового плуга?

Всѣ приведенныя здѣсь соображенія въ доказательство возможности широкаго техническаго прогресса въ области мелкаго земледѣльческаго производства, не въ состояніи однако устранить тѣхъ тѣневыхъ сторонъ, которыя вытекаютъ изъ крупныхъ соціальныхъ недостатковъ этой формы сельскаго хозяйства.

Сравнительныя преимущества крупнаго или мелкаго производства слѣдуетъ искать не въ техникѣ земледѣлія, какъ это дѣлаютъ и Каутскій и его антагонисты вродѣ Давида, а въ области соціальной. Въ сельскомъ хозяйствѣ принимаютъ участіе не однѣ производительныя силы, а также человѣкъ, приводящій эти силы во взаимодѣйствіе и движеніе. Поэтому при опредѣленіи преимуществъ крупнаго и мелкаго производства должны быть приняты верховнымъ критеріемъ интересы человѣческой личности. Высшимъ благомъ человѣческой личности являются тѣ

дарованія и способности, которыя заложены въ нее наслѣдственностью, средой и воспитаніемъ. Съ этой точки зрѣнія является болѣе превосходной та форма производства, которая допускаетъ болѣе полное проявленіе этихъ способностей. Вставъ на эту точку зрѣнія, попытаемся разобраться въ сравнительныхъ преимуществахъ мелкаго и крупнаго производства въ области сельскаго хозяйства. Едва ли какая-либо другая отрасль хозяйственной дѣятельности требуетъ такого многообразія способностей и навыковъ, какъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Съ усовершенствованіемъ земледѣльческаго производства, съ введеніемъ въ культуру новыхъ растеній, требованія, предъявляемыя къ земледѣльцу со стороны его хозяйства, все болѣе и болѣе усложняются.

Если въ настоящее время отъ земледѣльца и не требуется такихъ энциклопедическихъ знаній, какъ въ эпоху натуральнаго хозяйства, то тѣмъ не менѣе усовершенствованіе техники чисто земледѣльческаго производства требуетъ тщательнаго выполненія болѣе многообразныхъ работъ и умѣнья обращаться съ болѣе сложными орудіями производства и съ болѣе требовательными породами скота. Между тѣмъ, съ ростомъ общей культуры происходитъ болѣе рѣзкая дифференціація индивидуальныхъ способностей. При первобытномъ строѣ, какъ это подтверждаютъ наблюденія этнологовъ, люди одного и того же племени или народности гораздо болѣе похожи одинъ на другого, чѣмъ при усложненіи культурной и хозяйственной жизни. Происходитъ спеціализація индивидуальныхъ способностей. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обращаемся вновь къ области сельскаго хозяйства. Для веденія этого хозяйства необходимо одинаковое умѣнье для обращенія какъ съ растительными, такъ и съ животными культурами. Между тѣмъ, прекрасный пахарь, умѣло обращающійся съ плугомъ, можетъ быть совершенно несостоятельнымъ въ дѣлѣ ухода за скотомъ. Точно также и наоборотъ, лицо, способное поднять своимъ умѣлымъ уходомъ производительность стада, можетъ совершенно теряться въ полѣ: плугъ постоянно дѣлаетъ огрѣхи, сбруя рвется, все дѣло валится изъ рукъ. Несостоятельность полевого хозяйства такого пахаря разрушаетъ его любимое дѣло на скотномъ дворѣ. Только при раздѣленіи труда, недоступномъ мелкому производству, умѣлый пахарь можетъ отправиться въ поле, въ то время, какъ опытный скотникъ останется при скотномъ дворѣ. Индивидуальныя способности каждаго от-

дѣльнаго лица найдутъ для себя соотвѣтствующее примѣненіе. Подобное приспособленіе индивидуальныхъ способностей къ спеціальной функціи производства можетъ произвести только крупное хозяйство вообще, но не та его разновидность, которая наблюдается въ крупномъ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Эта форма производства ведетъ за собой обезлюдиненіе деревни и отталкиваетъ отъ себя людей со сколько-нибудь крупной индивидуальностью. Подборъ индивидуальныхъ способностей не составляетъ функціи крупнаго капиталистическаго хозяйства. Плохой пахарь будетъ согнанъ съ поля, а не отправленъ на скотный дворъ для испытанія тамъ его способностей. Полное примѣненіе индивидуальныхъ способностей къ спеціальнымъ функціямъ можетъ дать только полная кооперація въ области сельскаго хозяйства, артельное земледѣльческое производство. Попытаемся поэтому подвергнуть испытанію планъ соціализаціи земли со стороны его способности—содѣйствовать возникновенію артельнаго земледѣльческаго производства.

Что мѣшаетъ болѣе всего объединенію мелкихъ производителей въ полную производственную кооперацію? Частная собственность на орудія производства, а по отношенію къ крестьянскому хозяйству прежде всего и болѣе всего частная собственность на землю—отвѣчаетъ намъ К. Каутскій [1]). „Чѣмъ болѣе возрастаетъ населеніе, чѣмъ выше требованіе на землю, тѣмъ болѣе цѣпко держится онъ (крестьянинъ) за свой порогъ. Въ Америкѣ онъ оставляетъ, или, по крайней мѣрѣ оставлялъ до недавняго времени, съ легкимъ сердцемъ свое имѣніе, если оно переставало приносить ему достаточный доходъ съ тѣмъ, чтобы отправиться на западъ, гдѣ имѣется еще достаточно земли. Въ Германіи и Франціи никакое лишеніе недостаточно велико крестьянину, чтобы сохранить владѣніе своей парцеллой, нѣтъ цѣны достаточно высокой, чтобы прибавить къ ней новую. Стоитъ подумать только о тѣхъ затрудненіяхъ, съ какими встрѣчается такая необходимая и благодѣтельная операція, какъ объединеніе къ одному мѣсту черезполосно расположенныхъ съ другими владѣніями земельныхъ участковъ отдѣльнаго владѣльца“ [2]). Всѣ эти затрудненія, на которыя указываетъ Каутскій, исчезаютъ при соціализаціи земли, устраняющей въ первую очередь частную собственность на землю.

[1]) Die Agrarfrage стр. 127.

[2]) ib. стр. 127—128.

Соединеніе земельныхъ участковъ къ одному мѣсту въ цѣляхъ совмѣстнаго веденія земледѣльческаго хозяйства, также въ значительной степени облегчается при новомъ аграрномъ строѣ.

Соціализація земли, въ основу которой положено право на землю всякаго гражданина, не связываетъ земледѣльца съ земельнымъ участкомъ его пользованія; право, не отдѣлимое отъ личности земледѣльца, всюду слѣдуетъ за земледѣльческимъ трудомъ. Для того, чтобы организовать артельное хозяйство, при частной собственности на землю, необходимо соглашеніе въ этомъ направленіи опредѣленнаго числа сосѣднихъ другъ съ другомъ земледѣльцевъ. Отсутствіе подобнаго согласія хотя бы со стороны одного изъ сосѣдей въ состояніи разрушить артельное начинаніе остальныхъ. Возникновеніе артельной иниціативы въ средѣ группы отдѣльныхъ земледѣльцевъ, расположенныхъ одинъ отъ другого на разстояніи, не допускающемъ совмѣстнаго веденія хозяйства, не можетъ привести къ какому бы то ни было положительному результату. Чтобы подобная группа земледѣльцевъ могла свободно перейти къ артельно-кооперативному производству, представляется необходимымъ, чтобы они сложились своими земельными участками.

При господствѣ права на землю для подобной группы лицъ достаточно въ тѣхъ же условіяхъ суммировать свои земельныя права. Соціализація земли не прикрѣпляетъ отдѣльной личности къ общинѣ. Право на землю можетъ быть однако осуществлено, какъ при общественномъ, такъ и при хуторскомъ хозяйствѣ. При индивидуалистическихъ наклонностяхъ земля можетъ быть отведена отдѣльному лицу въ отрубномъ участкѣ. Точно также при кооперативно-артельныхъ стремленіяхъ можетъ быть отведенъ самостоятельный участокъ землепользованія, соотвѣтствующій по своимъ размѣрамъ суммѣ земельныхъ правъ участниковъ земледѣльческой артели. Соціализація земли, устраняющая возможность крупнаго капиталистическаго хозяйства, вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ возможность къ воскрешенію крупнаго производства въ кооперативно-артельной оболочкѣ. Крупныя послѣдствія подобнаго соціальнаго преобразованія едва ли требуютъ доказательства, такъ какъ въ кооперативномъ земледѣльческомъ производствѣ объединяются всѣ выгоды крупнаго и мелкаго хозяйства.

Тѣмъ не менѣе соціализація земли не разрѣшаетъ въ конечномъ счетѣ соціальнаго вопроса: она только ставитъ разрѣшеніе этого вопроса на другой болѣе побѣдоносный путь. Освобожденіе личности отъ власти земли и производительныхъ силъ сельскаго хозяйства отъ цѣпей землевладѣнія, не въ состояніи подорвать въ сколько-нибудь замѣтной степени экономическаго могущества капитала. Соціализація земли не разрушаетъ мѣнового характера современнаго крестьянскаго хозяйства и не упраздняетъ частной собственности на орудія земледѣльческаго производства. Основы капиталистическаго строя остаются по прежнему незыблемыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ и господство капитала на рынкѣ и въ области индустріальнаго производства.

Крупнѣйшія политическія послѣдствія произошедшей перемѣны будутъ заключаться въ томъ, что капиталистическая эксплоатація не будетъ затемняться въ сознаніи населенія фетишомъ землевладѣнія. Трудовыя земледѣльческія массы утратятъ надежду укрѣпить свое хозяйственное положеніе расширеніемъ своего землевладѣнія. Борьба за землю не будетъ затемнять борьбу противъ капитала и раздѣлять земледѣльцевъ и рабочихъ на два враждебныхъ лагеря. Трудовое крестьянство и пролетаріатъ пойдутъ рука объ руку къ одной имъ общей цѣли—преобразованія капиталистическихъ отношеній на началахъ права и справедливости въ новомъ болѣе современномъ общественномъ строѣ. Соціализація земли создаетъ экономическій базисъ, который въ сильнѣйшей степени будетъ содѣйствовать развитію въ деревнѣ соціалистическихъ взглядовъ, росту въ средѣ тружениковъ-земледѣльцевъ стремленія къ болѣе совершенному и справедливому общественному строю. Когда сознанію мелкаго земледѣльца, не затемняемому болѣе фанатизмомъ собственности и борьбой за землю, предстанетъ со всей ясностью причина его продолжающейся матеріальной зависимости и средства къ ея устраненію, тогда онъ станетъ соціалистомъ. Созданіе условій, политическихъ и матеріальныхъ, къ подобному преобразованію представленій основной массы населенія нашей земледѣльческой страны—является величайшей задачей современнаго историческаго момента.

П. Вихляевъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

Оглавленіе.

стр.

Л. Шишко. Что такое соціализація земли. 1

Л. Закъ. Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе. . 44

С. Закъ. Соціализація земли и поземельная рента 107

П. Вихляевъ. Соціализація земли и прогрессъ сельскаго хозяйства 141